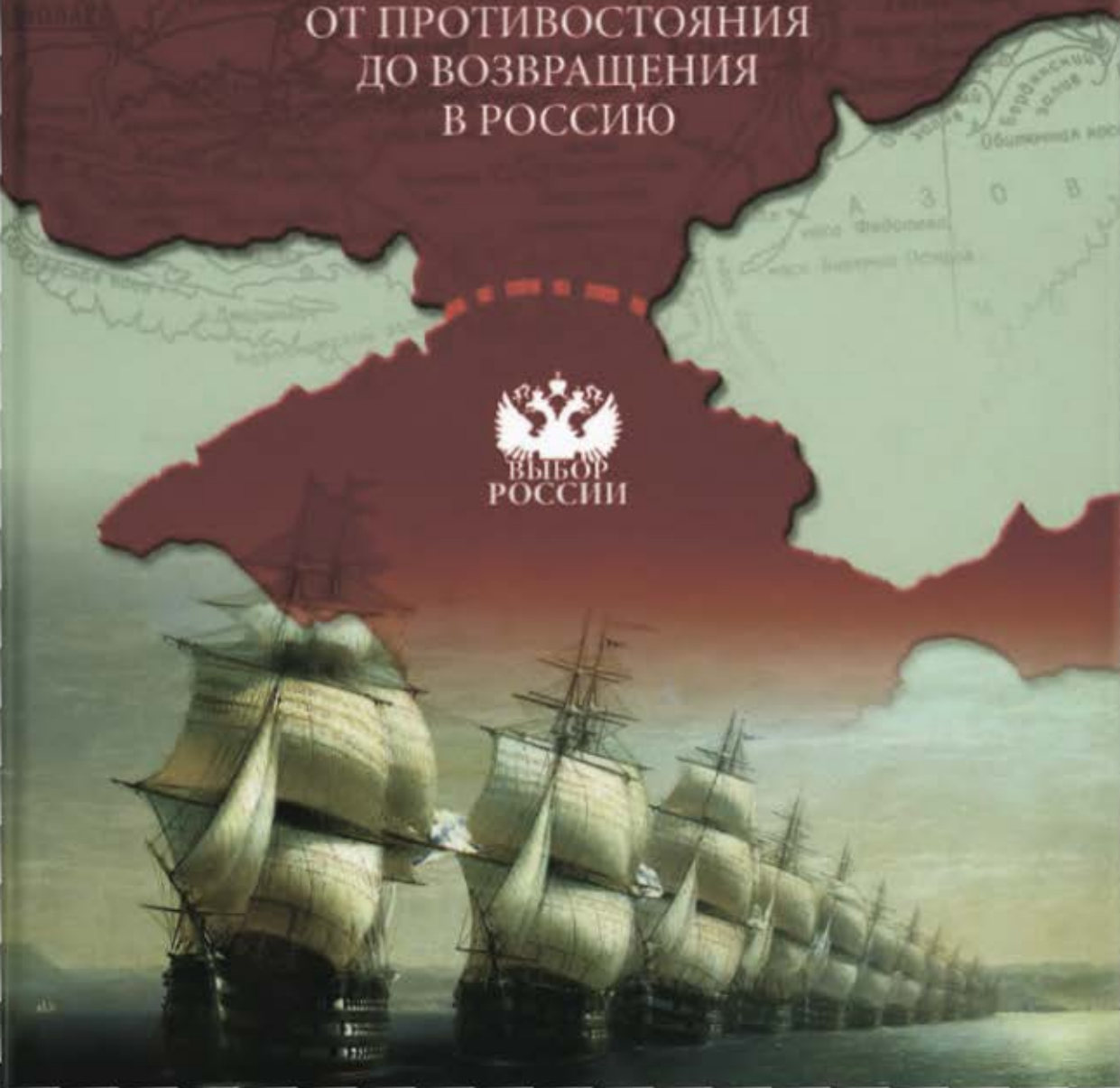
Александр Широкорад

Битва за Крым

от противостояния до возвращения в Россию



ВЫБОР РОССИИ

Александр Широкорад

БИТВА ЗА КРЫМ

ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ

Москва
Вече

УДК 796
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш64

Широкорад, А.Б.
Ш64 Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию / Александр Широкорад. — М. : Вече, 2014. — 352 с.: ил. — (Выбор России).
ISBN 978-5-4444-2220-5
Знак информационной продукции **12+**

Подлинная история Крыма существенно отличается от текста советских и современных учебников истории. Крым стал христианским еще в XV веке. Русы основались на полуострове еще в IX веке, и тогда же арабские историки стали именовать Черное море Русским морем. Так что татары не были коренным населением Крыма. Мало того, Крым никогда не был полностью татарским. С середины XIII века по 1475 г. его городами и портами владели итальянцы, а затем турки. В 1774 г., изгнав турок, портами и крепостями Крыма овладели русские. Ну а в 1783 г. было упразднено Крымское ханство.

Как русские осваивали Крым? Стала ли Ливадия второй столицей Российской империи? Почему был сдан Севастополь в июле 1942 г.? Что делали татары в 1942—1944 гг. и какую судьбу им готовил Гитлер? Почему в Крыму никто не заметил, что Хрущев передал его Украине? Была ли альтернатива у России в марте 2014 г.? Об этом и многом другом читатель узнает из книги Александра Широкорада «Битва за Крым».

УДК 796
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-2220-5

© Широкорад А.Б., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Содержание

Глава 1. РУССКОЕ МОРЕ «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ» 3
Глава 2. КАК ТАВРИДА СТАЛА КЫРЫМОМ 14
Глава 3. ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛОСЬ ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА С БРАТСКИМ ТУРЕЦКИМ НАРОДОМ 30
Глава 4. ПОКОРЕНИЕ КРЫМА 41
Глава 5. ОСНОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ 51
Глава 6. ПОРАЖЕНИЕ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ И ФИАСКО «БУМАЖНОГО» КАНЦЛЕРА 55
Глава 7. ЛИВАДИЯ ВТОРАЯ СТОЛИЦА ИМПЕРИИ.....62
Глава 8. КРЫМ В 1917 1919 ГОДАХ.....85
Глава 9. ПОХОЖДЕНИЯ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ 105
Глава 10.БАРОН В БЕГАХ, ИЛИ ДЕЛА КОММЕРЧЕСКИЕ..... 116
Глава 11. ПОЧЕМУ ПАЛ СЕВАСТОПОЛЬ..... 129
Глава 12. ПАРТИЗАНЫ И ПРЕДАТЕЛИ..... 143
Глава 13. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА 168
Глава 14. ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЫМА 193
Глава 15. КАК ХРУЩЕВ ПОДАРИЛ КРЫМ УКРАИНЕ 200
Глава 16. КРЫМ КУРОРТНЫЙ 208
Глава 17. КОКТЕБЕЛЬ ОСТРОВ СЕКСА И ДИССИДЕНТОВ 219

(продолжение, главы 18 - 26, во второй части книги)

Глава 1
РУССКОЕ МОРЕ — «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ»

Крым, наверное, самый благодатный край бассейна Черного моря и второй по значимости стратегический район после Проливной зоны. История Крыма уходит в глубь тысячелетий. На полуострове найдены стоянки эпохи неолита — раннего каменного века.

Греческие историки утверждают, что в Крыму к началу I тысячелетия до н.э. жили тавры и киммерийцы, о происхождении которых современные историки могут только гадать. По племени тавров греки назвали Крым Тавридой. А современное название полуострова появилось только в XIV веке.

Основная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала грекам — выходцам из городов малоазийского побережья, в основном из Милета. В VI веке до н.э. в устье Днепро-Бугского лимана они основали Ольвию, а также ряд колоний на восточном побережье Крыма и по берегам Керченского пролива, в древности называвшегося Боспор Киммерийский. Самые крупные из этих колоний — Пантикапей (на месте современной Керчи), Феодосия (нынешняя Феодосия), Фанагория, Гермонасса и Кепы — на побережье Таманского полуострова, в древности являвшегося группой островов, образуемых дельтой реки Кубани.

Уже к началу II века Крым становится оплотом христианства в Причерноморье. Особый интерес представляют собой сведения о путешествии апостола Андрея Первозванного по Черному морю и Днепру.

В житии Андрея Первозванного, составленном Епифанием Монахом, сообщается, что во время своего третьего путешествия апостол, пройдя по Южному и Восточному Причерноморью, достиг Крыма и немалое время провел в Херсонесе.

Ряд историков оспаривают факт путешествия Андрея Первозванного по пути «из варяг в греки», но, на мой взгляд, их аргументы неубедительны. Так

что наши предки славяне услышали Слово Божие раньше жителей римского городка Византии.

В 101 г. римский император Траян сослал в Крым римского папу Климента, который был рукоположен самим апостолом Петром. В Херсонесе он обнаружил не менее двух тысяч христиан. В 102 г. в Крыму Климент был казнен по приказу Траяна. Так полуостров обрел первого своего святого.

К концу VI века Византии принадлежала большая часть побережья Черного моря. Ее владения на севере заканчивались на побережье между устьем Дуная и Днестровским лиманом. Византия контролировала Херсонес и большую часть Южного берега Крыма, а на Кавказе ее владения начинались южнее нынешнего Сочи.

Многие народы называли Черное море Римским (Ромелийским) морем. «Обычным наименованием Черного моря в арабо-персидской литературе было Море Бунтус (бахр Бунтус), что являлось арабской передачей греческого названия — "Понт" (Πόντος). Довольно часто вследствие неправильной постановки диактрических знаков в слове Бунтус название Черного моря встречается в форме бахр Нитас»[1].

Но вот в IX веке в арабской литературе появляется новое название Понта — Русское море.

Арабы знали, что говорили. Им в IX веке принадлежал участок Кавказского побережья в районе нынешних Сухума и Батума, да и вообще в IX—XIV веках арабские географы были лучшими в мире. В трудах арабских историков того времени много места уделено походам русов — воинов и купцов. Так, историк Ибн Хордадбек (середина IX века) говорит о многочисленных русских купцах, плававших по Черному, Средиземному и Каспийскому морям.

Впервые русы появились на юге Каспийского моря в 880 г. По свидетельству арабского историка Ибн Исфендийара, они напали на город Абаскуна.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909—912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей

[1] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 189, 190.

русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море...»[1]

Затем арабский историк и путешественник ал-Мас'уди (? — 956 гг.) писал, что «после 300 г.х. (912/13 г.) около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. Выйдя в Каспийское море, русы стали совершать жестокие набеги на страны, лежащие вдоль его южного и западного побережий.

«...Суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправились в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный город Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома]... При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда» (Мас'уди. Т. II. С. 20—21; Бартольд. 1963. С. 829).

По словам ал-Мас'уди, действия русов вызвали смятение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Каспия русы оставались «много месяцев», укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего купцы. Правитель Хазарии предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами»[2].

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х годов X века, сохранился у историка Ибн

[1] Там же. С. 223.

[2] Там же. С. 221—222.

Мискавейха (? —1030 гг.). Собрав на Днепре флотилию из примерно пятисот однодревок, русы спустились вдоль берегов Тавриды в Черное море. По Керченскому проливу и Азовскому морю они подошли к устью Дона и поднялись вверх по его течению до нынешней станицы Качалинской. Здесь ближе всего сходились две великие реки — Волга и Дон. Русы волоком перетащили свои суда в Волгу и по ней вышли в Каспийское море. Обогнув Апшеронский полуостров и достигнув устья реки Куры, русы поднялись по ней вверх до Ширванского ханства. Здесь дружины русов овладели богатейшим в то время городом Бердаа (Барда).

Однако вскоре среди русов началась эпидемия какого-то желудочного заболевания, и оставшиеся в живых на ладьях отправились домой.

А что писали византийские источники о походах русов? В «Житии Георгия Амастридского» говорится о нашествии русов на византийский город в Малой Азии Амастриду, где между 830 и 842 гг. «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ ...посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»[1]

18 июня 860 г. около двухсот судов русов пришли к Босфору. Об этом походе нам известно из византийских источников, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху Фотию (около 810 г. — после 886 г.) — свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист,

[1] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90—91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и не известному современным историкам набегу русов.

Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии русов.

Поход русов был совершен не с целью грабежа, а прежде всего как возмездие за убийство и обращение в рабство за долги нескольких русов в Константинополе.

Русы ушли из Босфора. А уже в 867 г. Фотий в послании восточным патриархам говорил, что народ рус «стал подданным и дружественным» Византии.

Действительно, отряды наемников-русов состояли на службе византийского императора. Русов обычно отправляли воевать против арабов и западных королей на Средиземное море. Иногда русы оставляли службу и начинали в инициативном порядке грабить берега этого моря.

Интересно, что в Бертинских анналах (IX век) говорится, что к императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великого, в 839 г. явилось посольство византийского императора Феофила (829—842). В составе посольства было несколько воинов из народа Рос (Rhos). Так франки впервые познакомились с русскими.

Возникает естественный вопрос, а кто же были русы, о которых столько писали арабы, византийцы и, наконец, франки? По ведению боевых действий и ряду других факторов они уж очень смахивают на норманнов.

Те же франки к 839 г. уже несколько десятилетий терпели набеги норманнов (викингов) и прекрасно их знали. Соответственно об этом было бы сказано и в Бертинских анналах.

Византия в IX—X веках поддерживала тесные связи с королевствами Западной Европы, и там прекрасно знали о набегах норманнов, да и сами воевали с ними на юге Италии.

Арабы — превосходные географы — тоже хорошо знали норманнов (варягов). Знаменитый арабский ученый-энциклопедист ал-Бируни (973—1048), описывая Окружающее море, говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов Варяжским морем — бахр Варанк.

Арабские ученые Абу-л-Фида и ан-Насир также говорят о море Варанк. Согласитесь, бахр ар-Рус и бахр Варанк — совсем не одно и то же.

Кроме того, в Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании никогда не было не только народа, но и даже племени рус.

Итак, откуда же взялись русы? А главное, как в самом конце IX века возникло огромное по тем временам Древнерусское государство? Ведь ни

западные, ни южные славяне к тому времени, да и два века спустя не сумели создать такого крупного государства. Что же произошло с восточными славянами, что стало стержнем, объединившим их?

Прежде всего уточним, а кто такие варяги. У нас принято отождествлять варягов с викингами — скандинавскими разбойниками. В VIII—X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке — Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов — конунги — захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг — это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισεγατοι», означающего «союзники», а точнее — наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Согласно легенде, норманнский конунг Рюрик (Рорик) с дружиной в 862 г. пришел к северным славянам и основал княжескую династию Рюриковичей. По поводу этой легенды уже два с половиной столетия идет буквально война

«норманнистов» и «антинорманнистов». Последние доказывают, что текст Повести временных лет, написанный спустя 150 лет после прибытия Рюрика, является вымыслом.

На взгляд автора, подлинность существования Рюрика и контроль им северных славянских территорий неоспоримы. Другой вопрос, что подробности его правления во многом неясны.

Важно же другое. На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точек зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII—VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского моря. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по пути« из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датируемых одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город Aldeigja (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержавшие 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756—760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699—700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современ-

ного Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу — через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800—1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на Верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории Угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, что среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угро-финнам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 г. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского (рядом с Ярославлем) и в других районах Верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на пути «из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово, в 12—15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX века, а с начала X века жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX века там проживало 4—5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно Повести временных лет, князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного

слоя IX—X веков[1]. В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X — начале XI веков город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города — довольно типичное событие для средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Как же называлось в IX—X веках Гнездовское городище? Историки на этот счет молчат. Я же решил предположить, что Смоленском. Дело в том, что арабские географы IX—X веков знали город Измилинска (Измилинск) на Днепре. Если в это время не было нынешнего Смоленска, то это значит, что арабы так называли Гнездовское городище.

Возможно, я немного утомил читателя рассказом о водных путях и варяжско-славянских городищах. Но ведь именно в этих городищах и возник новый народ русов. А путь «из варяг в греки» стал государствообразующим путем. Речные пути и волоки были единственным звеном, связывавшим славянские земли.

И вот пришел смелый и удачливый конунг Рюрик, и ему подчинились русы на севере славянской земли, а спустя 20 лет его воеводе Олегу подчинились и южные города Руси.

А были ли русы в Крыму? Несомненно! Существовал даже Остров Русов на Таманском полуострове. Об Острове Русов упоминал целый ряд арабских источников конца IX — начала X века. Другой вопрос, что современные историки пытаются помещать Остров Русов и на Карельском перешейке в районе реки Вуоксы, и на Днепре, и на балтийских островах Готланд и Рюген. На мой взгляд, спорить тут нечего — русских (варяго-славянских) городов много было везде. А арабы упоминают города русов в текстах, посвященных не русам, а другим темам. И авторы текстов, и их читатели, в отличие от современных историков, прекрасно понимали, о каком конкретно «острове» идет речь, и в пояснениях не нуждались.

Но попробуем представить себе, что базой русов в походах на Каспийское или Черное море был «Остров Русов» на Готланде или на реке Вуоксе?

В «Житии Стефана Сурожского» конца VIII — начала IX веков говорится о захвате Сурожа (современный город Судак) войсками князя русов Бравлина.

[1] Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 244.

Согласно житию, в Суроже Бравлин заболел и принял христианство. Какое-то время Бравлин правил в Суроже и в районе Керчи.

При раскопках на Голубищенском городище (на территории станицы Голубицкой на Таманском полуострове) археологи обнаружили «детинец (военно-административный центр) древнерусского города, а окружающее городище являлось его поселением. Площадь детинца составляет около 7 га, намного превышает площади детинца Чернигова (4 га) и Новгорода Северского (2,5 га)»[1].

Наиболее оптимальным местом базирования как раз и был Таманский полуостров.

Наши историки, к сожалению, обходят вопрос о преемственности Острова Русов и Тмутараканского княжества.

Возможно, Остров Русов на несколько десятилетий прекратил свое существование, но и в этом случае там оставались какие-то жители, и создание Тмутараканского княжества было восстановлением господства русов над обеими сторонами Керченского пролива. Современные историки связывают создание Тмутараканского княжества с походами Святослава против хазар в 60-х годах X века либо с Корсунским походом князя Владимира Красное Солнышко.

С 988 г. в Тмутараканском княжестве правил сын Владимира Святославича Мстислав Храбрый.

О военной и экономической мощи Тмутараканского княжества свидетельствует тот факт, что его князь Мстислав Владимирович Храбрый несколько лет держал нейтралитет в усобицах между сыновьями Владимира Святославича, но на конечном этапе выступил против победителя Ярослава Мудрого и наголову разбил его. В итоге братья Ярослав и Мстислав делят Русь почти пополам между собой. Столицей владений Мстислава стал Чернигов. В 1036 г. Мстислав Храбрый умер, не оставив наследника. Это позволило Ярославу Мудрому вновь объединить Русь.

В 1054 г. при разделе владений Ярослава Мудрого Тмутараканское княжество было причислено к Северской земле и впоследствии всегда поддерживало с ней тесные связи. В начале 60-х годов XI века Тмутаракань стала одной из

[1] *Захаров В.А.* История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII—XX вв. // Сборник Русского исторического общества № 4 (152). М., 2002. С. 149.

причин споров, возникших между Киевом и Черниговом, при этом Тмутаракань пыталась всеми силами избавиться от черниговской опеки и обособиться.

После смерти в 1052 г. новгородского князя Владимира Ярославича его сын Ростислав стал изгоем и был вынужден бежать на юг. Тогда тмутараканцы прогнали сына черниговского князя Святослава Ярославича, княжившего у них, и посадили на княжение Ростислава Владимировича. Святослав Черниговский послал дружину в Тмутаракань, согнал Ростислава и опять посадил там своего сына Глеба. Но вскоре Тмутаракань опять захватил Ростислав. В 1066 г. Святослав Ярославич в союзе с греками организовал убийство Ростислава, после чего Тмутаракань снова попала в зависимость от Чернигова, и там опять стал княжить Глеб Святославич.

В 1078 г. Олег Святославич, рассорившись с родичами, бежал в Тмутаракань, где уже находились князья-изгои Борис Вячеславич и Роман Святославич. Глеб Святославич был убит, а Олег Святославич вместе с князьями Борисом и Романом осадил Чернигов. Но взять город не удалось, а Олега Святославича схватили хазары и увезли пленником в Византию. Покорившаяся великому князю Тмутаракань была вынуждена принять киевского наместника.

В 1081 г. в Тмутаракань прибыли еще два князя-изгоя — Давид Игоревич и Володарь Ростиславич. Они схватили киевского наместника Ратибора и восстановили независимость Тмутараканского княжества.

В 1083 г. в Тмутаракань вернулся из византийского плена Олег Святославич. Он выгнал оттуда Давида и Володаря и сел на княжеский стол. Теперь Олег стал добиваться Чернигова и, овладев им, присоединил к нему Тмутаракань, теперь уже фактически потерявшую независимость.

Ко второй половине XII века Тмутараканское княжество пало под ударами половцев, кочевавших в Северном Причерноморье.

Точные границы Тмутараканского княжества историкам неизвестны, но на исторических картах советского периода в состав его включались довольно обширные территории, эдак на 170—180 км по обеим сторонам от реки Кубань и примерно половина Керченского полуострова.

Однако остатки русских поселений IX—XI веков археологи находят в Крыму и за пределами Керченского полуострова. «Например, при раскопках на холме Тепсель (возле нынешнего поселка городского типа Планерского) обнаружено, что там долгое время существовали славянские поселения, возникшие в XII—XIII вв. Открытый на холме храм по своему плану близок к

храмам Киевской Руси, а раскопанная в одном из жилищ печь напоминает древнерусские. То же можно сказать и о найденной при раскопках керамике. Остатки древнерусских церквей выявлены в различных регионах полуострова, большая часть из них находится в Восточном Крыму. Фресковые росписи и штукатурка, судя по фрагментам, найденным в этих руинах, близки к подобному материалу киевских соборов XI—XII вв.»[1]

Глава 2
КАК ТАВРИДА СТАЛА КЫРЫМОМ

Я намеренно обошел все походы русских князей в IX—XI веках на Византию и отправляю интересующихся к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград» (М.: Вече, 2013). Стоит лишь отметить, что в договорах русских с греками главным являлась свобода торговли русских купцов в Проливах и их права в Византии. В Константинополе в X — начале XIII века был большой русский квартал близ церкви Св. Михаила (Маманта).

Ежегодно в начале лета и в конце июля — начале августа в Константинополь приходили два каравана русских судов. Кроме них, караваны и одиночные русские суда курсировали между Днепро-Бугским лиманом и Керченским проливом, посещая порты Кавказского побережья.

Страшный удар по русскому присутствию на Русском море в Крыму нанесли крестоносцы.

Подготовка четвертого крестового похода началась еще в 1201 г. В 1201 г., в первую неделю Великого поста, шесть рыцарей под предводительством маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна прибыли в Венецию. На заседании Большого совета они изложили свою просьбу и через 8 дней получили ответ. Республика Венеция обязалась предоставить на один год суда для перевозки 4500 рыцарей и столько же коней, 9000 оруженосцев и 20 тысяч пеших воинов вместе с оружием и снаряжением, а также продовольствие, которым она обязалась снабжать войска в течение 9 месяцев. Цена этого составляла 84 тыс. серебряных марок[2].

---

[1] *Дюличев В.П.* Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 1998. С. 115—116.

[2] Следует заметить, что в то время марка была не монетой, а мерой веса, и в разных регионах была различной.

Помимо этого, Венеция обязалась на свои средства снарядить на годичный срок 50 полностью экипированных галер при условии, что она получит половину всех завоеванных территорий.

Первоначальной целью Четвертого похода был Египет. Однако, как и следовало ожидать, запрошенной венецианцами суммы у рыцарей не оказалось. Тогда дож Венеции Энрико Дандоло предложил руководителям крестового похода в качестве компенсации ограбить город Зару на побережье Адриатического моря и расплатиться частью добычи. К тому же Зара была торговым конкурентом Венеции. Ну а то, что Зара была населена христианами и являлась владениями венгерского короля, никого не смутило.

8 ноября 1202 г. крестоносцы отплыли из Венеции, направляясь в Четвертый крестовый поход — 480 кораблей, возглавляемые галерой самого дожа, «окрашенной в алый цвет, с шелковым тентом того же цвета, под стук кимвал, под пение четырех серебряных труб».

Перед отплытием Дандоло произнес патетическую речь: «Синьоры! Отныне вы соединились с самыми достойными людьми на свете и ради самого высокого дела, которое кем-либо и когда-нибудь предпринималось!»[1]

24 ноября Зара была взята и разграблена, большая часть жителей перебита или продана в рабство. «Между венецианцами и франками почти немедленно развязалась драка за добычу, что вряд ли предвещало благополучный исход экспедиции, тем не менее мир был восстановлен, и две группы зазимовали в разных частях города»[2].

Ну а далее крестоносцы решили освобождать не Гроб Господень от арабов, а жителей Константинополя от их имущества. Самое любопытное, что о замысле крестоносцев знал папа Иннокентий III, благословивший рыцарей на сей «подвиг».

12—13 апреля 1204 г. крестоносцы овладели столицей Византии и подвергли ее неслыханному разграблению.

После трехдневной резни в Константинополе союзники приступили к дележу добычи. Венецианцы получили 37 % награбленного, плюс крестоносцы заплатили Дандоло 50 тысяч серебряных марок, которые задолжали республике.

---

[1] Цит. по: *Норвич Дж.* История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009. С. 179.

[2] Там же. С. 180.

Уладив эти формальности, обе стороны занялись выбором императора. В конце концов избрали Балдуина, графа Фландрского. 16 мая 1204 г. он был коронован в храме Святой Софии. Новое государство назвали Латинской империей. Патриархом в ней стал венецианец Томазо Морозини. При этом никого не смущало, что он не был посвящен в духовный сан. Морозини сразу же сделали дьяконом, через две недели — священником, на следующее утро — епископом, а затем уже и патриархом.

В итоге на Балканах образовались четыре важнейших «латинских» государства: Латинская империя со столицей в Константинополе, Фессалоникийское королевство, Ахейское княжество (в Пелопоннесе) и Афинско-Фиванское герцогство. Каждое из них в свою очередь делилось на ряд графств и сеньорий.

Дандоло добился для Венеции права на «три восьмых Византийской империи». Таким образом, Венецианская республика получила часть Константинополя, Ионические острова, часть Кикладских и Спорадских островов, юго-западную часть Пелопоннеса, Галлиполи и некоторые земли в Албании. Вскоре византийцы получили еще и Крит.

Надо ли говорить, что 13 апреля 2004 г. в Константинополе был разгромлен и русский торговый квартал святого Маманта.

После 1204 г. исчезают всякие сведения о движении русских судов в Черном море и присутствии русских купцов в Константинополе. Кстати, Черным море назвали турки в 1453 г., а с IX века арабы звали его Русским морем. После 1204 г. Русское море стало «итальянским». А о том, какое значение придавали ему венецианцы и генуэзцы, говорит то, что они называли Черное море Великим морем.

Прерыванием торговли Византии с Русью воспользовались итальянские купцы. И уже в 1247 г. путешественник и посол Плано Карпини находит в Киеве трех венецианских и двух генуэзских купцов.

Князья Рюриковичи не признавали ни Латинской империи, ни «латинских патриархов». Русские считали законным властителем Царьграда императора Никейской империи (основанной в Малой Азии). Русские же митрополиты продолжали подчиняться константинопольскому патриарху, жившему в Никее.

После разгрома Константинополя Черное море становится «итальянским озером». Десятки итальянских колоний располагались огромной дугой по черноморскому побережью бывшего СССР от Измаила до Батума. Наиболее крупные из них находились в Крыму.

В начале XIV века генуэзцы захватили Херсон (Херсонес). В 1333 г. туда был назначен епископом доминиканский монах Рикадус.

В современной Балаклаве греки поселились еще в VII веке до н.э. Тогда ее называли Сюмболок-Лимена — «Гавань предзнаменования». Город был захвачен генуэзцами в 1343—1344 гг. и назван Чембало. Как и в других местах, генуэзцы для начала построили крепость с деревянными стенами на земляных валах. Не позднее 1357 г. началось строительство каменной крепости, о чем говорит строительная закладная плита генуэзского консула Чембало Симоне дель Орто.

Цитадель на вершине горы была посвящена святому Николаю. Там находились консульский замок, здание городского совета, небольшая церковь, помещения для охраны, прислуги и прочих наемных работников. Более просторная нижняя часть крепости носила имя святого Георгия.

Город Сугдея (Судак) был основан греками в VII веке до н.э. После 1261 г. византийский порт Сугдея переходит к венецианцам. Любопытно, что родственники венецианского торговца и путешественника Марко Поло имели в этом городе недвижимость. В июле 1365 г. Сугдею захватили генуэзцы и владели ей 110 лет.

В конце XIII — начале XIV века колонией генуэзцев стали города Крыма Чодан-Куле, Луста и Гурзуф.

Наиболее же крупным центром генуэзской торговли была Каффа (Феодосия). С 1281 г. упоминается о генуэзском консуле Каффы. Первоначально город был окружен валом и деревянным частоколом.

В 1299 г. хан Ногай разорил город, но уже через несколько месяцев жизнь в Каффе возобновилась.

В 1307 г. войска золотоордынского хана Тохты осадили генуэзский город Каффу. Любопытно, что все требования татар к генуэзцам были экономическими. Итальянцы тоже показали характер и эвакуировали население города на кораблях. Татары с горя разгромили город. Только в 1313 г. генуэзцы получили разрешение от нового сарайского хана Узбека на восстановление Каффы. Город продолжал обладать статусом торговой фактории, обязанной платить не поземельную подать, а исключительно коммеркий. Так называлась торговая пошлина в ханскую казну в размере 3—5 % от стоимости ввозимого и вывозимого товара.

В 1322 г. Каффа получила civitas — официальный статус города в акте папы римского Иоанна XXII. Любопытен и состав городского населения Каффы

на 1380 г.: генуэзцев — 42,7 %, армян — 32,3 %, греков — 19,5 % и мусульман, включая татар, — 4,5 %. Официальными языками города были латинский, греческий и татарский. Но на бытовом уровне население общалось на жаргоне «lingua franca», который с должной натяжкой можно считать диалектом латыни.

С 1276 г. в Каффе чеканилась серебряная монета. На одной ее стороне изображался символ Генуи и надпись на латинском языке, а на другой стороне стояли имя правящего золотоордынского хана и его тамга.

С 1320 по 1340 г. в Каффе строится внушительная каменная цитадель. К этому времени в Каффе известно двенадцать церквей. Кафедральным храмом служил величественный собор Святой Агнессы. Во второй половине XIV — первой половине XV века в городе оформилась светская высшая школа. В ней преподавали, в частности, генуэзцы Альберто Альфиери, Винченцо Мерлали и другие.

Тут я немного забегу вперед и упомяну о татарах. Первый набег на Тавриду (Крым) татары совершили в 1223 г., во время похода темника Субэдэя против половцев. Тогда дело ограничилось разграблением Судака (Сугдеи).

При Батые татары произвели еще несколько набегов — в 1238-м, 1248-м и 1249 г. В конце концов татары подчинили себе Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (Старый Крым) во второй половине XIII века обосновалась татарская администрация, город же татары переименовали в Кырым. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII века происходит исламизация татарского населения Крыма.

Поначалу татарское влияние ограничивалось лишь Восточным Крымом, причем зависимость от татар не шла дальше выплаты дани, поскольку татары-кочевники еще были не в состоянии экономически господствовать в жизни края.

На юге полуострова по-прежнему существуют венецианские и генуэзские города-колонии.

Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, причем в большинстве случаев улусские эмиры терпели поражение. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

На Южном берегу Крыма татары впервые появились в 1299 г., когда орда хана Ногая[1] разрушила Херсонес. В начале XIV века татары постепенно начинают оседать в Крыму. В это время в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появляются первые феодальные поместья полуоседлой татарской знати — беев и мурз. И только в конце XVI века, а особенно в XVII—XVIII веках, переход к оседлому земледелию у татар принял массовый характер. Процесс этот шел повсеместно как в Восточном, так и в Западном Крыму. В районе Бахчисарая еще на рубеже XIII—XIV веков возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских. Бейлик этот представлял собой полузависимое княжество с центром в Кырк-ор (Чуфут-Кале).

В первой половине XV века Золотая Орда не только фактически, но и формально перестала быть единым государством, распавшись на отдельные ханства, где утвердились собственные династии. Среди отдельных ханств был и Крымский улус Золотой Орды.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гиреи считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

---

[1] Ногай считал себя ханом, хотя он и не был потомком Чингисхана.

А между тем на другом краю Черного моря 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II взял Константинополь. Так окончательно пала Византия — наследница Римской империи. По приказу султана главный храм империи и всего православного мира — собор Святой Софии — был обращен в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле».

При Иване III Русь окончательно свергла ордынское иго. И теперь Москва сумела ответить на идеологический вызов турецких султанов. Ведь султаны вполне серьезно считали себя повелителями всех мусульман, в том числе и в Крыму, Казани, Астрахани и даже в Касимове, под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва — Третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», — писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Итак, к концу XVI века две великие империи, Россия и Порта, еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь — защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

В начале 70-х годов XV века Мехмед II начал готовить большой морской десант в Крым. Ну а повод для вторжения всегда найдется.

В 1466 г. при поддержке генуэзцев в Крымском ханстве к власти пришел Менгли-Гирей. Однако богатый татарский род Ширинов во главе с неким Эминеком решил захватить власть и свергнуть Менгли-Гирея. Эминек тайно отправил в Константинополь посла с предложением султану помочь свергнуть Менгли Гирея, а взамен обещал туркам все черноморские крепости.

31 мая 1475 г. у берегов Каффы появилась турецкая эскадра, а уже 2 июня турецкие бомбарды калибром 40—20 см начали обстрел города. В помощь туркам подошло многочисленное войско татарского бея Эминека.

Тем временем хан Менгли-Гирей с полутора тысячами своих сторонников находился за стенами Каффы. Штурм города продолжался пять дней, а 6 июня «какие-то люди» из армян Каффы, чтобы избежать разрушений и кровопролития, открыли ворота, что стало полной неожиданностью для защитников. Турки ворвались в город. Каффа была полностью разграблена. Часть «нелатинского» населения была продана в рабство, а их имущество конфисковано. Всех же оставшихся в живых христиан вместе с пожитками 12 июня посадили на турецкие корабли и отправили в Константинополь, где поселили в отдельном квартале.

По пути на одном из кораблей пленники взбунтовались, захватили судно и направились в Монкастро (Аккерман, сейчас Белгород-Днестровский). Но воевода города их не впустил, однако все имущество, находившееся на корабле, конфисковал.

В Константинополь был доставлен и неудачник Менгли-Гирей. Однако, продержав его три года в плену, Мехмед II отпустил его на престол в обмен на обязательство быть вассалом Оттоманской империи.

Теперь Каффа стала главным городом Кефе — турецкой провинции с одноименным названием. Новые хозяева стали называть город Кучук-Стамбул, то есть Маленький Стамбул.

Турецкие войска еще полгода приводили к повиновению феодоритские крепости Южной Таврики. Активное участие в обороне этих крепостей, и прежде всего неприступного Мангупа, принимали генуэзцы, бежавшие от турок. Так в течение еще нескольких десятилетий на территории Крымского ханства проживали несколько поколений генуэзских семей, например генуэзская ветвь фамилии Спинола. Они были вельможами при ханском дворе, но теперь за ними уже не стояло ничего, кроме теней славных предков.

После взятия Каффы турки приступили к осаде генуэзского города Сугдеи (Солдайи, Судака). О ходе обороны сохранились сведения, записанные

посланником польского короля Мартином Борневским. По его словам, последние защитники Сугдеи во время турецкого штурма 1475 г. заперлись в одной из самых больших церквей города и продолжали сопротивление. Все они были перебиты, и тела их так и остались лежать внутри церкви непогребенными. Борневский лично видел это зловещее здание с замурованными окнами и дверьми и сторожа-турка, никого не пускавшего внутрь.

Находясь под властью турок, Судак (так стал называться город с этого времени) стал центром судебно-административного округа (кадылыка), входившего в состав провинции Кефе и простиравшегося по Южному берегу Крыма до Алушты включительно. Согласно турецкому дефтеру (налоговой переписи населения начала XVI века), в городе проживало всего 309 греческих, 35 армянских, 32 мусульманские и две иудейские семьи. Для защиты города турки оставили гарнизон только из десяти солдат и начальника, который в 1542 г. имел собственный дом не в Судаке, а в Каффе.

В начале июня 1475 г. турецкая эскадра вошла в Азовское море и высадила десант в районе венецианской колонии Тана (Азов). Существует предание, что во время осады крепости Дон вышел из берегов и затопил окопы с турками. Тогда командующий Гедик Ажмед-паша воскликнул: «О, благословенная река Азак»[1]. Он сотворил молитву, и волею Аллаха крепость была взята. С тех пор ее стали называть Азак.

Теперь Азак, благодаря своему географическому положению, стал северными воротами Османской империи, открывая доступ на ее территорию купцам, послам и паломникам.

Таким образом, степной Крым и земли вокруг Азовского моря были владениями крымского хана — вассала Порты. Южный Крым, зона пролива Керчь—Тамань, прибрежная полоса с центром в Каффе и Азак прямо вошли в состав Османской империи. На этой территории была образована новая провинция с центром в Каффе. В нее вошли Каффа, Азак, Сугодаг, Инкерман, Балаклава, Мангуп, Керчь, Тамань. Азак стал центром Азовского санджака — военно-административной единицы, во главе которой стоял санджакбей. Будучи формально подчиненным Каффе, азакский санджакбей был фактически самостоятелен и напрямую подчинялся Константинополю.

В конце 1475 г. турецкий флот захватил генуэзскую колонию Мапа (Анапа) и ряд других колоний.

---

[1] Азак — от турецкого «разлившаяся, вышедшая из берегов».

Так Черное море из итальянского озера превратилось в турецкое. Разница заключалась в том, что господство турок было куда жестче. Так, вассальные отношения Крымского ханства и Константинополя основывались не только на грамоте Менгли-Гирея. Во-первых, Мехмед II и его преемники позаботились о том, чтобы в Константинополе и окрестностях постоянно находились несколько членов семейства Гиреев. Таким образом султан в любой момент мог подыскать замену строптивому хану. Султану обычно было достаточно через одного из своих знатных придворных послать избранному быть новым ханом Гирею шубу, саблю и соболью шапку, усыпанную драгоценными камнями, с собственноручно подписанным приказом, который зачитывался перед Диваном. А прежний хан должен был безропотно отречься от престола. Если же хан сопротивлялся, то гарнизон, стоявший в Каффе, и турецкий флот быстро приводили его к повиновению.

За время существования Крымского ханства на престоле побывало 44 хана, но правили они 56 раз, то есть одного и того же хана султан то смещал «с должности», то вновь возводил. Так, Менгли-Гирей II и Каплан-Гирей побывали на престоле дважды, а Эльхадж Селим-Гирей — аж четырежды!

Территория бывшего княжества Феодоро и Южный берег Крыма от Кефе до развалин Херсонеса стали османским санджаком, состоявшим из Мангупского, Судакского, Кефейского и Еникальского кадылыков, и вошли в состав Османской империи. Сохранившиеся христиане Крыма были обложены большими налогами и повинностями.

О состоянии турецких крепостей хорошо написано в книге Эвлии Челеби, путешествовавшего в Северном Причерноморье в 60-х годах XVII века.

Так, в 1651 г. Челеби посетил крепость Очаков, контролировавшую Днепро-Бугский лиман. Замечу, что первоначально на месте Очакова великий князь литовский Витовт построил небольшую крепость Дашев, а в 1492 г. хан Менгли-Гирей I на месте Дашева заложил крепость Кара-Кермен, и, наконец, в 1526 г. турки построили мощную каменную крепость Очи-Кале, которую русские назвали Очаков. Замечу, что Челеби называл ее Ози по турецкому названию реки Днепр.

Самым крупным турецким городом в Крыму, да и на всем Северном Причерноморье был Кефе (Каффа, современная Феодосия). Кефе была столицей крымского бейлербея, там же находился османский монетный двор.

Челеби лично измерил длину стен крепости Кефе — оказалось 8 тысяч шагов. «Сторона, выходящая на сушу — это два слоя стен, один за другим —

мощная твердыня, подобная валу Искендера. Внутренний слой крепости — стена в пятьдесят аршинов в высоту и в пять аршинов в толщину. Стена, что перед ней — в тридцать аршинов высотой и в семь аршинов в толщину... На этой двухслойной стене крепости, выходящей на сушу, имеется всего сто семнадцать разнообразных башен и укреплений»[1].

Внутри крепости находилась Франкская цитадель, то есть модернизированный замок генуэзцев. Гарнизон Кефе составлял около 2 тысяч человек. Точную цифру Челеби не называет, но там было около сотни—двух пушкарей, 300 янычар, 50 вооруженных таможенников и т.д.

Начальник порта (капудан) имел 200 матросов и 5 гребных фрегатов, постоянно готовых к выходу в море.

Еще одной крупной турецкой крепостью была Керчь (по-татарски Керш), построенная по приказу султана Баязида II на месте генуэзской колонии. Каменная крепость Керчь имела 50 башен, на которых устанавливались орудия, включая тяжелые пушки шахане. Внутри крепости находилась каменная цитадель.

Кроме того, на побережье Крыма имелось несколько малых турецких крепостей. Так, в генуэзской крепости Балаклава помещался небольшой гарнизон из 180 стражников. Функционировал большой маяк с десятью факелами.

В Крыму по указу султана Сулеймана турки построили крепость и порт Гезлев (современная Евпатория). Крепость имела форму пятиугольника с мощными каменными стенами и 24 квадратными башнями.

На конце Арабатской косы турки построили огромную башню, гарнизон которой составлял 150 секбанов (янычар), большей частью греков по национальности.

В начале XV века турки взяли под контроль Перекопский перешеек — единственный сухопутный путь в Крым. По приказу Сулеймана в 1540 г. хан Сагиб-Гирей построил на Перекопе крепость Ор (Ор-Колу, Орта). Ее возводили татары и русские рабы. Крепость имела мощные каменные стены высотой 23 аршина (16,5 м) и 20 квадратных башен. Гарнизон крепости составлял 500 секбанов (янычар) с мушкетами и 500 татар, вооруженных холодным оружием, а также нескольких десятков турецких артиллеристов.

---

[1] *Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. С. 178—179.

Весь перешеек от Сиваша до Каламитского залива (7 верст) был перекопан большим рвом глубиной 12—15 саженей (25—32 м). На расстоянии пушечного выстрела у рва были поставлены 7 каменных башен, на которых стояло по 5 турецких пушек типа шахи зарзабин[1]. В мирное время в каждой башне состояло помимо артиллерийской прислуги по 500 секбанов. Замечу, что все секбаны в башнях и Оре были греки по национальности.

Как видим, при Сулеймане вся торговля и дипломатические связи Крымского ханства контролировались турецкими гарнизонами в портах полуострова и на Перекопе.

Несколько крепостей турки построили и на Кавказском побережье. Так, уже в конце XV века была построена крепость Анапа, в конце XVI века — крепость Сухум. В том же XVI веке турки на месте древней крепости в Батуме построили крепость Гония с гарнизоном в 500 янычар.

Возникает естественный вопрос, считали ли султаны достаточной мерой полный контроль над всем побережьем Черного моря или намеревались продолжить экспансию на север и восток от него? Уже Мехмед II в 1476 г. попытался объединить Большую Орду и Крымское ханство в общий улус. Как уже говорилось, хан Менгли-Гирей был увезен в Константинополь, а с согласия османов на крымский престол сел Джанибек-Гирей, племянник Ахмата, хана Большой Орды.

Однако ни Джанибек, ни Ахмат не пожелали становиться вассалами Константинополя. Тогда по наущению турок крымские беи свергли Джанибека, и турки, как мы уже знаем, привезли в Крым Менгли-Гирея.

В январе 1481 г. хан Ахмат был убит сибирским ханом Ибаком. После этого Большая Орда распалась на отдельные улусы, наиболее крупные из которых принадлежали сыновьям Ахмада — Шайх-Ахмаду и Муртаде.

В 1502 г. Менгли-Гирей захватил Сарай Берке на Волге и перебил его жителей. Правивший в Сарае Шайх-Ахмад бежал в степь. Большая Орда навсегда прекратила свое существование.

Летом 1509 г. Менгли-Гирей с большим войском совершает поход на Нижнюю Волгу. Однако взять Астрахань (Хаджи-Тархан) крымцам не удалось.

---

[1] Тяжелые полевые пушки, ближе всего к ним подходят русские орудия большой пропорции конца XVIII — начала XIX века.

Сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I решил собрать все разрозненные части бывшей Золотой Орды, а также улуса Джучи[1]. Речь идет о Казанском и Астраханском ханствах и ордах ногаев. И действительно, в 1523 г. войска Мухаммеда Гирея I овладели Астраханью, но были вынуждены вскоре покинуть город из-за блокады его ногаями. На обратном пути крымцы понесли большие потери.

Мало того, Гиреи решили посадить свою родню на казанский престол. Причем речь шла не об отправке одного кандидата на престол, а о подчинении Казани Крыму и, соответственно, Константинополю. Процесс этот был крайне сложный, и желающих узнать подробности я отсылаю к своей книге «Русь и Орда» (Москва: Вече, 2004).

Над Московским государством нависла страшная угроза. Василий III, а позже Иван IV пытались нейтрализовать Казань, сделав ее полунезависимым вассалом наподобие Касимовского ханства и посадить туда хана из Касимовской династии. Однако крымская партия возобладала в Казани. Реакция Ивана IV не заставила себя ждать — в 1552 г. русское войско штурмом овладело Казанью, устроив там страшный погром.

В 1556 г. русские воеводы заняли Астрахань. Первоначально в Константинополе не придали особого значения присоединению Астрахани к Москве. У султана Сулеймана I хватало забот и в других частях своей обширной империи, и он понадеялся, что крымские татары и ногайцы вытеснят русских из низовий Волги. Лишь в сентябре 1563 г. султан Сулейман I послал гауша (чиновника высокого ранга) к крымскому хану с приказом готовиться в 1564 г. к походу на Астрахань. Намерение султана очень напугало... хана Девлет-Гирея. Крымские ханы меньше всего хотели военного присутствия Турции на Дону и Волге, что неизбежно сделало бы их из полунезависимых правителей бесправными подданными султана. Занятие же отдаленной Астрахани русскими не представляло, по мнению Гиреев, непосредственной угрозы Крыму. Кстати, в этом они были недалеки от истины. Действительно, Астрахань никогда не использовалась русскими в качестве базы для похода в Крым.

В Константинополь из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти —

[1] Термин «Золотая Орда» придуман московскими дьяками через несколько десятилетий после ее окончательной гибели.

турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет-Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, — писал он, — верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украйны: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет-Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся получить их, во всяком случае с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г., уже при Селиме II, в Каффу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет-Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2—3 месяца было нереально. В конце концов паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет-Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общем-то, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани, на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Крымские татары никогда не вели длительных осад. Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары.

Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногайцам и захваченный турками у Азова, писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш

всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а полем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Бельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска.

Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и побежали от Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился гонец от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет-Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой, вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок.

Итак, попытка османов распространить свое влияние на Среднюю и Нижнюю Волгу провалилась. Тем не менее в XVI—XVII веках безопасность Оттоманской империи с севера была гарантирована. В Крыму и причерноморских степях кочевали татарские орды, подвластные османам. Поначалу в Константинополе не задумывались, кого они выбрали себе в союзники. Замечу, в этом не разобрались ни советские, ни нынешние демократические историки. Первые из-за приверженности к историческому материализму, вторые — из толерантности.

Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса — феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т.п., автоматически подразумевается, что основной способ производства — феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным

же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII—XIX веках вообще не было.

Крымские татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны — награбить и благополучно увести награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яворницкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[1].

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымских хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет-Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

В результате набегов крымцев от Днестра до Волги, то есть около 1400 км, образовалась огромная буферная зона — Дикое поле. На севере в XVI веке оно простиралось до Киева и Тулы. Там, в огромных лесных массивах, плавнях Дона и Днепра, укрывалось немногочисленное мирное население. Никакой власти, естественно, не было.

---

[1] *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. I. С. 322.

Глава 3
ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛОСЬ ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА С БРАТСКИМ ТУРЕЦКИМ НАРОДОМ

Как известно, в январе 1654 г. состоялась Переяславская рада, на которой гетман Богдан Хмельницкий присягнул на верность царю Алексею Михайловичу. Это событие царские и советские историки называли «воссоединением Украины с Россией». Однако после смерти Богдана 27 июня 1657 г. на Украине начались усобицы. Гетманы менялись чуть ли не ежегодно. Причем иногда параллельно правили три и более соперничавших гетманов.

После 1990 г. украинские националисты будут утверждать, что-де с 1657 по 1681 г. Украина была независимой, а все ее гетманы являлись патриотами, боровшимися за ее «незалежность».

Каждый гетман, полковник или старшина, который хоть какое-то время воевал против царских войск, сейчас объявляется официальным Киевом «украинским патриотом». Есть и иная точка зрения. Так, историк Сергей Родин дал им совсем иное определение — этнические мутанты: «Этнический мутант затрудняется в оценке своей национальной принадлежности, так как чувствует в своей душе борение противоположных, взаимоисключающих начал. Многие представители казачьей старшины эпохи Гетманщины как раз и представляют такой национально мутированный тип: русские по крови, они по своей психологии, социальному быту, культурным предпочтениям примыкали к полякам и ориентировались на шляхетско-кастовые ценности. Историческая судьба распорядилась так, что окончательно ассимилироваться в польский этнос им не было суждено, но и русскими они себя уже не чувствовали, хотя по инерции еще и называли»[1].

На самом деле никто из гетманов и старшин никогда не думал о независимости Украины, а лишь о личных выгодах, то есть карьере — стать полковником, а затем гетманом. Главным же был материальный стимул — захватить побольше местечек с мужиками, лесов, мельниц, пасек.

---

[1] *Родин С.* Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 305.

Вспомним, что после Люблинской унии 1569 г. за какие-то 50—60 лет польские паны с помощью иезуитов полностью соблазнили русское боярство и дворянство в Великом княжестве Литовском, то есть в Белой и Малой Руси. К 1648 г. практически все русское дворянство полонизировалось, то есть приняло католичество и перешло на польский язык. Ну а малороссийская старшина, происходившая на 95 % из холопов и казаков, в 40—60-х годах XVII века соблазнилась наполовину: у них сохранились малороссийский диалект русского языка и православная вера.

Но в быту старшина желала жить, как польские магнаты, то есть по своему произволу эксплуатировать мужиков и не иметь над собой никакой власти. Полковники мечтали быть незалежными от гетмана, а гетманы — от монарха. Поэтому гетманы поочередно присягали то московскому царю, то польскому королю.

Весной 1666 г. гетман Петро Дорошенко сообщил в Крым и в Константинополь, что Украина теперь в воле султана и хана. И вот из Константинополя пришел приказ новому крымскому хану Адиль-Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед-Гирея весной 1666 г., чтобы тот с ордой шел войной на польского короля. В сентябре 1666 г. толпы татар под начальством нурадина Девлет-Гирея напали на Украину. Царевич остановился под Крыловым и оттуда разослал загоны за Днепр под Переяслав, Нежин и другие черкасские города и увел пленных около пяти тысяч.

Захватив эту добычу в Левобережье, Девлет-Гирей отошел на Умань, там два месяца кормил лошадей, потом соединился с казачьим войском и двинулся на короля. Под Межибожьем союзное войско встретилось с отрядами польских полковников Маховского и Красовского, насчитывавшими около двух тысяч гусар, рейтар, шляхты и драгун. Поляки были наголову разбиты, а Маховского в кандалах привезли в Крым.

После этой победы татары и казаки кинулись за добычей под Львов, Люблин и Каменец, «побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100 000, а по рассказам польских пленников — 40 000. Татары брали пленных, но казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев»[1].

[1] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. VI. С. 179.

К этому времени и русские, и поляки поняли бесперспективность дальнейшей войны. Ну а в Москве был подписан мир. Согласно его условиям, Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю Правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и польских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Тем не менее война на Украине не прекратилась. Как уже говорилось, и гетманы, и старшины Малой Руси воевали не против поляков или москалей, а исключительно за земли и привилегии. Вполне естественно, что Андрусовский мир не смог решить всех их проблем. В итоге война на Украине продолжалась в прежнем объеме, разница была лишь в том, что поляки и русские больше не вели военных действий между собой.

Гетман Иван Брюховецкий не пожелал быть гетманом только Левобережья и в 1668 г. поднял мятеж против царя. Однако вскоре он был разбит войсками гетмана Дорошенко, который видел в нем конкурента. По приказу Дорошенко казаки привязали Брюховецкого к пушке и забили насмерть.

Понятно, что население Левобережья не захотело идти под власть турецкого ставленника Дорошенко, и на раде старшин в Новгороде-Северском гетманом Левобережья был избран Демьян Многогрешный.

В 1668 г. запорожцы отказались подчиняться Дорошенко, а избрали гетманом Правобережья Петра Суховненко. Дорошенко удалось разбить войско Суховненко. Тогда запорожцы избрали еще одного гетмана, Михаила Ханенко, и продолжили войну с Дорошенко. Ханенко обратился за помощью к Польше, Дорошенко же обратился за помощью в Константинополь. Посланцу

гетмана, носившему красноречивое прозвище Портянка, султан Мехмед IV повелел ответить: «Я за вами не посылал и не очень в вас нуждаюсь. Если искренне ждете помощи от меня, чтобы защищал вас от ваших неприятелей, то могу вашу просьбу уважить. Но и вы учтите, что должны быть верными. Я не король польский, не царь московский и не король венгерский, которых вы надурили и предали свою же веру. На вашу просьбу сделаю, что вас приму, чтобы вы держались, но если не сдержитесь, сами увидите, что с вами будет».

В марте 1672 г. турецкий султан Мехмед IV прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число «невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчики обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана»[1].

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир. 5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Близилась зима, и туркам не было резона оставаться на разграбленной и выгоревшей Украине. В итоге турецкое войско ушло зимовать за Дунай, крымский хан — к себе в Бахчисарай, а гетман Дорошенко — в свою местечковую столицу город Чигирин.

Между прочим, пока султан с ханом гуляли по Украине, запорожцы по-прежнему занимались любимым промыслом. Летом 1672 г. 34 запорожские чайки гуляли по Черному морю, топили купцов и грабили побережье.

[1] *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. 2. С. 332.

В Москве всерьез восприняли турецкую угрозу. В начале января 1673 г. большое войско под командованием воеводы боярина Юрия Петровича Трубецкого двинулось на Украину. 13 февраля Трубецкой был уже в Киеве.

В конце 1672 г. поляки прислали в Москву грамоту с предложением совместных действий против турок на Украине в следующем году. Наши бояре вежливо отказали.

Для начала московское правительство послало деньги и оружие казакам в Запорожскую Сечь и на Дон. В крепость Кодак и в Сечь были направлены воевода князь Степан Степанович Волконский и полковник Иоганн Купер с тысячью солдат «нового строя».

В свою очередь запорожцы во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко в начале июня 1673 г. разорили крымский город Аслам и много татар в полон забрали.

Затем Сирко двинулся к Очакову и разорил его окрестности. Потом он поднялся по Днепру и начал преследовать татар, действовавших на юге Украины. В сентябре 1673 г. Сирко со своим воинством благополучно вернулся в Сечь.

Для начала Москва попыталась договориться с «турецкоподданным» гетманом Дорошенко, но хохол упрямился. И тогда в середине января 1674 г. русские полки и казаки гетмана Левобережной Украины Самойловича переправились через Днепр, сожгли Вороновку, Боровицу и Бужин, а 27 января взяли город Крылов. Путь к Чигирину, где засел Дорошенко, был свободен.

29 июля 1673 г. русско-казацкое войско под началом боярина Григория Ромодановского и гетмана Самойловича осадило Чигирин. Город имел две линии укреплений — верхний и нижний город. Гарнизон Чигирина составлял около 4 тысяч человек, имелось до ста орудий. Тем не менее московская осадная артиллерия действовала достаточно эффективно, и Дорошенко готовился было сдаться. Но в начале августа разведка донесла о том, что на выручку Чигирина идут большие силы турок и татар.

Боярин и гетман испугались и 10 августа отступили от Чигирина, а 12 августа уже вошли в Черкассы.

Крымский хан через день после отступления русского войска был встречен Дорошенко за 10 верст от Чигирина и для начала получил от гетмана в подарок до двухсот невольников из левобережных казаков, а для всех его татар — дозволение брать сколько угодно людей в неволю из окрестностей Чигирина за то, что жители с приходом русских войск отступились от Дорошенко.

В итоге Ромодановский и Самойлович приказали войску переходить на левую сторону Днепра, а Черкассы сжечь. Население города безропотно смотрело на пожар, а затем также отправилось на левый берег. Обыватели прекрасно понимали, что с ними сделают татары после захвата Черкасс.

Узнав об отходе Ромодановского и Самойловича, десятки тысяч жителей городов и сел Правобережья кинулись переправляться через Днепр.

Мехмед IV приказал Дорошенко отправить в Турцию в его гарем 500 мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 15 лет. Неплохо бы напомнить сей факт господам самостийникам, от чего их спасли в XVII «русские захватчики».

Осенью 1675 г. запорожский кошевой атаман Сирко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольничим Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым. К ним присоединился и отряд калмыцкого мурзы Мазана.

У Перекопа Сирко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим-Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Сирко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Сирко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда господня, вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощения погибель».

Поход русских и калмыков на Крым привел в бешенство султана Мехмеда IV. И вот по совету Ахмета Кепрюлю султан осенью 1675 г. послал в Крым из Константинополя на кораблях 15 тысяч отборных янычар и велел крымскому хану Эльхадж-Селим-Гирею со всей крымской ордой с наступлением зимы перебить всех запорожцев, а саму Сечь разорить до основания. Хан скрытно подошел к Сечи, но был вдребезги разбит казаками.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться

ему как «непобедимому лыцарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты — шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты с черту лицарь?» Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».

Ряд историков сомневаются в подлинности этого письма, но, в любом случае, оно соответствует духу войска Запорожского.

Между тем гетман Дорошенко, от которого отвернулась большая часть сторонников, решил покаяться царю Алексею. Для начала он предложил «сдать гетманство и положить клейноты» перед запорожскими казаками. Запорожцы согласились.

10 октября 1675 г. кошевой запорожский атаман Иван Сирко и донской атаман Фрол Минаев с отрядами запорожцев, донцов и калмыков прибыли к Чигирину. Дорошенко встретил их вместе с духовенством, неся хоругви и образа, а затем созвал на раду всех остававшихся в Чигирине казаков. Когда все собрались, Дорошенко положил свои войсковые клейноты — булаву, бунчук и знамя, — и перед Евангелием произнес клятву на вечное подданство царю Алексею Михайловичу.

Сирко забрал войсковые клейноты Дорошенко и увез их в Сечь. 15 октября он известил Малороссийский приказ о происшедшем важном событии и от имени всего запорожского коша бил челом принять Дорошенко милостиво, сообразно данной им присяге верно служить царскому пресветлому величеству.

В марте 1677 г. Дорошенко был доставлен в Москву. Алексей Михайлович скончался в 1676 г. и на престол вступил его сын Федор. Бывший гетман был удостоен царской аудиенции. Думный дьяк перечислил все его вины, а затем объявил, что «великий государь все вины его и преступления прощает и никогда уже вины те ему воспомянуты не будут».

В Москве Дорошенко «купил двор за 700 рублей» (видимо, речь идет об усадьбе) и построил новый дом «о семи покоях». А в апреле 1679 г. бояре предложили ему быть воеводой в Вятке с жалованьем 1000 рублей в год. Дорошенко понял, что его больше не выпустят на Украину, да и там у него было слишком много врагов во главе с гетманом Самойловичем, и согласил-

ся. На воеводстве в Вятке он пробыл до 1682 г., а затем вернулся в Москву. Царь Федор подарил ему из государственных волостей тысячу дворов в селе Ярополъце под Волоколамском со всеми принадлежавшими к ним угодьями. Дальше Дорошенко жил то в Москве, то в Ярополъце и тихо скончался в 1695 г. на 71-м году жизни.

Когда в Константинополе узнали, что «негодный и неблагодарный» Дорошенко, забыв все благодеяния падишаха, изменил ему и отдался московскому государю, то Мехмед IV приказал отправить большое войско на Украину. А для казаков, которые в Константинополе по-прежнему считались «турецкоподданными», было решено назначить нового гетмана. За неимением лучшего вспомнили о Юрии Хмельницком, сидевшем в константинопольской тюрьме Еди Куллэ (Семибашенный замок). Юрий в монастыре дослужился до архимандрита, но затем был взят в плен казаками Дорошенко и передан туркам. Теперь турки вывели Юрия из Еди Куллэ и доставили к великому визирю. Там возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи — соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турки выдумали этот новый титул, чтобы подействовать на украинское население. Тем самым сыну Богдана Хмельницкого как бы давалось наследственное право. Юрий пытался отказаться, мотивируя отказ тем, что он уже постригся в монахи, но великий визирь нашел выход: он приказал константинопольскому патриарху Парфению снять с Юрия монашеский обет. Патриарх не мудрствуя лукаво выполнил волю великого визиря.

Явление Юрия Хмельницкого в Константинополе, которого в Москве считали умершим, произвело эффект взорвавшейся бомбы. В малороссийские полки и в Сечь были посланы царские грамоты о том, чтоб не слушать «прельстительных универсалов Юраски». В Чигирин были отправлены генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах насчитывалось до 24 тысяч человек.

К весне 1677 г. русские и гетманские войска располагались следующим образом: в Батурине[1] на реке Сейм стоял гетман Самойлович с 20 тысячами казаков. Его главные силы во главе с боярином и воеводой Ромодановским (42 тысячи солдат, рейтаров и конных дворян) собрались в Курске. Резерв

[1] Город Батурин — столица промосковских гетманов.

составили полки Голицына и Бутурлина в Путивле и Рыльске (15—20 тысяч человек).

И в Москве, и в Батурине понимали, что целью похода турок будет захват Чигирина. Во-первых, город имел важное стратегическое значение, а во-вторых, малороссы привыкли считать его гетманской столицей. Естественно, что турки будут стремиться захватить ее и сделать резиденцией Юрия Хмельницкого.

3 августа 1672 г. в виду Чигирина стали появляться турки, а утром 4 августа все огромное турецкое войско раскинулось на восточной и южной стороне от Чигирина.

Командовал турецкой армией Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан. По данным того же Петрика Гордона, у Ибрагим-паши было 45 тысяч татар и валахов, из которых около 15 тысяч янычар при 28 пушках. У крымского хана же было до 20 тысяч сабель, а у Юрия Хмельницкого первоначально состояло не более сотни казаков.

Осадив Чигирин, турки сразу приступили к осадным работам и начали обстрел крепости. А Хмельницкий послал к сидевшим в Чигирине казакам универсал, убеждая признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому казаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Однако казаки и царские стрельцы стояли насмерть в Чигирине. А 10 августа войска боярина Ромодановского и гетмана Самойловича двинулись на выручку Чигирина. 29 августа турки бежали. Мехмед IV был страшно разгневан. Ибрагим-пашу по приказу султана заключили в тюрьму Еди Куллэ. Султанский гнев не миновал и крымского хана Селим-Гирея: он был смещен с престола и сослан на остров Родос.

Весной 1678 г. большое турецкое войско вновь двинулось на Чигирин. Осада началась 9 июня. 11 августа туркам удалось штурмом взять крепость. Тем не менее значительная часть гарнизона во главе с Петриком Гордоном прорвалась сквозь ряды осаждающих и соединилась с войсками Ромодановского и Самойловича, находившимися на правом берегу Днепра.

После сдачи Чигирина Ромодановский был вынужден отступить от Днепра. 12 августа на рассвете армия выступила и шла, построенная в большое каре и окруженная несколькими рядами возов, как шанцами.

И кавалерия, и пехота шли пешие, и этот порядок соблюдался до самого берега Днепра.

Крымские татары взяли и разграбили несколько небольших правобережных городков — Канев, Черкассы, Корсунь, Немиров — и отправились к Перекопу. А в октябре 1678 г. великий визирь с частью армии ушел за Буг. Главная причина отступления великого визиря от Бужина была та же, что и Наполеона в 1812 г., — нехватка продовольствия в разоренной стране.

В конце 1678 г. ряд городов Левобережной Украины присягнули Хмельницкому. Среди них были Корсунь (на реке Рось), а также Кальник и Немиров (в районе Винницы). Жители Канева ответили Хмельницкому, что не могут перейти на его сторону, опасаясь «московских людей», благо, город стоял на правом берегу Днепра. Многие обыватели вместе с семьями начали перебираться на левый берег. Находившийся в Переяславле гетман Самойлович послал в Канев несколько сотен пехотного полка Кожузовского, надеясь, что Юраска придет с небольшим отрядом татар, и в то же время советовал всем остальным горожанам убираться скорее за Днепр.

Великий визирь отправил на Канев несколько тысяч турок с 15 пушками. Казаки Самойловича не выдержали натиска неприятеля и все погибли в бою. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, укрылись в каменной церкви. Но турки обложили церковь дровами и хворостом и подожгли их. Все находившиеся внутри задохнулись от дыма. Испуганные судьбой Канева, Юрию Хмельницкому покорились городки Черкассы, Машна и Жаботин.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения.

Сам же Юрий Хмельницкий сделал своей резиденцией город Немиров. Кроме казаков, у него было полторы тысячи крымских татар. В январе—феврале 1679 г. Хмельницкий совершил рейд на Левобережье, но быстро ушел за Днепр, преследуемый гетманскими казаками.

Полки гетмана Самойловича во второй половине февраля 1679 г. форсировали Днепр и начали выбивать сторонников Хмельницкого и крымских татар из правобережных городов. 25 февраля был штурмом взят город Ржищев (на Днепре выше Канева). Город был сожжен, а всех обывателей отправили на жительство в Переяслав и Корсунь.

Эти действия гетмана показали, что Москва отказалась от попытки присоединить к себе юг Правобережной Украины. Турки тоже не хотели продолжать

войну. В итоге в сентябре 1680 г. в Крым был отправлен талантливый дипломат стольник Василий Тяпкин. Обе стороны не хотели «терять лицо», поэтому лишь в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством — с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.).

По условиям этого перемирия границей между Турцией и московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусте». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не перезывают».

В итоге гетман обеих сторон Днепра Самойлович вновь стал гетманом Левобережья. Юрий Хмельницкий был теперь никому не нужен, и турки, придравшись к нему из-за убийства какой-то еврейки, увезли его из Немирова и удавили на берегу Дуная.

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась Смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веной. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

Так закончилась попытка Мехмеда IV присоединить Малороссию к Оттоманской империи. А то бы «демократы» в 2018 г. в Киеве торжественно отметили бы 350-летие «воссоединения украинского народа с великим турецким».

Глава 4
ПОКОРЕНИЕ КРЫМА

Московское государство в XVI—XVII веках тратило огромные суммы на «поминки» (подарки) крымским ханам. Фактически это была замаскированная выплата дани, сопоставимая с данью ханам Золотой Орды.

Так, в 1591 г. сумма «поминок» составила 27 тыс. рублей.

В 1618 г. гетман Сагайдачный ограбил двух московских послов — Степана Хрущева и Семейку Бердихина, которые везли поминки в Крым. Завязалась переписка, и Москва назвала сумму в 8467 рублей. Разумеется, Сагайдачный не отдал ни копейки.

В первой половине XVIII века из Крыма, по свидетельству католического миссионера Дюбана, ежегодно вывозилось в среднем 20 тысяч рабов. В основном они были уроженцами Московского государства и меньшей частью — Речи Посполитой.

В XVI—XVII веках считалось успехом, если московские воеводы останавливали крымцев на Оке, а это сделать удавалось, увы, не всегда.

С 1580 по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей — Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты — остроги. Эти меры в известной степени ослабили набеги татар, прорывы крымцев к Оке стали редкостью.

В июле 1632 г. 20-тысячное татарское войско разграбило Елецкий, Карачевский, Ливенский, Мценский, Новосильский и Орловский уезды. Только в октябре татары ушли домой. В июне 1633 г. 20-тысячное татарское войско во главе с Мубарек Гиреем разорило приокские уезды — Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Серпуховской, Тарусский и даже Московский за Окой.

В ответ московское правительство в 1635 г. начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии — «Белгородской черте», протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. «Белгородская черта» проходила от

Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Усерд, Ольшанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 с лишним лет.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче были построены еще две засечные черты — Симбирская (1648—1654 гг.) и Сызранская (1683—1684 гг.). Строительство защитных линий продолжалось вплоть до присоединения Крыма к России.

Однако, несмотря на мужество русских воевод и простых ратников, несмотря на огромные средства, вложенные в строительство защитных линий, татарские набеги не прекращались.

В первой половине XVI века, как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Ханы абсолютно не заботились о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов и в войнах.

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду-Гирею I (1513—1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Не велишь поити на московского и волошского [князей], чем быть [тогда] сыту и одету?»

Ликвидировать угрозу Центральной России можно было, только заняв Крым. В январе 1769 г. 70-тысячная орда хана Гирея вторглась в русские пределы. Это был последний набег татар на Русь. Екатерина Великая приказала занять Крым Второй армии, командующим которой был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков.

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищало 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селим-Гирея III.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом

овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывались с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим-Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма командующему турецкой армией Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Каффе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Каффе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Каффу, и комендант отдал приказ сдать крепость.

Узнав о взятии Каффы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Толька едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим-Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана — Сагиба-Гирея II. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных ра-

бов-христиан: за мужчину — 100 левков, за женщину — 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей.

Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к русским. Таких беглецов в августе месяце 1769 г. при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на двенадцати греческих церквях в Каффе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиб-Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям

и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искреннее желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решилися Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не буду напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не буду вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажу лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам. Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г.» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «В январе

1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны:

Уездными предводителями дворянства:
Симферопольским — Абдувели ага Топечокракский.
Феодосийским — майор Атай мурза Ширинский (владелец д. Учкуй).
Перекопским — Уссин бей Мансурский.
Евпаторийским — Арсланша мурза Ширинский.
Уездными судьями:
Симферопольским — Черкес Мегмед ага.
Феодосийским — Мамбет мурза Ширинский.
Перекопским — Мердимша мурза Мансурский.
Евпаторийским — Батыр ага (владелец д. Кабач)
Уездными исправниками:
Симферопольским — капитан Болат бей.
Феодосийским — Темирша мурза.
Перекопским — Сеит Ибрам ага Тащи-оглу.
Евпаторийским — капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен сильно лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г. было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что на службе даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служило несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос: мог ли какой-либо западноевропейский монарх, в той же Англии и Франции, в конце XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях: например, арабам, готентотам, бушменам и др.?

Наконец, крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право — грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Сразу после отделения Крыма от Оттоманской империи при поддержке Екатерины II начались массовые переселения оттуда в Новую Россию местных христиан, в основном греков (свыше 20 тысяч человек) и армян. Так, греки основали в 1780 г. город Мариуполь и свыше двадцати селений в его окрестностях.

С 1769 г. началась иммиграция в Новую Россию евреев из Западной России и Польши. Русские власти разрешили им селиться в городах и местечках в расчете на развитие торговли и ремесел. Предоставляемые им льготы были невелики по сравнению с льготами других иностранцев. Так, дома и школы евреи должны были строить сами за свой счет. Освобождение от постоев и повинностей (за исключением казенным податей) давалось им всего на один год, так же как и от пошлины за горячее вино. Евреям давалось право содержать винокурни и броварни, нанимать себе русских работников и т.д. Расселение евреев по новороссийским городам шло успешно. Русское правительство оставило им кагальное устройство и предоставило полное самоуправление.

Лишь избавившись от страшного бича — набегов крымских татар, российское правительство смогло начать полномасштабное освоение Новой России.

Еще весной 1776 г. был заложен город Екатеринослав (с 1926 г. Днепропетровск). В 1784 г. его перенесли на другой берег Днепра. В 1790 г. Потемкин строит себе в Екатеринославе дворец по проекту архитектора И.Е. Старова. Там он создал суконную и чулочную фабрики. Однако местность вокруг по-прежнему оставалась пустой, и город развивался медленно до середины XIX века.

Еще в 1778 г. Екатерина II поручила Потемкину найти место для гавани и верфи на Нижнем Днепре и основать там город. Потемкин выбрал Александршанц в 35 верстах от днепровского устья. «В короткое время он хотел сделать его столь же цветущим и знаменитым, как древний Херсонес Таврический, устроить в нем все, что Петр Великий устроил в Петербурге, — крепость, ад-

миралтейство, верфь, карантин, пакгаузы, каменные дома, коммерческий и военный флот»[1]. Да и никаких препятствий к этому не было — на постройку города Потемкину отпускались неограниченные суммы, каменоломни же находились почти в самом городе, а по Днепру привозили лес, железо и другие необходимые материалы.

К 1782 г. в Херсоне проживало 10 тысяч человек, работавших на строительстве крепости, адмиралтейства и верфи. К 1787 г. в «Херсонской части» состояло солдат и матросов 24 561 человек, вольнонаемных строителей — плотников, столяров, кузнецов — 2273. На строительстве Херсона с начала 1785 г. работали более четырех тысяч «колодников» — бывших крепостных, осужденных за побеги и выступления против помещиков.

В 1783 г. в Херсон на строительство кораблей прибыло 800 балтийских моряков под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Ушакова.

12 октября 1784 г. 66-пушечный корабль, строившийся моряками Ушакова, был спущен на воду. 24 августа 1785 г. капитан Ушаков привел корабль в Севастополь.

В 1782 г. из Марселя в Херсонский порт пришли два первых европейских судна. В городе коммерческие дома и конторы открыли французские торговые фирмы, а также польская (Заблоцкого), константинопольская (Фрадинга), австрийская (Фабри) и русская (купца Масленникова). Большую роль в расширении торговых связей Херсона с Францией сыграл барон Антуан. Русский хлеб, пеньку, льняное и конопляное семя, чай и другие товары он отправлял на Корсику, в Ниццу, Геную, Марсель и Барселону. При его посредничестве через Херсон шли товары из Южной Польши.

Екатерина II, приехав в 1787 г. в Херсон, осталась очень довольна всем увиденным — казармой, крепостью, каменными строениями, церковью, адмиралтейством, кораблями и особенно множеством русскоязычного населения.

В 1790 г. в Херсоне вошел в строй пушечный завод, просуществовавший до начала XIX века, когда пушечное производство перевели в город Луганск.

Недостатком Херсона было его расположение в 35 верстах от моря — мели затрудняли проход крупных морских судов.

Ясским миром 1791 г. закончилась Русско-турецкая война, и Россия получила Очаковскую область между Бугом и Днестром. Местность там была

[1] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 385.

почти пустынна. До присоединения к России там имелось лишь четыре города — Очаков, Аджибер, Хаджибей и Дубоссары, а также около 150 сел, населенных татарами и молдаванами, и ханские слободы, в которых жили беглые малороссы и великороссы. Но за годы войны большая часть населения разбежалась, так что осталось не более 20 тысяч человек мужского пола.

Екатерина поручила екатеринославскому губернатору Каховскому объехать и изучить область, разделить ее на уезды, наметить места для постройки городов и предоставить обо всем этом план. Затем Каховский должен был отвести земли под казенные слободы и для помещиков по норме, установленной для Екатеринославской губернии, с обязательством заселить эти земли. Также принимались меры для поселения арнаутов, и особое преимущество оказывалось в получении земель молдавскими боярами.

Для приведения в исполнение этих приказаний в 1792 г. была учреждена экспедиция строения южных крепостей, которую и возглавил Каховский. Новые крепости решено было возвести на Днестре напротив Бендер, на Днепровском лимане и у Хаджибейского замка. Так возникли Тирасполь, Овидиополь и Одесса. Из этих городов с самого начала наибольшего развития достигла Одесса.

Императорский указ о постройке купеческой гавани и города Хаджибея (так первоначально называлась Одесса) вышел в 1794 г. Постройку Екатерина II поручила де Рибасу. Первыми поселенцами в Одессе кроме русских стал «греческий дивизион» — выходцы с Архипелага, эвакуированные оттуда после окончания «архипелажной экспедиции» русского флота. Так что на первых порах город получил два форпоста — русский и греческий. К ним присоединились и греки из Крыма, получившие значительные льготы. Они-то и положили начало одесской торговле. Рассчитывая на большие барыши, в Одессе стали селиться как русские купцы, так и еврейские, болгарские, молдавские и даже польские, получившие «открытые листы» на все усадьбы, а с 1803 г. — десятилетнюю льготу от податей, денежные ссуды на обзаведение и т.д. В предместье города Пересыпи поселились черноморские (бывшие запорожские) казаки.

В 1796 г. в Одессе насчитывалось 2349 душ обоего пола, а в 1802 г. — уже 9 тысяч. В последующие же годы Одесса под управлением дюка де Решилье стала развиваться еще быстрее. Ришелье построил порт, карантин, таможню, театр, госпиталь, достроил церкви, учредил лицей, поощрял частные построй-

ки, которых при его отъезде насчитывалось уже около двух тысяч. Ришелье был страстным садоводом, поэтому он покровительствовал владельцам дач и первым выписал из Италии семена белой акации, хорошо прижившейся на Русском Юге. При Ришелье Одесса стала узлом торговых связей Новороссийского края с приморскими европейскими городами. Торговые обороты города в 1814 г. превысили 20 млн рублей. Расширение торговли и увеличение доходов одесситов вызвали рост потребностей и привели к общему культурному подъему города. Одесса превратилась в бойкий торговый и благоустроенный европейский город.

Но через 200 лет самостийники написали новую историю Одессы. Ее якобы основали «украинские казаки», а злыдни москали лишь мешали их созидательной работе.

Осмотрев Крым, князь Потемкин был поражен нищетой и запустением края. Даже гордость Гиреев — ханский дворец в Бахчисарае — был полуразрушен. В 1783 г. Потемкин приказал генерал-поручику барону Игельштрому «отремонтировать пришедший в запустение ханский дворец», на что в следующем году светлейший выделил 10 тысяч рублей из таможенных доходов.

Следующий капитальный ремонт дворца был произведен в 60-х годах XIX века. Так что если бы сей дворец был постройкой в Западной Европе, то большая часть его стоимости при продаже принадлежала бы русским, а не татарам.

Да и вообще, что татары оставили в Крыму за пять с лишним веков своего правления? Генуэзские крепости в Балаклаве, Судаке, Феодосии и других местах, многочисленные пещерные города, Херсонес Таврический, десятки античных памятников созданы греками и римлянами. Это все, увы, не имеет отношения к татарам. А сколько они разрушили за эти же 500 лет?

Потемкин и первый администратор Крыма Каховский начали энергично создавать новый Крым с большими современными городами, портами, заново создавать инфраструктуру полуострова, там ведь не было даже ни одной нормальной дороги.

Ко всему прочему, крымские татары, столь занятые грабежом России и Речи Посполитой, не занимались строительством судов. Все торговые суда, приходившие в Крым, были греческими (в подавляющем большинстве) или турецкими.

Между тем в составе новопостроенного Черноморского флота наряду с боевыми кораблями были многие десятки больших и малых транспортных судов. С конца XVIII века и до Крымской войны транспортные суда Черноморского флота перевозили куда больше гражданских грузов, чем чисто военных. Они доставляли переселенцам различные материалы для строительства городов, крепостей, верфей и фабрик.

В начале 80-х годов XVIII века параллельно со строительством военного флота в Херсоне приступили к строительству коммерческих судов. К концу XVIII века коммерческие суда строились и в Николаеве, и в Севастополе.

В 1796 г. в черноморско-азовские порты зашло 471 транспортное судно, из которых 164 были под российским флагом, 276 судов турецких и 31 судно под австрийским флагом. Французских судов не было, так как Россия находилась в состоянии войны с Французской республикой. Для того времени это был огромный товарооборот.

В начале XIX века из Москвы в Крым обычно ездили Волгой до Царицына, Доном до Ростова, Азовским морем до Керчи.

В 1826 г. была построена дорога от Симферополя до Алушты, в 1837 г. эта дорога была продолжена до Ялты, а в 1848 г. — до Севастополя. В 1848 г. на границе Южного берега Крыма и северного склона Крымских гор были сооружены Байдарские ворота.

К середине XIX века в Крыму работало двадцать суконных фабрик, значительно увеличилось производство зерна и табака. В первой половине XIX века на полуострове ежегодно добывалось от 5 до 15 млн пудов соли, которую вывозили как в центральные губернии России, так и за границу. Ежегодно вывозилось до 12 млн пудов красной рыбы.

К 1828 г. в Крыму насчитывалось 64 предприятия обрабатывающей промышленности, а к 1849 г. их стало уже 114.

Глава 5
ОСНОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

В апреле 1783 г. капитан 2-го ранга И.М. Берсенев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и

восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты были значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобностям новые крепости... Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение...»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте построили пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев — иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т.д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаждали ехать в Крым, даже если Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитый европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица, и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыхнул салют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здравие Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым, — «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристани-

ща». В документе определялись три главные задачи: первая — «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая — стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья — сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападением противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 саженей (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии...» После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 саженей (640 м). На плотине предполагалась установка «светильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрезвычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту, предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам сумма проекта превышала 6 млн рублей.

В 1792 г. была учреждена Экспедиция строения южных крепостей, в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. Указом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. экспедицию возглавил граф А.В. Суворов, который был назначен командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области, в том числе и в Крыму.

В начале 1793 г. генерал прибыл в свою штаб-квартиру в Херсоне и начал знакомиться с составленными до его приезда проектами. В феврале 1793 г. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и проверил состояние инженерных работ.

По указанию Суворова его заместитель инженер-подполковник Ф.П. де Волан разрабатывает новый план строительства севастопольских укреплений. Причем стоимость их резко снижена с 6 миллионов до 231 752 рублей.

Согласно этому проекту намечалось строительство пяти береговых фортов с ярусами и казематами, имевшими в горже сухой ров. Их планировалось построить на мысах, выступающих в Севастопольскую бухту. Это были «северный форт» — Константиновский — в форме неправильного шестиугольника с каменными одеждами и напротив, на южной стороне, «южный форт» — Александровский — в виде круглой каменной башни. Дальше, на Северной стороне, на мысу за Константиновской батареей, еще одна, похожая на последнюю, батарея с земляной горжей. Напротив, на западном мысу, у входа в Артиллерийскую бухту, — открытая двухъярусная батарея с бастионным фронтом в горже.

Между Артиллерийской и Южной бухтами на мысу предполагалось построить форт «Николай», на котором планировалось сосредоточить морские запасные и пороховые магазины, морской и крепостной арсеналы.

Кроме этих береговых укреплений, авторы проекта доказывали необходимость строительства усиленных сухопутных фортов на возвышенных местах Южной и Северной сторон Севастопольской бухты. Это были южный форт «Екатерина» в тылу батареи «Николай» и северный форт «Елизавета» в тылу форта «Константин» на Северной стороне.

На вооружение всех перечисленных укреплений предполагалось поставить 270 орудий, в том числе на береговые батареи — 152 орудия, а на сухопутные — 118.

По приказу Суворова предварительные работы в крепости были начаты в апреле 1793 г., еще до Высочайшего утверждения.

Ко времени смерти Екатерины (1796 г.) в Севастополе было построено 8 береговых батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, а также батареи № 1, 2, 4 и 5, расположенные на мысах тех же названий. Это были земляные временные укрепления, большей частью открытые, состоящие из двух или трех фасов, изломанных по направлению

берега. Батареи № 2 и № 3 на северном берегу и Николаевская батарея на южном берегу были в виде редутов.

На возвышении за Константиновской батареей находилось довольно обширное земляное укрепление неправильной формы для охраны батарей «Константин» и № 1.

Так возник город русской славы Севастополь.

Глава 6
ПОРАЖЕНИЕ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ И ФИАСКО «БУМАЖНОГО» КАНЦЛЕРА

14 декабря 1825 г. стало роковой датой для русской армии и флота. И дело не в пяти повешенных и нескольких сотнях сосланных в Сибирь и отставленных со службы лучших офицеров России. Гораздо хуже то, что Николай I и его наследники отучили офицеров думать и превратили офицерский корпус в «цепных псов самодержавия». Династии Голштейн-Готторпов-Романовых не нужны были Орловы, Потемкины, Суворовы и Ермоловы. Их заменили господа Вронские. Помните персонажа из «Анны Карениной». Умный породистый офицер. Круг интересов — фрунтовая муштра, скачки, карты, балы, интрижки с великосветскими дамами и балеринами. Прикажут ему изучить берданку или пулемет Максима — изучит досконально. Не прикажут — никогда не поинтересуется. Такие по ночам не читали Руссо и Кодекса Юстиниана и не писали в 16 лет трактаты по баллистике. Анна бросается под поезд, а Алексей едет на войну с турками. В 1878 г. он вернется полковником. В 1905 г. он положит дивизию под Мукденом, а в 1914 г. — корпус под Таннебергом.

Результат кадровой политики русских царей — разруха в головах наших генералов, что сказалось уже во время Крымской войны. В феврале 1853 г. император Николай I предъявил Турции умеренные и достаточно разумные требования, касавшиеся положения православной церкви в Палестине и Сирии. При этом вопрос о статусе Проливов русской стороной не поднимался.

Однако Турцию поддержали Англия и Франция, начав военные действия против России. Ход войны хорошо известен читателям, а интересующихся деталями я отсылаю к моим книгам «Трагедия Севастопольской крепости»

(М.: Яуза, Эксмо, 2005); «Четыре трагедии Крыма» (М.: Вече, 2006); «Черноморский флот в трех войнах и трех революциях» (М.: АСТ, 2007).

Практически все русские и советские историки объясняли поражение России в войне технической отсталостью как русской промышленности, так и армии, и флота. С этим утверждением я полностью согласен, но считаю техническую отсталость не первым, а вторым фактором, определившим поражение России в Крымской войне. Все решила «разруха в головах» наших генералов и адмиралов.

Кто, например, мешал еще в марте — апреле 1853 г. провести внезапный десант в Босфор и захватить если не Стамбул, то хотя бы половину пролива и установить там береговые батареи. Пока Англия и Франция прособирались бы (союзный флот вошел в Черное море лишь 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.), русские сумели бы построить сильную крепость на берегах Босфора и удерживать ее как минимум несколько месяцев.

И в 1854 г., и позже морские офицеры и историки спорили, мог ли Черноморский флот противодействовать высадке союзников в Крыму. Элементарный расчет огневой мощи союзного и русского флота, а также возможности маневрирования союзных паровых кораблей и фрегатов показывают, что шансы русских на победу в генеральном сражении «а ля Трафальгар» были равны нулю.

И вот наши храбрые адмиралы провели эти несложные расчеты и решили: драться нельзя, надо самим топиться с горя. Ну а что если отступить от шаблона и от заученных наставлений? Сразу оговорюсь, что не следовало изобретать что-то новое, надо было действовать тем, что имелось под рукой.

Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море. В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, подводные минные заграждения, казематные и башенные броненосцы, железнодорожные артиллерийские установки и даже подводные лодки. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих типов вооружений, делать в 1855—1861 гг. не надо было. Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Неужели нельзя было из 21 малого парохода, находившихся в составе Черноморского флота, сформировать несколько штурмовых флотилий? Можно было мобилизовать еще как минимум два десятка речных пароходов, принадлежавших различным гражданским ведомствам и частным лицам. Эти пароходы плавали ранее в Азовском море, по Днепру и Дону.

Спору нет, речные пароходы были неспособны нести регулярную службу на Черном море. Но от них требовалось совершить один или два рейса, чтобы быть использованными в качестве брандеров или носителей шестовых мин.

Русские колесные пароходы если и уступали в скорости хода, то совсем немного союзным винтовым кораблям и фрегатам, не говоря уж о больших колесных пароходах. Зато они были маневреннее больших пароходов.

В 1854 г. не было мелкокалиберных скорострельных орудий (они появятся только через 15—20 лет), а пушки больших и средних калибров имели малую скорострельность. Эти орудия были рассчитаны на линейный бой с неподвижным или малоподвижным кораблем противника и в подавляющем большинстве своем не имели поворотных устройств. Таким образом, в ночном бою малые пароходы, используемые в качестве брандеров и носителей шестовых мин, были малоуязвимы от огня артиллерии противника. Вспомним, что в 1877—1878 гг. ни одна русская миноноска не была потоплена артиллерийским огнем турецкого корабля, причем не только в ночных, но и в дневных атаках.

Защиту команд малых пароходов от ружейного огня организовать было проще простого. Для этого годилось все — от мешков с песком до железных щитов. Разумеется, был риск потерять несколько пароходов и несколько десятков человек из их команд.

Однако потопление хотя бы десятка транспортных судов с десантом в ходе ночной атаки брандеров и судов с шестовыми минами гарантированно сорвало бы вторжение союзников в Крым.

Внезапность операции штурмовых флотилий можно было бы обеспечить элементарной дезинформацией. Так, сбор большого числа малых, в том числе и речных, пароходов можно было объяснить необходимостью буксировки парусных кораблей, фрегатов и корветов Черноморского флота к месту боя и в самом бою. Такой прием использовали союзники при бомбардировке Севастополя, да и до войны во всех флотах Европы практиковалась буксировка малыми пароходами больших военных парусных судов.

Любопытный момент: 18 марта 1854 г. вице-адмирал Корнилов издал подробную инструкцию командирам судов Черноморского флота на случай появления союзного флота у Севастополя. Из восьми страниц инструкции три посвящены действиям брандеров! «Ах! Какой прозорливый адмирал! — воскликнет квасной патриот. — А Широкорад еще говорит, что у нас не было Орловых!»

Увы, Корнилов подробно расписывал возможные действия союзных (!) брандеров против Черноморского флота. В инструкции Корнилов вспоминал успешные действия брандеров при Чесме, на Баскском рейде в 1809 г., но ему даже не пришло в голову самому атаковать врага брандерами, тараном и шестовыми минами. Уж лучше всем героически затопиться на Севастопольском рейде! Глядишь, и вице-адмиралу, и затопленным кораблям памятники красивые поставят.

Итак, ночной атаки не было, и 31 августа 1854 г. армада союзных кораблей подошла к Евпатории, а на следующий день началась высадка десанта.

Возникает вопрос: с момента входа союзного флота в Черное море прошло 8 месяцев, и что было сделано для противодесантной обороны района Евпатории?

Неужели не было ясно, где могли высадиться союзники? Может, князь думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алупке, Ялте или Судаке? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта — район Евпатории и район Керчи. Но Керчь слишком удалена от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый — куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя, чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально. Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота.

У союзников был единственный вариант маршрута — пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив таким образом вполне приемлемые места базирования для флота — Балаклаву и Камышовую бухту. И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у

неграмотных татарских беев во времена Миниха. Вспомним, почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю. Неужто Меншиков за 6 месяцев не мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания. Все жители в районе Балаклавы подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как Южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывалось всего 86 душ обоего пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца. Англо-французы высадились почти без обоза, зато в Евпатории они получили от татар все, что им требовалось.

Вот что писал о высадке в Евпатории британский историк Кристофер Хибберт: «Транспорта не было. Не было даже медицинских повозок, которые, как считалось, слишком хрупки для крымских дорог... Оказалось, что труднее переправить на берег одну лошадь, чем сотню пехотинцев. Офицеры с трудом сдерживали эмоции, глядя на то, как испуганных стреноженных животных укладывают в шлюпки, где они дрожат и фыркают от ужаса. Иногда шлюпка переворачивалась, и лошадь оказывалась в море... Поэтому вглубь полуострова были направлены специальные команды, задачей которых было найти и доставить в лагерь повозки и тягловых животных, а также все, что могло быть использовано в качестве транспорта»[1].

Но тут им помогли татары. Только англичане получили 350 повозок с возницами и даже 67 верблюдов. Татары привезли 45 повозок домашней птицы, а также свыше 1000 голов скота. Не хуже дела были и у французов. «Вскоре привычной картиной в расположении французских войск стали верблюды, груженные зерном, и телеги, полные овощей. Кавалеристы пиками подгоняли к лагерю сотни овец и коров, оглашающих окрестности блеянием и мычанием»[2].

---

[1] *Хибберт К.* Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрполиграф, 2004. С. 53, 56.

[2] Там же. С. 56.

Авторские комментарии к вышесказанному, думаю, излишни.

Итоги Крымской войны были подведены в феврале 1856 г. на Парижском мирном конгрессе. Самыми оскорбительными для России пунктами Парижского мира было запрещение России иметь военный флот на Черном море и разоружение Севастополя. Согласно условиям специальной конвенции, Россия и Турция на Черном море могли иметь по 6 паровых судов длиной до 50 м по ватерлинии и водоизмещением до 800 тонн и по 4 легких паровых или парусных судна водоизмещением до 200 тонн.

Русское общество от сановников до либералов было возмущено статьями Парижского мира. Спрос, как известно, порождает предложение. И вот в России явился мессия — князь Александр Михайлович Горчаков, блестящий дипломат и одноклассник Пушкина по лицею. Он пообещал дипломатическими мерами уговорить Францию отменить статьи Парижского мира, касающиеся строительства русского флота на Черном море.

В конторе, то есть в МИДе, заскрипели перья, и по всей Европе полетели депеши, ноты, циркуляры. Увы, они вызывали лишь саркастические улыбки императора Наполеона III и королевы Виктории. А наши генералы и адмиралы открыли рты и терпеливо ждали, пока им «железный канцлер» поднесет разрешение на строительство флота.

Между тем статьи Парижского мира носили исключительно декларативный характер. В них и речи не было о каких-либо санкциях против России в случае строительства флота. Не предусматривалось даже никакого контроля.

В договоре ничего не говорилось о расширении портов в Одессе и Севастополе и о прокладке туда железных дорог.

В 1854—1855 гг. Россия потеряла на Черном море не флот, а армаду никому не нужной деревянной рухляди, за что союзникам следовало бы сказать только спасибо. Такая же рухлядь еще 15 лет гнила в Кронштадте, а содержание ее обходилось в несколько миллионов рублей в год.

С 1856 г. все ведущие морские державы приступили к строительству нового парового и броненосного флота, вооруженного артиллерией принципиально иного типа[1].

---

[1] Речь идет о гладкоствольных орудиях калибра 8—20 дюймов, т. е. 203—506 мм, и нарезных пушках самых разных систем.

Кто мешал Александру II построить на Черном море десяток-два быстроходных грузопассажирских судов водоизмещением 5—15 тыс. тонн? На кораблях можно было бы установить броневые пояса и палубы, защиту машин угольными ямами, разместить под палубой установочные части станков тяжелых орудий, системы подачи боеприпасов, обеспечить необходимую живучесть и т.д.

Все вышесказанное не противоречило ни одной статье Парижского мира. А пушки калибра 9—11 дюймов можно было складировать в нескольких верстах от Одессы и Севастополя, опять же, не нарушая договор. Поставить пушки на корабли при наличии портовых кранов можно за сутки!

Железный канцлер Бисмарк в частных беседах советовал нашему «бумажному канцлеру»: «Чего вы так суетитесь, Александр Михайлович, лучше стройте потихоньку флот!» К этому стоит добавить, что после 1856 г. в Европе произошла серия войн за передел границ образца 1815 г., и никому не было дела до появления русских боевых кораблей на Черном море. Во всяком случае воевать по сему поводу было некому.

Не пора ли нашим историкам честно сказать, что не знаменитый циркуляр Горчакова в 1870 г. отменил статьи Парижского мира, а разгром Франции, устроенный тем же Бисмарком.

Но вот Россия лишилась оков Парижского мира, Тютчев и иные поэты стали писать оды Горчакову. Аплодисменты «бумажному канцлеру» раздавались и слева, и справа. А на Черном море у России не было ни одного полноценного боевого корабля. Не было и верфей, пригодных для постройки современных судов. Не были даже подведены железные дороги к нашим основным портам. Так, к примеру, железная дорога Москва — Лозовая — Севастополь вошла в строй лишь в 1875 г., да и то до 1880 г. ее пропускная способность оставалась крайне низкой.

Лишь 14 июня 1883 г. в Николаеве был заложен первый полноценный боевой корабль — броненосец «Екатерина II». В строй он вступил в 1888 (!) г., то есть спустя 32 года после заключения Парижского мира и через 18 лет после знаменитой депеши Горчакова — фактической денонсации оного мира.

И вот сейчас, в XXI веке, в здании МИДа на Смоленской площади висят портреты Александра Михайловича Горчакова. Того самого, кто заставлял Александра II продать Аляску, устраивал царю истерики по поводу продвижения наших генералов в Средней Азии. Ну а в январе 1878 г. именно Горчаков

настоял на остановке русских войск в 8 км от стен Царьграда. А вдруг королева Виктория обидится?

Престарелый канцлер явно выжил из ума. 1878 год — не 1856-й. Самую сильную в военном отношении европейскую державу — Германскую империю — в первую очередь интересовали не Проливы, а наказание реваншистов во Франции. Так что Париж не посмел бы и пикнуть, если бы генерал Скобелев занял Константинополь. А пикнул бы, Петербургу достаточно было сказать «Фас!», и через две недели германские гренадеры маршировали бы по Елисейским Полям. Ну а «владычица морей» никогда в одиночку не осмелилась бы воевать с Россией. Весь XIX век излюбленной темой европейских карикатуристов был «поединок Льва и Кита».

А, может быть, дяди со Смоленской площади правы? Ведь «по части иностранных дел» Горчаков превзошел даже ельцинского министра Андрея Владимировича Козырева.

Глава 7
ЛИВАДИЯ — ВТОРАЯ СТОЛИЦА ИМПЕРИИ

Да, да! Ливадия свыше 30 лет была второй столицей Российской империи. Ну а первой был Санкт-Петербург? Нет! Целых 36 лет Александр III и Николай II не жили в собственной столице. Но начнем по порядку.

В 1860 г. император Николай I приобрел у графов Потоцких чудесное и хорошо оборудованное имение Ливадия в Крыму.

В августе 1861 г. Александр II с женой и младшими детьми Марией, Павлом и Сергеем впервые приехали в Ливадию. Железных дорог тогда не было. Ехали на лошадях по извилистым крымским дорогам, часто останавливались на почтовых станциях и 24 августа прибыли в Севастополь. Ну а далее через перевал Байдарские ворота высочайшее семейство отправилось в Ялту.

Ялту в то время даже трудно назвать городом. Однако порт там был построен еще в 1833—1837 гг. К 1861 г. в Ялте проживало всего 927 человек, имелось всего 72 дома, которые расположились на трех узких улицах. Перед приездом августейшей четы в городе установили телеграфную станцию, почистили и увеличили городскую пристань, разбили небольшой бульвар вдоль набережной, укрепили дорогу в Ливадию, побелили дома.

Естественно, дорога через Байдарские ворота хотя и была коротка — царское семейство добралось из Севастополя в Ливадию за несколько часов, — но не совсем удовлетворяла требованиям охраны. И обратно в Севастополь с семьей 12 октября уже отправились на колесной яхте «Тигр». Эта яхта была построена в 1855 г. в Николаеве. Ее водоизмещение 2000 т, а машина трофейная, снята с затонувшего в 1854 г. у Одессы английского пароходо-фрегата «Тигр».

Александру II в Ливадии понравилось, и по его приказу придворный архитектор И.А. Монагетти отправился туда для проведения реконструкции дворца Поточных и возведения новых строений. Работы начались весной 1862 г. и за 4 года там было возведено около 70 построек, включая церковь и малый дворец.

По ряду причин следующий визит Александра II в Ливадию состоялся лишь 16 июня 1867 г. Царское семейство прибыло на яхте «Тигр». Через несколько недель царя в Ливадии посетила группа американских журналистов, среди которых был Самюэль Клеменс, в будущем известный писатель Марк Твен.

В следующий раз царская семья приехала отдыхать в Ливадию в 1869 г. В этот раз с ними был и наследник Александр Александрович, которому так понравился Малый дворец, что, даже будучи императором, он продолжал жить в нем.

Александр II стал посещать Ливадию почти каждое лето и осень. В Ливадию вместе с царем стали приезжать ведущие министры. Именно в Ливадии 12 октября 1876 г., на совещании высших военных чинов и дипломатов, Александр II принял решение начать войну с Турцией.

Лето и осень 1879 г. Александр II опять провел в Ливадии вместе с царицей Марией Александровной и министрами. Но впервые в Крым вместе с ними приехала и вторая жена царя Катерина Долгорукова. Жила она пока не в Ливадийском дворце, а в расположенной недалеко татарской деревушке Биюк-Сарай.

В ночь на 22 мая 1880 г. в Зимнем умирает императрица Мария Александровна, а 6 июля Александр II тайно вступает в брак с Екатериной Долгоруковой. В конце августа 1880 г. молодожены прибывают в Ливадию.

1 декабря 1880 г. Александр II и Екатерина собрались в обратный путь. «По дороге на Севастополь Александр приказал остановить экипаж у Байдарских ворот. Оттуда открывался чудесный вид на Черное море, голубоватые вершины Яйлы. Небо было чистым, и последний день здесь был сказочно прелестен.

Очарованный открывшимся перед ним видом Император приказал накрыть стол на воздухе... Прислуживал единственный слуга. Обед прошел весело и оживленно, и счастье сияло на всех лицах»[1]. Это был последний приезд Александра II в Крым.

С 1879 г. революционеры начинают настоящую охоту на царя. И вот 1 марта 1881 г. в результате восьмого (!) покушения Александр II был смертельно ранен осколками бомбы, брошенной в него народовольцами на Екатерининском канале в Петербурге.

Народники, а позже марксист № 1 Георгий Плеханов еще в 1879 г. предсказали Желябову: «Вы добьетесь только того, что вместо Александра с двумя палочками будет Александр с тремя палочками».

С детства нас учили, как студент Володя Ульянов, узнав о казни своего брата Александра, изрек: «Мы пойдем другим путем». То есть путь «Народной воли» был заведомо неверным. Нужна была, мол, пролетарская партия с великим вождем во главе.

Но вот настали иные времена, а большевистская оценка теорий «Народной воли» осталась без изменений, разве что добавилось личных оскорблений в адрес конкретных народовольцев.

Надежды народовольцев на подрыв основ монархии посредством убийства царя не оправдалась. Не вспыхнуло никаких народных восстаний, так как простому народу были чужды идей «Народной воли». Народовольцев покинуло и большинство ранее им сочувствовавшей интеллигенции. Взошедший на престол новый император Александр III напрочь отказался от всех либеральных начинаний своего отца, вернув Российскую империю к полному самодержавию.

«Шанс политической модернизации России был упущен» «Цареубийство оказалось пирровой победой народовольцев. Либералы, на поддержку которых они рассчитывали, отшатнулись от партии» и т.д. Ну а наши либералы вместе с монархистами именуют Желябова и Перовскую «всякой нечистью», устроившей «кровавую оргию».

Говорить о морали и нравственности с либералами и монархистами бессмысленно.

---

[1] *Литвинова Е.М.* Царская семья в Крыму. Симферополь: ООО «Рубин-Плюс», «Амазонка-Крым», 2011. С. 113—114.

Рассмотрим лучше конкретные результаты царской «охоты». Ну, повесили человек 40, свыше 10 тысяч были посажены в тюрьмы, отправлены в Сибирь и т.д.

А теперь обратимся к другой стороне медали. Новый царь и его сановники испугались: Зимний дворец немедленно стали окапывать — искали провода, подведенные к минам внутри дворца. Нашли один кабель, но он оказался от старого телеграфа времен Николая I.

А в высшем свете распространились слухи, будто готовится десант матросов из Кронштадта, которые-де возведут на престол генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Князь якобы связан с «Народной волей». Александр III оперативно уволил своего дядю со всех постов.

3 марта 1881 г. председатель Кабинета министров П.А. Валуев предложил Александру III назначить регента на тот случай, если его тоже убьют. Старшему сыну царя Николаю было всего 12 лет. Александр возмутился этим предложением и отказался, но 14 марта все же назначил регентом своего брата великого князя Владимира Александровича, а сам 27 марта бежал, иначе не скажешь, вместе с семьей из Аничкова дворца в Гатчину на ПМЖ. И студенты, и сановники по сему поводу стали величать царя «гатчинским пленником революции».

К сожалению, главного результата террора «Народной воли» до сих пор не заметил ни один историк. Террористы существенно ограничили свободу передвижения двух последних царей, затруднив их общение даже с сановниками, не говоря уж о народе. То, что народ не знал адресов террористов, это понятно, но когда ни народ, ни большинство генералов, губернаторов и сановников не знали, где находится император — не имело аналогов ни в Российской империи, ни в государствах Европы за последние полтора тысячелетия.

Без преувеличения можно сказать, что «Народная воля» выселила династию Романовых из собственной столицы. Ни Александр III, ни Николай II больше не жили в Петербурге, хотя для них в Зимнем дворце и были подготовлены хорошо охраняемые апартаменты. Оба императора периодически прибывали на несколько часов в столицу, принимали участие в официальных церемониях и... уезжали ночевать в свои загородные резиденции, хотя над Зимним дворцом продолжал реять императорский штандарт. «Царь всегда на своем месте».

В России формально вся система управления была зациклена на царе. Нет, нет, я не преувеличиваю.

Чтобы читатель представил себе разграничение полномочий властей, приведу примеры деяний Николая II в мае 1895 г.: «15 мая Его Величество Император соизволил дать свое согласие на создание в больницах города Нижний Новгород четырех коек, предоставляемых старикам, на сумму 6300 рублей, пожертвованных вдовой генерала Д. г-жой Катериной Д. В тот же день Его Величество дал свое согласие на создание стипендии в Первой Казанской гимназии на сумму 5 тысяч рублей, пожертвованных вдовой дворецкого советника, а также стипендии 300 рублей за счет выручки, получаемой этим городом».

Выбрали граждане уездного городишки своим почетным гражданином купца Пупкина, но окончательно утвердить Пупкина в оном звании мог только император после того, как выслушает представление министра внутренних дел.

Захотел, скажем, деревенский сход или местный помещик поставить в деревне или в имении церковь — на утверждение надо посылать план постройки в Петербург на усмотрение высших сфер.

Кто-то возразит мне, мол, и сейчас президент читает письма ветерана войны, который живет в ветхом жилье, и выдает гневную филиппику по адресу нерадивых чиновников. Но и что? У российского и у американского президента огромный секретариат, в котором заняты сотни людей, и о содержании 99,9 % писем президенты и не догадываются. А отбор писем, на которые должен быть президентский ответ, производят те же секретари, они же пишут филиппики, которые и читаются с монитора перед телекамерами. У Николая же за все время его царствования ни разу не было личного секретаря, и заниматься всей этой бумажной работой, включая ответы на поздравления, иной раз приходившие десятками в день, приходилось ему самому.

Система управления Российской империей была сложна и запутанна. Формально существовал Комитет министров, который возглавлялся самим царем. Однако это был не управленческий, а скорее законодательный орган. Кроме того, с 1861 по 1882 г. существовал и Совет министров, который тоже должен был возглавлять сам царь. С декабря 1882 г. Совет министров более не собирался.

Совет министров был возрожден царским указом от 19 октября 1905 г. Тогда же был учрежден и пост председателя Совета министров.

Однако ни председатель Комитета министров, ни все министры вместе не могли повлиять на своего коллегу министра. Каждый министр имел право непосредственного доклада царю и отчитывался только перед царем. Такая система была терпима в XVIII — начале XIX века, когда сильный монарх, имея советников уровня Панина, Потемкина, Безбородко, Сперанского и других, мог непосредственно управлять министрами. К началу XX века только объем информации, доставляемой царю, возрос во много раз. Как едко писал в 1895 г. Лев Толстой: «...в Кокандском ханстве все дела можно было рассмотреть в одно утро, а в России в наше время для того, чтобы управлять государством, нужны десятки тысяч ежедневных решений».

Любопытно, что у Николая II не было никакого аппарата (секретариата), который бы обрабатывал, уточнял, проверял отчеты министров или иных чиновников.

Представьте, какую беду несли стране «царские пряталки». Каково быть министром? Ведь на дорогу в Гатчину, Петергоф или Царское Село они тратили минимум три часа в один конец. Чтобы сделать 15-минутный доклад царю в Петербурге, министр терял максимум час времени, даже если он шел пешком из министерства в Зимний дворец. А на аналогичный же доклад в Царском Селе уходил весь день.

Таким образом, решение даже самых срочных вопросов откладывалось на 8 часов, и то, если министерство продолжало работать и ночью. Ну а если царская яхта вояжировала в Финских шхерах, то тогда министр ехал в Кронштадт, там садился на миноносец, который отправлялся на поиски царской флотилии. Так, в июле 1906 г. премьер-министр С.Ю. Витте на эсминце «Пограничник» прибыл к месту стоянки царской яхты «Штандарт» на рейде Бьёркё. Увы, царя на борту яхты не оказалось, он отправился на охоту на конвоире царских яхт «Разведчик». О подходе «Пограничника» царю доложили только после чая: «Голубые глаза императора мгновенно потухли.

— Разве мы ждали? Пошлите сказать, что я приму ровно в семь, — и переменившейся и усталой походкой государь ушел к себе вниз.

— Что вы пошлете за ним? — спросил Чагина Нилов.

— Придется царский катер, потому что маленький на берегу.

— Вот еще... Царский катер... Довольно и маленький...»[1]

Так издевались над премьер-министром великой империи командир яхты и вахтенный офицер.

Доклад проходил долго, целых 55 минут, после чего состоялся обед, а затем «Пограничник» снялся с якоря. Граф потерял ради 55-минутного доклада около трех суток.

Но, увы, Николай II не думал ни об удобствах министров, ни о скорости выполнения собственных приказов. Свои удобства были важнее. А министры — это просто холопы со «скотского хутора»[2].

Ну а если Александр III или Николай II жили в Ливадии, то в Ялту на несколько недель или даже месяцев отправлялись ведущие министры империи.

Между тем бегство от террористов в отдаленные дворцы или на яхты постепенно стало нравиться царям. Прогулки на природе, свежий воздух, тишина, спокойствие куда полезней, чем петербургский смог. Да и вообще... Представьте себе, что царь бы стал охотиться на ворон или гоняться за кошками с ружьем по Дворцовой площади или Летнему саду. Обыватели бы от хохота падали, а тут еще интуристы с фотоаппаратами набежали бы. В Ливадии или Царском Селе оно все-таки спокойнее.

Александр III в качестве монарха впервые приехал в Ливадию осенью 1884 г. С приездом императора охрана дворца была резко усилена. Резиденцию одновременно охраняли три роты солдат: от Эриванского, Кабардинского и Виленского полков. Периодически роты сменялись, все три полка дислоцировались поблизости. Казалось бы, проще отправить на охрану какой-нибудь один полк, а потом сменить его другим. Отнюдь! А вдруг офицеры одного полка сговорятся.

В 1892 г. Александр III распорядился о строительстве еще одного царского дворца в Крыму — в Массандре, примерно в 8 верстах от Ливадии. Строительство дворца было остановлено со смертью Александра III, но Николай II приказал его достроить во что бы то ни стало. Роскошный трехэтажный дворец напоминает рыцарский замок. Он предназначался не для торжественных приемов, а для повседневной жизни монархов.

---

[1] *Саблин Н.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб.: Petronivs, 2008. С. 66.

[2] «Скотский хутор» — фантастический роман Оруэлла.

Увы, в столь роскошном Массандровском дворце... никто не жил. Николай II эпизодически использовал его как охотничий домик, то есть царь с компанией приезжал поохотиться в горы, а затем несколько часов отдыхал в Массандровском дворце. Ну а ночевать хозяева и гости уезжали в Ливадию или по своим имениям на Южном берегу Крыма.

Между тем императорская яхта «Тигр» обветшала, и взамен ей в 1870—1873 гг. в Николаеве была построена новая деревянная колесная яхта «Ливадия» водоизмещением в 2000 т. Уже летом 1873 г. «Ливадия» перевезла императрицу Марию Александровну с семьей из Севастополя в Ялту. Ну а «Тигр» был 26 августа 1872 г. исключен из списков судов Черноморского флота.

Увы, «Ливадия» в ночь на 22 октября 1878 г. выскочила на скалы у мыса Тарханкут на западном побережье Крыма. Яхта была разбита волнами.

И тут вице-адмирал А.А. Попов, насмешивший весь мир строительством двух круглых броненосцев-«поповок», предложил царю Александру II построить круглую, а точнее эллиптическую яхту «Ливадия».

Попов соблазнил царя почти полным отсутствием качки, различными удобствами для «высочайших» пассажиров и роскошью отделки.

Огромная по тем временам яхта стандартным водоизмещением 4420 т, получившая имя своей предшественницы, была заложена на английской судостроительной фирме «Джон Эльдер и К°» 25 марта 1880 г. 24 сентября того же года «Ливадия» под командой ее создателя британского кораблестроителя инженера Пирса покинула верфь в Глазго на реке Клайд и взяла курс на Севастополь.

Яхта была роскошно отделана. Площадь кают, салонов и залов для императорской семьи и свиты составляла 3950 кв. м, то есть в 6,7 раза больше, чем на старой «Ливадии». Огромная императорская приемная с высотой потолков 4 м была отделана в стиле комнат Людовика XVI в Фонтенбло. В приемной бурлил фонтан, окруженный цветочной клумбой. Гостиная на средней палубе была меблирована в крымско-татарском стиле. Другие помещения имели отделку в персидском духе. Большинство же парадных кают было отделано в современном английском стиле.

По пути из Англии на Черное море яхта угодила в шторм в Бискайском заливе и чуть не развалилась на куски. Почти 8 месяцев ушло на ремонт в испанском порту Ферроль.

И вот 27 мая 1881 г. «Ливадия» прибыла в Севастополь. Понятно, что новый император плавать на ней не рискнул. Для приличия яхту переклассифицировали в пароход «Опыт», а позже обратили в блокшив.

Согласно некоторым документам, в 1886 г. царя с семьей перевез из Севастополя в Ялту крейсер «Орёл». Видимо, это ошибка, поскольку пароход Добровольного флота стандартным водоизмещением 81 175 тонн был построен в Англии в 1889 г. и лишь 15 марта 1890 г. прибыл из Англии в Одессу. В военное время он должен был обращаться в крейсер с вооружением 3 — 120-мм, 12 — 75-мм и 6—47-мм орудий. Пассажировместимость парохода — 1245 мест.

Ну а 21 сентября 1894 г. император Александр III сел на «Орла» и отправился в последний раз в Ливадию. Обратим внимание, согласно дневнику Николая II, из Севастополя вышли в 11.00, а «ровно в 2 часа подошли к Ялтинскому молу»[1].

У Ливадийского дворца царя встретил 16-й Стрелковый Его Величества полк.

20 октября 1894 г. Александр III умер в Ливадии. А 27 октября гроб с телом императора установили на крейсере «Память Меркурия», который в сопровождении брига «Двенадцать Апостолов» и крейсера «Орёл» пошел в Севастополь.

Немедленно после смерти Александра III в Крестовоздвиженской церкви Ливадии был провозглашен манифест о вступлении на престол Николая II.

Новый император любил путешествовать с комфортом. Сам ли он придумал или кто ему подсказал, но при нем впервые царские яхты стали гонять с Балтики на Черное море и обратно.

И вот 22 июня 1893 г. яхта «Штандарт» покидает Кронштадт и идет в Севастополь. Ну а 14 августа Николай II отправляется из Петергофа в Севастополь, но уже по железной дороге. Погостив в Москве, царь в 10 часов утра 21 августа прибывает в Севастополь. Замечу, что в Севастополе вокзал специально был устроен так, что царь прямо из вагона, пройдя буквально 20 метров, попадал на причал, где его уже ждал катер со «Штандрата».

Четыре дня Николай II осматривал Севастополь, но ночевал только на «Штандарте». И вот наконец 25 августа он отправляется в Ялту. Предоставим

[1] Дневники императора Николая II. 1894—1918 / Под ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. С. 116.

слово самому Николаю: «25 августа. Вторник. Около 2-х вышли из Севастополя... Ровно в 5 подошли к молу Ялты, где расстались с милым "Штандартом". Подъезжая к Ливадии были окроплены дождем. У дворца стоял почет. кар. от 14-го стрелкового полка»[1].

Замечу, что «Штандарт» шел под эскортом миноносцев: «Печальный случай произошел здесь на эскадре: с миноносца № 252-й смыло командира, лейтенанта Гаевского, перед самым Севастополем, когда они возвращались после конвоирования "Штандарта"!»[2]

12 декабря царь возвращается на «Штандарте» в Севастополь, в пути традиционно 3 часа. За день до этого крейсер «Память Меркурия» забрал царский багаж и отвез его в Севастополь. Ну а «Штандарт» опять вокруг Европы пошел на Балтику. Итак, ради двух трехчасовых прогулок императорская яхта размером с броненосный крейсер дважды гонялась вокруг Европы!

А вот как Николай II сам описывает свой распорядок дня в Ливадии: «День мы проводим обыкновенно следующим образом: встаем в 8 ½, кофе пьем на балконе и от 9 ½ до 11 гуляем, я в это время купаюсь, когда вода не очень холодная; Аликс рисует, а я читаю до часу. Завтракаем с музыкой. Около 3-х отправляемся на большую прогулку, возвращаемся домой не раньше 6 или 6 ½ ч. Я занимаюсь до 8 ч. Аликс в это время купает детей, кормит их и укладывает спать. После обеда (т.е. примерно в 9 час. вечера) процветает безик (вид карточной игры), в 11 ½ расходимся и ложимся в 12 ч.»[3].

То есть «на занятия» уходило от полутора до двух часов в день. Ну а «занятиями» Николай II называл чтение отчетов министров и деловых депеш, а также ответы на поздравления, которые он готовил только сам.

16 декабря 1898 г. царь, не заезжая в Петербург, прибыл в Царское Село.

В 1899 г. Николай II не сумел побывать в Ливадии, помешали дела. 18 июня 1899 г. скоропостижно скончался наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович.

Похороны брата и разные хлопоты задержали императора до 22 августа 1899 г., когда он сел на любимый «Штандарт» и отправился в Данию. Ну а оттуда не грех заехать и в Германию, в том числе и к родне в Дармштадт.

---

[1] Там же. С. 408—409.

[2] Там же. С. 409.

[3] Цит. по: *Литвинова Е.М.* Царская семья в Крыму. С. 162.

Лишь 28 октября царь пересек на поезде русскую границу. А по пути решил поохотиться в Беловежской Пуще и лишь 5 ноября прибыл в Царское Село. А тут уж куда ехать в Крым! Это ведь 18 ноября по новому стилю, а пока приедешь в Ливадию, уже и декабрь.

Но на следующий, 1900 год надо обязательно ехать во вторую столицу — в Ливадию. 17 сентября в 9.00. царский поезд прибывает в Севастополь. Там уже ждет «Штандарт», прибывший с Балтики. Кстати, там без дела стояла океанская яхта «Тамара», принадлежавшая великому князю Александру Михайловичу. Сам Сандро на службе, он командовал броненосцем «Ростислав». Ну тогда почему бы на яхте водоизмещением 900 т со скоростью 13,5 узла не пройти от Севастополя до Ялты? А какие роскошные каюты! Да и экипаж надежный — матросы и офицеры Императорского флота.

Николай II изучил «Тамару» еще в 1890 г., во время встречи с Сандро в Коломбо. Цесаревич шел тогда на крейсере «Память Азова» в сопровождении крейсера «Владимир Мономах», а великий князь вояжировал в Индийском океане для души наполовину за свой, наполовину за казенный счет. Пьянствовать с Сандро на «Тамаре» можно было и в 1890-м, и в 1900 годах. Но три часа плыть до Ливадии? Императору это неприлично!

И вот 18 сентября в 11 ч. 15 мин. «Штандарт» подходит к Ялтинскому молу.

23 октября 1900 г. император записывает в своем дневнике: «Ходил к морю и смотрел на прибой. Погода была солнечной, но холодной. Поздравлял А.И. Пушкина с 10-летием на должности командующего войсками Одесского военного округа. Играл в теннис. Принял Турхан-пашу. Он привез от султана альбом с массой фотографий...»[1]

Следует заметить, что во время каждого приезда Николая II в Ливадию к нему прибывали посланники султана. Однако целью их визитов были не столько дипломатические переговоры, сколько «восточная ментальность» — турки по-прежнему считали Крым своей собственностью. А поскольку явных претензий не было, да и каждый раз привозились ценные подарки, государь принимал их. По мнению К.Ф. Ипатьева, именно через турецкий альбом император заболел тифом или получил иную инфекцию.

---

[1] В главе используется рукопись, любезно предоставленная автору майором ГРУ в отставке К.Ф. Ипатьевым.

24 октября Николай II был активен, занимался государственными делами, принимал у себя Куропаткина. Но уже 25 октября записи в дневнике резко меняются: «Отвратительный день с осенним ветром. Утром гулял нехотя, т.к. чувствовал себя неважно. Принял Ламсдорфа. Лег спать рано».

Лейб-медик, престарелый Гирш, поставил диагноз — инфлюэнца (то есть простуда или грипп). Однако царю становилось все хуже. Вызванный из Петербурга профессор Военно-медицинской академии Попов изменил диагноз на брюшной тиф.

Майор Ипатьев ставит несколько иной диагноз: «В болезни Императора настораживает несколько фактов. Его болезнь по клиническим признакам никак не похожа на брюшной тиф. Более того, за все время болезни у него не ухудшался аппетит, он мог вставать и ходить по комнате. Изучая симптоматику болезни Императора, современные врачи-инфекционисты с большой долей вероятности утверждают, что эта болезнь вовсе не была брюшным тифом.

В силу большой контагиозности, брюшным тифом легко могли заразиться находящиеся в близком окружении Царя люди. Но, ни в то время, ни после ни у кого из них признаки этой болезни не были выявлены. Наблюдавшие государя врачи Г.И. Гирш, Тихомиров и профессор Попов так и не пришли к единому мнению о том, что же стало причиной болезни. Однако весьма интересен тот факт, что подарок Турхан-паши — альбом, привезенный от султана, уже 26 октября при странных обстоятельствах исчезает из дворца Государя».

С 1 по 28 ноября царь находился в тяжелейшем состоянии. Врачи не исключали летальный исход.

Фактически Александра Федоровна взяла на себя управление государством. «По свидетельству “правой руки” министра Императорского двора А.А. Мосолова, императрица отдавала приказания непосредственно В.Б. Фредериксу и другим должностным лицам, “которые уже затем докладывали о полученных указаниях, причем добавляли, что государыня приказывала о своих распоряжениях не говорить. Все эти приказания передавались фрейлинами А.А. Олениной и С. Орбелиани княгине Е.Н. Оболенской.

Скоро, однако, этих фрейлин оказалось недостаточно, и императрица вызвала из Рима бывшую свою фрейлину княжну Марию Викторовну Барятинскую, с которой государыня, за три года перед этим, поссорилась. Княжна Барятинская, весьма умная и толковая барышня, тогда лет около тридцати, заняла при государыне место ее начальника штаба и всем управляла с большой

энергией. Она устранила ненормальность положения, переговаривая с министром и со мной о всех желаниях государыни до отдачи приказаний. При ней эти желания незаметно стали переходить от вопросов, касающихся только так называемых "полковников от котлет", к вопросам, касающимся министров, чем граф Фредерикс ставился иногда в затруднительное положение"»[1].

Императрица-мать в это время гостила у родных в Дании. Узнав о болезни сына, Мария Федоровна срочно отправила несколько телеграмм в Ливадию Александре Федоровне с предложением пригласить лучших европейских врачей к сыну и просила сообщить, когда ей лучше приехать. Александра сухо отклонила оба предложения. Присутствие в Ливадии императрицы-матери и свидетелей-иностранцев не входило в планы Аликс.

Ряд министров и генералов во главе с военным министром Куропаткиным (будущим «маньчжурским героем») начали подготовку к государственному перевороту. В случае смерти Николая они собирались возвести на престол пятилетнюю дочь Ольгу, а царица становилась регентшей. Кроме того, Алиса находилась на 4-й неделе беременности. А вдруг будет сын?

Однако премьер-министр Витте отказался присоединиться к заговору, за что заслужил пожизненную ненависть царицы. Михаила любила гвардия, да и вся Россия от аристократов до социалистов слишком хорошо знала прелести женского правления в XVIII веке, и страна вряд ли тихо приняла бы на престол пятилетнюю девицу. Таким образом, уже в 1900 г. Россия была поставлена на грань гражданской войны.

Тут следует обратить внимание на то, что Ливадия — не Санкт-Петербург, где династические споры в XVIII веке решала исключительно гвардия. Спору нет, рядом с Ливадией дислоцировались гвардейские части. Но сухим путем в Ливадию тогда попадали только через Севастополь. (Троллейбусного сообщения Симферополь — Ялта тогда, увы, не было, ну а горные тропы не в счет.) Ливадийский дворец и все окрестные постройки расположены приблизительно в версте от моря и великолепно просматриваются даже с борта прогулочного катера — сам смотрел. А в хорошую оптику с марса броненосца видны и различия на погонах.

---

[1] *Зимин И.В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. С. 237.

Таким образом, ситуация в Ливадии в случае смерти Николая полностью попала бы под контроль командования Черноморского флота.

Замечу, что позицию Черноморского флота в ходе династического кризиса определял не столько командующий флотом вице-адмирал С.П. Тыртов, сколько командир броненосца «Ростислав» капитан 1-го ранга А.М. Романов. На службе капитан Романов вытягивался перед Тыртовым, а вне службы вице-адмирал вставал на вытяжку перед 34-летним великим князем и не имел права первым начать с ним разговор.

Как ни секретила Аликс с заговорщиками состояние царя, все детали происходящего немедленно докладывались великому князю. Дело в том, что имения великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор и Харакс граничили с Ливадией, и августейшие соседи постоянно навещали друг друга. Ники и Сандро дружили с детства. Естественно, что средний и младший обслуживающий персонал этих имений имел чуть ли не ежедневное общение и родственные связи. Соответственно, болезнь царя или даже его невыход из дворца не мог остаться неизвестным в Хараксе и Ай-Тодоре.

Александр Михайлович занял резко отрицательную позицию по отношению к попытке государственного переворота. В случае коронации Татьяны Александр Михайлович и его три брата могли слишком много потерять. Нетрудно догадаться, что в случае смерти царя Черноморский флот взял бы под контроль всех заговорщиков. А, как уже говорилось, по законам Российской империи даже попытка изменить порядок престолонаследия каралась смертной казнью.

Однако молодость и здоровье победили болезнь — Николай выздоровел. Зато императрица Александра Федоровна на всю жизнь возненавидела Александра Михайловича. Отношения же с царем у Александра Михайловича оставались хорошими, но о близкой дружбе, как раньше, уже и речи не было.

30 ноября царь возобновил записи в дневнике: «Сегодня чувствую себя бодрее, значительно окрепшим, в первый раз оделся и вышел на балкон подышать свежим воздухом. Погода была солнечная и тихая. С какой радостию я снова вошел в свою комнату. В течение этих недель я не выходил из трех комнат Аликс».

Согласно Своду законов Российской империи, раздел I, глава четвертая: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право... Верность подданства во-

царившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою».

Таким образом, присяга царствующему императору (Николаю II) включала в себя присягу наследнику (Михаилу), и в силу присяги каждый подданный империи был обязан выступить против любых иных претендентов на престол.

Однако через некоторое время по приказу царя обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев и министр юстиции Муравьев составили указ о том, что наследницей престола становится старшая дочь Николая II. Указ был секретным, и о нем знали даже не все министры. Так, например, Витте о нем по секрету рассказал Победоносцев.

Все же 150 миллионов подданных ничего не знали о заговоре Куропаткина в 1900 г. и о последующем секретном указе. По всей огромной империи попы, муллы и шаманы возводили молитвы за здравие царя Николая и наследника Михаила.

В связи с болезнью царя августейшее семейство провело в Ливадии половину зимы. Лишь 10 (23) января 1901 г. «Штандарт» вышел из Ялты и взял курс на Севастополь.

1 июня 1901 г. в Петергофе у Алисы рождается четвертая дочь — Анастасия. Поездка в Ливадию откладывается на год. А пока архитектор Удельного Ливадийско-Массандровского управления А.А. Бибер за 1901—1904 гг. возвел в Ливадии новые здания: дома министра двора барона В.Б. Фредерикса, высших офицеров охраны, учителей и ресторатора, прачечную. Претерпел модернизацию и старый дворец — там провели центральное отопление, электричеством от нескольких электростанций освещались дворцы и все здания гофмаршальской и служительской частей, телефонная связь соединила Ливадию с Петербургом и Москвой.

Из царского дневника за 1902 год: «17-го сентября. Вторник. В 9 час. прикатили в красивый Севастополь. Встреча, как всегда, на пристани: поч. кар. Брестского полка, начальство, дамы и дети учебных заведений. Утро стояло тихое, облачное, к полудню разъяснило. Эскадра стояла в три линии и произвела салют, когда поезд вышел из туннеля.

Ксения, д. Миша и Сандро встретили на “Штандарте”, куда мы сейчас же переправились»[1].

---

[1] Дневники императора Николая II. 1894—1918 / Под ред. С.В. Мироненко. С. 683.

Шесть дней пробыли в Севастополе (жили на «Штандарте») и 22 сентября прибыли в Ливадию. Лишь 8 декабря «Штандарт» с царской семьей отправился обратно в Севастополь, и 11 декабря августейшее семейство прибыло в Царское Село.

В мае 1909 г. яхта «Штандарт» в сопровождении «Полярной звезды» и пяти эсминцев вывезла царское семейство в Финские шхеры. Далее последовали визиты в Швецию, Англию и Германию.

Почти сразу после возвращения из вояжа по северным морям в Кронштадт «Штандарт» стал готовиться к походу вокруг Европы в Севастополь. Выход состоялся 19 августа. Царь приехал в Крым в сентябре 1909 г. И тут дипломаты попросили Николая II съездить в Италию, якобы рутинная поездка — «отдать визит» итальянскому королю Виктору Эммануилу III. Царь, как всегда, решил поехать на «Штандарте».

Командир «Штандарта» Николай Саблин в своих мемуарах утверждал: «Дипломаты решили, что государь должен сделать визит султану, но наш посол в Турции, который как бы главенствовал над остальными нашими посланниками в Балканских странах, нашел, что главе православной церкви, российскому императору, не подобает делать первый визит главе мусульманского мира, не посетив славянские страны. Поход в Италию морем отложили, да, кажется, государь и не думал идти на яхте, потому что семью почему-то взять было нельзя, ну а государыне и, особенно, княжнам очень не хотелось оставаться на берегу, когда государь шел в такое интересное плавание.

Между тем отношения с Австрией сложились натянутые, и проехать через нее было не желательно, поэтому государь пошел на "Штандарте" в Одессу, а из нее поехал кругом, через Германию в своем поезде в Ракониджи, где на тот момент пребывал итальянский король»[1].

И вот глубокой ночью «Штандарт» под конвоем четырех миноносцев пошел в Одессу. Оттуда поездом в Италию. 10 (23) октября 1909 г. в замке Раккониджи близ Турина состоялась встреча императора Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III.

Монархи крепко выпили, а на следующий день отправились охотиться в окрестностях замка. Наиболее яркое впечатление на царя произвел королевский дворец, и он решил немедленно построить себе такой же в Ливадии. А тем

[1] *Саблин Н.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 180.

временем их министры иностранных дел Томмазо Титтони и Александр Извольский составили секретное соглашение. Там было много пустой болтовни типа: «Россия и Италия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове».

Суть же была в том, что Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах». Со своей стороны царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике»[1].

Фактически это было разрешением Италии оккупировать Ливию, а что получала взамен Россия? Пустые обещания.

И вот когда началась итало-турецкая война и итальянские броненосцы подошли к Дарданеллам, султан закрыл Проливы, и наша экономика понесла огромные убытки, благо, около 60 % экспорта шло через Проливы.

Вместо Италии Николай II мог поехать в Стамбул и заключить союз с султаном, гарантировавший территориальную неприкосновенность Оттоманской империи. А в случае агрессии против Ливии ввести Черноморский флот по крайней мере в Эгейское море для обеспечения безопасности русской торговли, да и с Балтики могла подойти эскадра, дабы урезонить «макаронников». Увы, Италия получила Ливию, Россия — огромные убытки. Затем начались Балканские войны. «Легкость в мыслях необыкновенная» — иначе не объяснить поведение русских дипломатов и царя.

Десять дней «Штандарт» стоял в Одессе, пока не вернулся весьма довольный Николай. Нет, не договором с Италией, он строил планы постройки нового дворца в Ливадии. По плану царь должен был вернуться в Петербург 26 ноября, но вернулся лишь 22 декабря 1909 г. И дело не в хорошей погоде, как пишет Саблин. Царь занят проектами нового дворца.

12 декабря 1909 г. на классного художника архитектуры губернского секретаря Н.П. Краснова «высочайшею волею» были возложены «все работы по сломке и сносу существующих в имении Его Императорского Величества “Ливадия” здания Большого дворца, Фрейлинского и Кухонного домов при нем и по возведению там же Нового дворца, свитского дома и кухни, а также и производства всех сооружений и переустройств, связанных с постройкой

[1] Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. № 63. С. 402—403.

этих новых зданий, оборудование и меблировка новых зданий, полный ремонт существующего здания дворцовой церкви».

К строительству приступили 21 января 1910 г. Дворец должен был быть построен в рекордный срок — 17 месяцев. Строился дворец из мрамора. Так, подрядчик С.Л. Уберти выполнил самый большой объем работ на сумму 75 655 рублей. Помимо него, работали и другие подрядчики, выполнявшие заказы на мраморные и каменные работы. Так, работы по мрамору подрядчика А.Е. Фириса обошлись казне в 17 616 рублей, а подрядчика Э.Р. Менционе — в 15 200 рублей.

Рядом с дворцом были возведены мощная электростанция и монументальный гараж.

В первые годы царствования Николай II неприязненно относился к «самодвижущимся экипажам». «Пока я живу в Ливадии, автомобили не должны появляться в Крыму», — заявил царь, и действительно, до 1903 г. использование автомобилей на полуострове было запрещено. Но в 1903 г., во время визита к родственникам в Гессен, брат императора Эрнст Великий герцог Гессенский после изрядной попойки покатал Николая «на моторе». После этого царь кардинально изменил свое мнение и велел завести для себя «авто». Весной 1909 г. в Ореанде (рядом с Ливадией) был заложен первый гараж на два царских автомобиля, а через год в Ливадии построили просторный гараж уже на 25 автомобилей. Сейчас там гараж Ялтинского таксопарка. Всего к 1914 г. в царском гараже имелось около полсотни автомобилей — больше, чем у любого другого монарха мира.

В Ливадийском дворце были установлены четырехместные лифты с... диванами. Обслуга дворца (без охраны) составляла 430 человек.

Несколько слов стоит сказать и об охране Ливадийского дворца. Места, где были расположены царские резиденции, становились запретными. Это касалось прежде всего районов Петергофа и Царского Села, Южного берега Крыма и Беловежской Пущи. Въезд и выезд в эти районы строго контролировался. Приехать туда из Петербурга или Москвы можно было только по специальному разрешению полиции. Так, было отказано в поездке на Южный берег ряду известных ученых, писателей и общественных деятелей весьма умеренного толка. Отказы ничем не мотивировались и не подлежали обсуждению.

Специальная охранная стража, подчинявшаяся непосредственно дворцовому коменданту, вела наблюдение за всеми жителями населенных пунктов дворцового ведомства (Царское Село, Петергоф, Гатчина и Павловск, с окрестностями). В помощь им были приданы сверхштатные околоточные надзиратели со специальной задачей производить проверку и регистрацию населения.

На снимках, запечатлевших царя в парках Ливадии, Царского Села и Петергофа, не видно охранников. Дело в том, что они находились в специальных окопчиках. Николай II прекрасно это знал и периодически кидал в окопчики золотые монеты. Однако стражникам разрешалось поднимать их лишь после удаления царя.

Генерал А.А. Мосолов, ведавший охраной царя, писал: «Прогулки царя были вечной головной болью для тех, кто отвечал за его безопасность. Вдоль дороги, по которой собирался проехать государь, особенно в отдаленных деревнях, размещались сотрудники полиции. Но царь очень сердился, когда замечал их — этих “любителей природы” или “собирателей растений”, как он их называл, поскольку они делали вид, что интересуются чем угодно, но только не августейшей особой государя. Ничто не доставляло ему большей радости, как улизнуть от них.

Больно бывало видеть отчаяние начальника дворцовой полиции. Чтобы хоть немного помочь ему, я сообщал обо всех переменах маршрута, которые царь предпринимал во время прогулки. Для этого я посылал одного из ординарцев, сопровождавших нас, позвонить ему в кабинет.

Это позволяло переместить “собирателей растений” в другое место. Они бросали свой прежний пункт наблюдения и бежали, прячась за кустами, поскорее занять новый.

Однажды после такой перестановки царь заметил, как из сакли (татарского жилища) в маленькой деревушке, куда мы только что приехали, выглянула голова начальника полиции. Царь послал за ним и начал допрашивать:

— Я решил изменить маршрут уже после отъезда из дворца, как же вы сумели об этом узнать и оказаться у меня на пути?

Бедный начальник, чтобы не выдать меня, забормотал что-то о предчувствиях и интуиции. Ничего другого ему не оставалось.

После этого был издан еще один указ, впрочем, столь же бесполезный, что и предыдущие, чтобы "любители природы" не маячили у дорог, по которым будет проезжать его величество»[1].

В парках императорских резиденций были установлены будки с телефонами, откуда охрана сообщала о передвижениях членов царской семьи и гостей. Александру Федоровну это стало раздражать, и она в 1913 г. приказала убрать 11 таких будок из парка Ливадийского дворца. Будки убрали. Однако вскоре великая княжна Анастасия заметила, что охрана звонила с телефонов, установленных в дуплах деревьев или даже в специальных нишах, выдолбленных в стенах зданий. После окончания разговора ниша закрывалась деревянными дверцами, окрашенными под цвет стены.

7 сентября 1911 г., впервые после революции 1905—1907 гг., царская семья прибыла в Севастополь, но из-за недоделок во дворце Николай II прожил две недели на «Штандарте», днем отправляясь на осмотр кораблей и военных объектов в Севастополе, включая береговые батареи.

И вот 20 сентября царь прибыл в Ливадию.

«Николай II остался доволен и служебными постройками, возведенными по проектам и под руководством архитектора Г.П. Гущина. Император преподнес Глебу Петровичу золотой портсигар, украшенный бриллиантами и сапфирами, со словами благодарности: "Мне все говорят, что у меня в Ливадии гараж — лучший в Европе. Мне это лестно слышать и приятно сознавать. Осмотрев отличную конюшню, красивую электрическую станцию, милый театр и превосходный гараж, считаю нужным выразить Вам за них свою благодарность. Благодарю Вас за труды, положенные за последние годы в моем имении". На въезде установили знак, объявляющий, что имение является собственностью Императрицы Александры Федоровны. Это был подарок любящего супруга. Ливадия стала единственным личным недвижимым имуществом Государыни»[2].

В 1911 г. августейшая семья задержалась в Ливадии до декабря.

Премьер Коковцов заметил: «Государь не любил предупреждать заблаговременно членов правительства о своем отъезде в Крым».

---

[1] *Мосолов А.А.* При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900–1916. М.: Центрполиграф, 2006.

[2] *Литвинова Е.М.* Царская семья в Крыму. С. 176.

Случайно узнав весной 1912 года о скором отъезде царской семьи, Коковцов недоумевал: в думе решаются важные дела, касающиеся финансирования программ развития флота и армии и требующие согласования с императором. Однако Николай II объяснил: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы. Да, я уезжаю, и притом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже... Пишите мне в Крым обо всем, и я немедленно отвечу Вам, и если будет нужда видеть меня, я рад буду принять Вас в Ливадии»[1].

17 марта 1912 г. Николай II с семейством прибыл в Севастополь, где его уже ждал «Штандарт».

Ну а 18 марта «Штандарт» с конвоем миноносцев подошел к ялтинскому молу. Среди толпы встречающих стоял, опершись на посох, старец по имени Григорий Ефимович. В тот же день Распутин приехал в Ливадию на городском извозчике, а поздно вечером отправился восвояси на авто из царского гаража.

Ну а 22 мая царь принял премьера Коковцова. Замечу, что глава правительства остановился не в Ливадийском дворце или даже не в Свитском корпусе, а в городской гостинице «Россия».

«Доклад кончился в наилучшем настроении. Государь спросил меня, не решусь ли я “погостить” в Ялте и отдохнуть от “петербургских прелестей” и, видимо, очень пожалел меня за то, что я должен уже рано утром 24 выехать в обратный путь»[2].

25 мая 1912 г. царское семейство уезжает из Ливадии.

15 июля 1913 г. «Штандарт» вновь покинул Кронштадт и отправился на Черное море, а 7 августа царь сел в поезд в Петергофе и в 11 ч. 15 мин.[3] 9 августа царский поезд «прикатил» в Севастополь. Пять дней экскурсии по Севастополю, и 14 августа «в 10 час. снялись с бочек и вышли в море. Впереди шел крейсер “Кагул”, сзади “Алмаз”, с обеих сторон по три миноносца. Раньше 2 час. подошли к Ялтинскому молу. Почет. караул от 51 пох. Литовского полка и затем обычная встреча. По улицам была масса народа. Приехали в Ливадию; поч. кар. от 16-го Стрелкового полка»[4].

---

[1] *Литвинова Е.М.* Царская семья в Крыму. С. 181.

[2] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. М.: Наука, 1992. С. 54.

[3] Царь в дневнике точно отмечал время своего прибытия и убытия.

[4] Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 417—418.

Ну а 17 декабря тот же «Штандрат» увез царскую семью из Ливадии.

Всего через 3 месяца Николай II вновь вернулся в свою вторую столицу — Ливадию. 27 марта 1914 г. он был в Севастополе, а через три дня «Штандарт» под конвоем крейсеров «Кагул» и «Алмаз» и четырех миноносцев отправился в Ялту. «Против Балаклавы нас обогнал мин. "Беспокойный" с Григоровичем на пути в Ялту; он снова встретил около Симеиза, идя в среднем 28-ми узловым ходом. Подошли к молу в 4 ч.»[1].

Морской министр решил похвастаться возможностями нового турбинного эсминца. Ну а 31 мая царское семейство навсегда покинуло Ливадию.

7 сентября 1914 г. Николай II планировал вновь отправиться в Ливадию, но началась Первая мировая война. Теперь важная экскурсоводша в Ливадийском музее объясняет посетителям, что государь не считал возможным отдыхать в столь роскошном дворце, когда шла война. «А как насчет 280-мм пушек "Гебена"?» — непроизвольно вырвалось у меня. Наступила тягостная пауза.

Линейный крейсер «Гебен» мог за две минуты разнести всю Ливадию. Но, в отсутствие царя, в Ялте у него не было достойных целей. Однако 4 февраля (н. ст.) 1915 г. легкий крейсер «Бреслау» с дистанции 40 кабельтовых (7,2 км) дал 8 залпов из 105-мм орудий по Ялтинскому порту. По сему поводу 27 января (ст. ст.) императрица писала царю в Ставку: «Мой дорогой Ники! Какая гнусность — этот обстрел Ялты с "Бреслау" — это сделано только назло — слава Богу нет жертв... Как бы мне хотелось, чтобы потопили этот гнусный маленький "Бреслау"»[2].

Я умышленно привел много деталей, касающихся пребывания русских императоров в Ливадии, дабы не быть голословным, возводя Ливадию в ранг столицы империи. Тут стоит добавить, что вместе с царями были не только их министры, но и почти все великие князья, занимавшие ключевые посты в управлении империей.

Так, еще в 1869 г. великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая I, купил у княгини Мещерской имение в Гаспре. Замечу, что

---

[1] Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 455.

[2] *Платонов О.А.* Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 98—99.

Михаил Николаевич был формальным главой Артиллерийского ведомства и Председателем Государственного совета.

Свои владения Михаил Николаевич назвал Ай-Тодор. Он присоединил соседние земли и построил имение для своего сына Георгия — Харакс.

Великий князь Дмитрий Константинович построил дворец Кичкине недалеко от Гаспры.

Великие князья Николай и Петр Николаевичи стали хозяевами имений Чаир на границе с Ай-Тодором и Дюльбер в Мисхоре.

Обратим внимание, все дворцы семейства Романовых находились на Южном берегу Крыма (ЮБК), буквально в шаговой доступности друг от друга. Так, великий князь Александр Михайлович построил ровную (горизонтальную) дорогу для пешеходов и экипажей от своего дворца в Ай-Тодоре до Ливадийского дворца. По ней постоянно гулял Николай II.

Вслед за великими князьями ЮБК стал застраиваться богатыми людьми России, от титулованной знати до «чайных королей».

Так, богатейший человек России Феликс Феликсович князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон построил роскошный дворец в Кореизе.

Увы, столь титулованный персонаж был сыном «детдомовца», а по-тогдашнему — байстрюком, а по-французски — бастардом. Ни отца, ни матери юного Феликса никто не знал. Царь Николай I присвоил ему фамилию Эльстон. Он удачно женился на Елене Сумароковой — единственной наследнице богатых графов Сумароковых. У них родился сын Феликс. И новый Феликс тоже женился на самой богатой невесте России — Зинаиде Юсуповой, тоже единственной наследнице князей Юсуповых. И вот этот Феликс Феликсович и построил роскошный дворец на ЮБК.

Дворец в Кореизе был начат постройкой еще в 20-х годах XIX века княгиней Анной Сергеевной Голицыной, а последняя капитальная перестройка была произведена архитектором Красновым в 1909—1914 гг. К этому времени дворец уже принадлежал Феликсу Юсупову, самому богатому после царя человеку в России.

Ну а в 1922 г. дворец стал госдачей № 4, принадлежавшей ВЧК. А в 1925—1926 гг. там отдыхал уже «железный» Феликс Эдмундович.

Таким образом, в конце XIX — начале XX века на крошечном пятачке на ЮБК жили люди, управлявшие огромной Российской империей.

Глава 8
КРЫМ В 1917—1919 ГОДАХ

О революции в Петрограде население Крыма узнало из опубликованного 3 марта (по ст. стилю) приказа командующего Черноморским флотом № 711. Приказ гласил: «В последние дни в Петрограде произошли вооруженные столкновения с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона. Государственной думой образован временный комитет, под председательством председателя Государственной думы Родзянко для восстановления порядка».

На следующий день был опубликован манифест об отречении Николая II.

Уже 4 марта в казармах Севастопольского флотского полуэкипажа был сформирован временный военный исполнительный комитет. 6 марта в Народном доме, располагавшемся на Базарной площади у Артиллерийской бухты, при большом скоплении народа состоялись выборы в Городской исполнительный комитет. В него вошли 19 человек (от Городской думы — 3, от населения — 3, от рабочих — 6, от гарнизона — 3, от флота — 4 человека). Одновременно был создан Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК) из 10 рабочих, 23 матросов, 12 солдат и 6 кондукторов. ЦВИК находился под контролем командующего флотом.

На следующий день, 7 марта, по инициативе офицеров флота и гарнизона был сформирован Офицерский временный исполнительный комитет, в который вошли девять человек. В этот же день заявили о своем объединении Совет солдатских и Совет рабочих депутатов.

17 марта по всему Крыму была проведена присяга на верность Временному правительству.

22 марта на совместном заседании ЦВИКа, Городского исполнительного комитета, Совета солдатских и рабочих депутатов и Городской думы был образован Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. В этот совет вошло 163 депутата, председателем его избрали прикомандированного к 35-му авиационному отряду Севастопольской военно-авиационной школы старшего унтер-офицера Константина Васильевича Сафонова, состоявшего в партии эсеров.

Развал флота стал неизбежен. Уже в июне 1917 г. на кораблях Черноморского флота начались случаи открытого неповиновения командирам. Так, на

эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий»... «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях.

5—6 июня в Севастополе революционные матросы произвели аресты нескольких десятков офицеров. А затем было решено обыскать и обезоружить всех офицеров Черноморского флота.

Желая избежать кровопролития, адмирал Колчак издал приказ, немедленно переданный по радиотелеграфу: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо русской военной силы. Призываю офицеров во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие».

В 17 часов того же дня, 6 июня, члены судового комитета флагманского броненосца «Георгий Победоносец» пришли в адмиральскую каюту и потребовали от Колчака сдать оружие. Тот выставил депутатов из своей каюты, затем вышел на палубу и выбросил за борт свою Георгиевскую саблю с надписью «За храбрость», полученную за оборону Порт-Артура.

В тот же вечер начальник штаба Черноморского флота адмирал М.И. Смирнов телеграфировал в Петроград Временному правительству о происшедших событиях. Ночью он получил ответную телеграмму, подписанную премьером князем Львовым и военным министром Керенским. В телеграмме приказывалось Колчаку и Смирнову немедленно выехать в Петроград для личного доклада. Временное командование флотом возлагалось на адмирала В.К. Лукина. В телеграмме также содержался строжайший приказ возвратить оружие офицерам.

Вот весьма характерный пример. 27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова.

В апреле 1917 г. в Киеве с попустительства Временного правительства было создано сепаратистское правительство Украины, так называемая Центральная рада. Приехавший в Киев в середине июля А.Ф. Керенский фактически

признал власть Центральной рады над Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской губерниями.

Как видим, Таврической губернии в этом списке не было, тем не менее украинские националисты поддержали Центральную раду и в Крыму. Собственно украинского населения на полуострове проживало немного, но среди части матросов и солдат, призванных из малороссийских губерний, распространялись националистические настроения.

8 августа в Севастополе было созвано собрание украинцев — солдат, матросов, офицеров и рабочих. На собрании приняли постановление, в котором говорилось, что «в случае какого-либо насилия над Центральной радой они все, как один человек, с оружием в руках выступят на ее защиту». Собрание также потребовало учредить при штабе командующего Черноморским флотом должность Генерального комиссара по украинским делам.

В октябре 1917 г. в Севастополь прибыл «украинский» комиссар флота капитан 2-го ранга Е.Н. Акимов, вывесивший над своей резиденцией флаг Центральной рады. Украинский войсковой комитет прямо агитировал за полную «украинизацию» Черноморского флота и передачу его Украине на правах собственности. Этой пропаганде в ноябре поддались экипажи линкоров «Воля», «Евстафий», «Борец за свободу», крейсера «Память Меркурия», эсминцев «Завидный», «Звонкий» и нескольких других судов. В ответ на решение большинства команды крейсера вместо Андреевского поднять 12 ноября флаг Украины «великороссы и несочувствующие подъему украинского флага» решили покинуть корабль. Судовой комитет просил Исполком Совета назначить на крейсер матросов-украинцев взамен ушедших, но Совет и Центрофлот отвергли эти домогательства.

Иностранец, приехавший в Севастополь осенью 1917 г., решил бы, что в бухту вошли флоты как минимум четырех стран: «Одни корабли еще стояли под Андреевскими флагами, другие под красными, третьи подняли “жовто-блакитные” самостийной Украины, четвертые — черные флаги анархистов».

Вечером 25 октября в Севастопольскую почтово-телеграфную контору начали поступать отчаянные телеграммы министерств Временного правительства о захвате большевиками почтамта в Петрограде, а также распоряжение о задержании всех телеграмм, призывающих к ниспровержению Временного правительства и исполнению приказов большевиков. Через несколько часов поступила и новая телеграмма: «Временное правительство низложено. Госу-

дарственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета».

К этому времени Черноморский флот практически прекратил боевые операции против немцев и турок. Так, последний выход русских подводных лодок (одной «Гагары») состоялся в октябре 1917 г.

С 1 по 5 ноября 1917 г. состоялся последний поход кораблей Черноморского флота. В нем участвовали «Свободная Россия», «Воля», «Борец за свободу», «Иоанн Златоуст», румынский вспомогательный крейсер «Король Карл» и эсминцы. Соприкосновений с противником русские корабли не имели. Поход имел скорее политическое, чем военное значение.

С 6 по 19 октября 1917 г. в Севастополе в здании Морского собрания прошел 1-й общечерноморский съезд военных моряков. Всего присутствовало 88 делегатов, из них 27 левых эсеров, 22 большевика, 17 украинских эсеров, 16 беспартийных и 6 социал-демократов. По первому вопросу о власти приняли резолюцию: «I черноморский съезд признает II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и его решения вполне правомочными, считает вновь избранный ЦК Всероссийского съезда Советов единственным представителем власти».

По решению съезда 19 ноября все суда Черноморского флота спустили Андреевские, черные и «жевто-блокитные» флаги и на следующий день подняли только красные.

А вот по поводу борьбы с Калединым голоса разделились. Большевики требовали немедленной отправки моряков на Дон, а эсеры были категорически против, считая, что это станет началом гражданской войны.

Между тем 25 октября (то есть 7 ноября по новому стилю) атаман «донского казачества» Каледин[1] ввел в Донбассе военное положение и разогнал Советы в 45 городах и других населенных пунктах.

А в Севастополе победило... безвластие. Каждый делал что хотел. Две с половиной тысячи матросов отправились на Дон «бороться с контрреволюцией». А отряд из восьмисот матросов, преимущественно украинцев, отправился

[1] Алексей Максимович Каледин (1861—1918) по происхождению из дворян. В 1889 г. окончил академию Генерального штаба. Генерал от кавалерии. 17 (30) июня 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества.

по железной дороге в Киев на помощь Центральной раде. Ну а по дороге подавляющее большинство побегло до хаты.

В середине декабря в Севастополе начались массовые аресты и бессудные расстрелы офицеров.

А между тем в далеком Брест-Литовске советские представители 2 (15) декабря 1917 г. подписали с немцами соглашение о перемирии, а через неделю начались переговоры о мире. Одновременно в Одессе заседала специальная подкомиссия по вопросам перемирия на Черном море. Немцев представлял вице-адмирал Гопман, турок — контр-адмирал Ариф-паша. Стороны подписали соглашение.

Черноморского театра касались его следующие пункты:

1. Перемирие распространяется на все Черное море и на все находящиеся на нем морские и воздушные силы договаривающихся сторон.

2. Атаки с моря и воздуха на порты и побережье другой договаривающейся стороны запрещаются во всех морях.

3. Перелеты над портами и побережьями другой договаривающейся стороны, а также через демаркационные линии запрещены на всех морях.

4. Демаркационные линии на Черном море проходят: от маяка Олинька (Георгиевское гирло Дуная) до мыса Иероса (Трапезунд).

5. Торговля и торговое мореплавание на Черном море свободны. Установление всех положений по вопросу торговли, как и извещение торговых судов о безопасных морских путях, возлагается на черноморскую подкомиссию в Одессе.

6. Договаривающиеся стороны обязаны во время перемирия на Черном море не предпринимать никаких подготовлений к морским наступательным операциям.

3 марта 1918 г. в городе Бресте правительство Советской России подписало мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Подробный рассказ об истории подписания и последствиях этого «препохабнейшего мира» выходит за рамки нашего повествования. Я лишь замечу, что по условиям договора Советская Россия должна была передать туркам округа Ардаган, Карс и Батум.

Кроме того, Россия обязалась немедленно заключить мир с Украинской народной республикой, то есть с Центральной радой. Россия должна была вывести свои войска с территории Украины. При этом о границах новоявленной и никогда ранее не существовавшей страны Украины не было сказано

ни слова. Таким образом, и немцы, и украинские националисты обеспечили себе полную свободу рук.

С 7 по 10 марта 1918 г. в Симферополе проходил съезд Советов, ревкомов и земельных комитетов Таврической губернии. На съезде рассматривался вопрос о Брестском мире. Первая резолюция, принятая почти единогласно, декларировала необходимость продолжения революционной войны с Германией. Но после сообщения о положении, создавшемся на фронте, и под давлением большевистской фракции съезд признал политику центральной советской власти в отношении заключения мира с Германией правильной.

На съезде тон задавали большевики и левые эсеры, они и сформировали Таврический Центральный Исполнительный Комитет в составе 20 человек: 12 большевиков и 8 левых эсеров. Татарские беспартийные делегаты предложили ввести от них в состав ЦИК одного или двух членов, но им в этом было отказано. Председателем ЦИК был избран Ж.А. Миллер[1].

Совет народных комиссаров возглавил прибывший в Крым по направлению ЦК РКП(б) А.И. Слуцкий.

Поскольку границы с Украиной не были определены, а также из-за ряда других политических нюансов Ленин и Троцкий решают создать в Крыму Таврическую республику.

Через десять дней после закрытия съезда Советов ЦИК решил его переименовать в Учредительный и провозгласил Таврическую республику Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов.

22 марта Таврический ЦИК подтвердил создание республики, но теперь она стала называться Социалистической Советской республикой Тавридой в составе Советской России, а территория ее ограничивалась Крымом.

---

[1] Миллер (Шепте) Жан Августович (1880—1939). Курляндский немец. В социал-демократической партии с 1905 г. Участник революционных событий 1905—1907 гг. В США жил с 1907 по 1917 г., закончил Высшие коммерческие курсы. В 1917 г. по решению ЦК РСДРП(б) послан в Крым. Занимал должности председателя Евпаторийского комитета РСДРП(б), председателя Симферопольского ревкома, руководил ЦИК республики Тавриды. С 1919 по 1931 г. на дипломатической работе в США. После возвращения в СССР исполнял обязанности внештатного партследователя. Репрессирован в 1939 г.

А между тем немцы, игнорируя условия Брестского мира, начали занимать территорию Украины. 13 марта ими была занята Одесса. 18 апреля германские войска, не встречая сопротивления, заняли Перекоп и вторглись в Крым. Через два дня правительство Советской республики Таврида бежало из Симферополя. Одновременно по всему Крыму началось восстание татар. Часть членов правительства Тавриды во главе с А.И. Слуцким были захвачены татарами в районе Алупки и расстреляны.

Севастопольская крепость к 1918 г. была второй по мощи в России. Даже без флота она могла несколько месяцев противостоять германским войскам. А при наличии флота, господствовавшего на Черном море, взятие Севастополя немцами исключилась полностью. Но на дворе был не 1916-й, а 1918 год. Революционные «братишки» с большим удовольствием грабили и резали буржуев, но драться с немцами принципиально не хотели. Главный вопрос у «братишек» состоял в том, куда и как драпать, а у буржуев — как договориться с немцами.

Большевики хотели увести корабли в Новороссийск и по такому случаю выпустили из тюрьмы контр-адмирала Саблина и немедленно назначили его командующим Черноморским флотом.

Немецкие войска вплотную подошли к Севастополю, и Саблин повел часть кораблей в Новороссийск. Среди них были линкоры-дредноуты «Воля», «Свободная Россия», эсминцы «Керчь», «Калиакрия», «Пронзительный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Живой», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Гаджибей», «Жаркий», «Строгий», «Сметливый» и «Стремительный», вспомогательный крейсер «Троян», 65 моторных катеров, 8 транспортов и 11 буксиров.

С высот Северной стороны германские полевые пушки открыли по ним огонь. «Воля», «Свободная Россия» и шедшие впереди эсминцы прорвались в открытое море. Эсминец «Гневный» был подбит артиллерийским огнем противника и выбросился на берег в районе Ушаковой балки, эсминец «Заветный» затоплен своей командой в порту. Подводные лодки и малые корабли возвратились в Южную бухту. В Севастополе остались шесть броненосцев, два крейсера и ряд других кораблей, многие их которых не были укомплектованы личным составом.

Русские корабли ушли вовремя. В ночь на 1 мая перед Севастополем заняли позицию линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Гамидие». В 1916 г. оба

они стали бы легкой добычей одного русского дредноута, но сейчас, когда на русской эскадре почти не осталось офицеров, а «братишки» привели суда в небоеспособное состояние, исход боя был непредсказуем. 1 мая в 15 часов германские войска церемониальным маршем вступили в Севастополь.

2 мая «Гебен» и «Гамидие» вошли в Севастополь. 3—4 мая немцы подняли германские флаги на русских кораблях, оставшихся в Севастополе. Немцы назначили капитана 1-го ранга Остроградского «морским представителем Украинской Державы». Но никакой власти ни Остроградский, ни сама «держава» в Севастополе не имели. Всем распоряжался германский адмирал Гопман. Казенное, равно как и частное, имущество в Севастополе бессовестно разграблялось немцами.

13 мая на крейсере «Прут» (бывший «Меджидие») был торжественно поднят турецкий флаг. Затем крейсер «Гамидие» взял «Прут» на буксир и отвел его в Стамбул.

1 июня последний отряд кораблей прибыл в Новороссийск. Тут перед русскими моряками возник вопрос — что делать дальше?

24 мая, еще до ухода кораблей из Севастополя в Новороссийск, начальник Морского генерального штаба Евгений Андреевич Беренс представил Председателю Совнаркома доклад, где говорилось: «Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом. Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышеизложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украине, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море... Все эти условия показывают, что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверное полностью или в части попадут в руки Германии и Турции».

На докладе Морского генерального штаба В.И. Ленин написал: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

На имя командующего и главного комиссара Черноморского флота 28 мая была направлена секретная директива за подписью Ленина с приказанием «утопить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске».

Таким образом, болтовня нынешних СМИ о том, что Ленин-де по злому умыслу решил утопить флот, не имеет никаких оснований. Ленин просто доверился специалистам, причем не большевикам, а офицерам царского флота. Между тем 3 июня перед Новороссийском заняла позицию подводная лодка UC-23. А 52-й германский корпус начал продвижение с целью занятия Новороссийска.

Однако вопрос о судьбе флота решила не ленинская телеграмма, а матросский референдум, проведенный 16 июля в Новороссийске. Референдум дал 939 голосов за возвращение в Севастополь, 640 — за затопление флота в Новороссийске и около 1000 воздержалось от голосования. По дредноутам распределение голосов было таково: на «Воле» за возвращение — 360, за потопление — 140; на «Свободной России» за возвращение — 350, за потопление — 340. В результате 17 июля вечером линкор «Воля», эсминцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий» и «Жуткий» и транспорт «Троян» ушли из Новороссийска в Севастополь. Остальные корабли 18 июня были затоплены на внешнем рейде Новороссийска.

Дредноут «Свободная Россия» был потоплен четырьмя торпедами с эсминца «Керчь». Вместе с ним у Новороссийска были затоплены эсминцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный». Эсминец «Керчь» ушел в Туапсе, где был затоплен своей командой.

19 июня «Воля» и сопровождавшие ее корабли пришли в Севастополь. По требованию немцев эти корабли были поставлены в Стрелецкой бухте Севастополя. Экипажи свезены на берег. Корабли были частично разоружены — сняты замки и ударники с орудий, выпущен воздух из торпед и т.п.

10 мая в Симферополе был созван курултай, на котором в качестве почетного гостя присутствовал германский генерал Кош. Германское правительство и военное командование не знали, как управлять Крымом.

На Украине немцы решили проблему с властью довольно просто. 28 апреля в Киеве во время заседания Центральной рады туда заявилась рота ландвера и разогнала всю честную компанию. 29 апреля немцы собрали съезд «хлеборобов». В тот же день «хлеборобы» единодушно избрали гетманом Скоропад-

ского[1]. В свою очередь гетман провозгласил создание Украинской Державы взамен Украинской народной республики.

12 июня гетманское правительство вручило германскому послу ноту о необходимости присоединения Крыма к Украине. Немцы эту ноту проигнорировали. А 25 июня в Симферополе с согласия оккупационных властей было создано «Крымское краевое правительство», во главе которого стоял Сулейман Сулькевич. По происхождению он был из крымских татар, осевших в Литве, в царской армии он дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Киевские самостийники немедленно начали войну против Крыма, правда, она выразилась в таможенных придирках и разрыву почтово-телеграфной связи. На большее гетман не решился, боясь немцев.

Крымское правительство объявило о введении гражданства Крыма. «Гражданином Крыма мог стать любой, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал семью. Приобрести гражданство мог только тот, кто был приписан к сословиям или служил в государственном, общественном учреждении и проживал в Крыму не менее трех лет при условии судебной и нравственной непорочности»[2]. Столицей объявлялся Симферополь, государственным языком — русский, официальными языками — татарский и немецкий.

Между тем Первая мировая война шла к концу. 30 октября 1918 г. в городе Мудрос на острове Лемнос состоялось подписание перемирия между Турцией и странами Антанты. По условиям перемирия Турция обязалась открыть для союзников Черноморские проливы, демобилизовать армию и допустить оккупационные союзные войска на часть турецкой территории, включая зону Проливов. Теперь у германских войск, находившихся в Турции, была одна возможность избежать плена — бежать в Севастополь и Одессу.

31 октября германские войска, дислоцированные в фортах Дарданелл, на плавмастерской «Флейс» (бывшая «Кронштадт») отправились в Одессу. Германский адмирал Ребейр-Пашвиц, командовавший Средиземноморской эскадрой, попытался увести «Гебен» в Севастополь, но англичане пригрозили

---

[1] Скоропадский Павел Петрович (1873—1945). Служил в полку кавалергардов. К 1917 г. генерал-лейтенант.

[2] *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 164.

Турции серьезными репрессиями, и те не выпустили «Гебен» в Босфор. В Севастополь удалось провести только германские подводные лодки.

Однако Черному морю не суждено было стать театром военных действий между германским и союзным флотами. 3 ноября в Киле — главной военно-морской базе Германии — началось восстание матросов. 9 ноября восстание в Берлине смело монархию и была провозглашена республика. На следующий день кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. Наконец, 11 ноября в Компьенском лесу в вагоне французского главнокомандующего маршала Фоша представители германского командования подписали перемирие, которое фактически являлось капитуляцией Германии.

Деятели из Крымского краевого правительства уже в середине октября почувствовали, что дело «пахнет жареным». Они попытались связаться с командованием Добровольческой армии Деникина, воссоздать волостные земства. Однако прошедший с 7 по 10 ноября съезд земцев потребовал отставки Сулькевича и роспуска Краевого правительства ввиду «полной несостоятельности во всех областях управления».

14 ноября германское оккупационное командование официально уведомило Симферопольскую губернскую земскую управу об устранении правительства генерала. А 16 ноября было сформировано новое Краевое правительство во главе с Соломоном Крымом[1].

Очевидец ухода немцев князь В.А. Оболенский писал, что немцы утратили свою хваленую дисциплину и, вступив весной в Крым церемониальным маршем, уходили осенью, «лузгая семечки».

Еще 23 октября германский вице-адмирал Гопман объявил «морскому председателю» Украины Клочковскому, что он передает Украине русский флот без права поднимать на этих судах Андреевский флаг. Тем не менее 24 ноября на дредноуте «Воля», подводных лодках «Тюлень», «Гагара», «Утка» и нескольких миноносцах были подняты Андреевские флаги.

Согласно русской народной пословице «Свято место пусто не бывает», или ее аналогу «Было бы болото, а черти найдутся», сразу после ухода немецких и турецких оккупантов на Черном море объявились флоты «тетушки Антанты».

---

[1] Крым (Нейман) Соломон Самойлович (1867—1936). По национальности караим. Капиталист и помещик. Дважды избирался в Государственную думу. Умер в эмиграции во Франции.

Уже на другой день после Мудросского перемирия газета «Таймс» заявила, что доступ в Черное море откроет наконец путь к широкой интервенции против Советской России: «Доступ в Проливы даст нам не только власть над Черным морем, но и наилучшую возможность оказывать влияние на русские дела. Пока Черное и Балтийское моря закрыты для нашего флота, наша морская мощь не может оказывать влияния на будущее России. Сибирь, Мурманск — в лучшем случае неудобный черный ход. Но когда британский флот находится в Черном море, — открыта парадная дверь. Близкое господство союзников над Черным морем прозвучит похоронным звоном владычеству большевиков в России!»[1]

24 ноября в Севастополь пришел британский легкий крейсер «Кентербери», посланный на разведку. А на следующий день заявилась большая эскадра «тетушки Антанты».

Впереди шли британские дредноуты «Суперб» и «Темерер», за ними — французский дредноут «Джастис» и итальянский «Леонардо да Винчи», крейсера «Галатея», «Агордат» и девять эсминцев.

«Толпа кричала “Ура! ” и махала шапками. Наконец, свершилось то, чего мы ждали в течение четырех лет войны и двух лет разложения России»[2].

Как только дредноуты бросили якорь, к британскому флагману двинулись три катера: на одном находились деятели нового крымского правительства, на другом — губернского земского собрания, а на третьем — представители Добровольческой армии. Англичане быстро поставили почтенную публику на место как в переносном, так и в прямом смысле. Им пришлось постоять пару часов в помещении линкора, где не было мест для сидения. Затем их принял британский адмирал Колторн. Он выслушал гостей, но отказался вступать в какие-либо переговоры, сославшись на отсутствие инструкций от своего правительства.

На берег были высажены шестьсот британских морских пехотинцев и 1600 сенегальцев из 75-го французского полка. Англичане строго потребовали, чтобы на всех судах в Севастополе были спущены Андреевские флаги

---

[1] Цит. по: *Шталь А.В.* Малые войны 1920—1930-х годов. М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 23—24.

[2] Там же. С. 178.

и подняты английские. Однако другие союзники потребовали и свою долю в разделе германских и русских судов.

Как писал советский военно-морской историк В. Лукин: «Англичане споров не заводили, и когда французы пожелали поднять свои флаги на боевых германских подводных лодках, коих было четыре "UB-14", "UB-42", "UB-37", "UB-23", то англичане спустили на двух из них свои флаги, а французы подняли свои. На "Воле" и миноносцах были подняты английские флаги и посажена английская команда (было оставлено всего три русских офицера), и суда эти отправились в Измит (залив и порт в Мраморном море). Германские подводные лодки англичане быстро снабдили командой, и через три дня суда стали опять действующими боевыми судами, но уже английского флота. Французы лодки только перекрасили, ими не воспользовались, и их две лодки пришли вскоре в полный беспорядок.

Про весь происшедший разбор флота напрашивается такая заметка, если судить по имеемым письменным документам. Англичане желали все годное в боевом отношении забрать себе или сделать так, чтобы этих судов не было, т.к. всякий военный флот, кроме своего, им органически противен; французы желали взять флот для того, чтобы как трофеи привести его в свои порта; итальянцы были скромны и вели себя вежливо, греки зарились на коммерческие суда.

Для русского офицерства приход союзников вместо ожидаемой радости, принес много огорчений. Они не учли того, что Россия была дорога Антанте, как сильный союзник, с потерей же силы — Россия потеряла для них всякое значение. В политическом положении союзники не могли разобраться (и сами русские офицеры в этом путались). Становятся понятными все огорчения офицеров группы "Андреевского флага", когда например, французы потребовали разоружения русских подводных лодок. Союзники желали обеспечить себя и только, и поэтому оставить лодки боеспособными было для них рискованно. Англичане так и сделали — они сразу увели суда в Измит — "подальше от греха" как говорится. Им в местной политике белогвардейской России, конечно, было разбираться трудно: так например, когда командующим русскими морскими силами на Черном море был назначен адмирал Канин (назначение это было не то "Крымского", не то "Уфимского" правительства), добровольческая армия выдвинула своего адмирала Герасимова. К 27 ноября оказалось, что Канин — Коморси всего моря, а в портах,

занятых добрармией — Герасимов; затем — Герасимов является морским советчиком при начальнике армии в Екатеринодаре, а позднее — идет целый ряд новых комбинаций»[1].

Лукин писал это в 1923 г., в пору относительной свободы слова в СССР. Однако уже в начале 1930-х годов советские историки создали мифы о «походах Антанты», которая якобы хотела задушить молодую Советскую республику и восстановить в России власть капиталистов и помещиков. Увы, реальное состояние дел в 1918—1919 гг. не только на Черном море, но и на Севере и на Дальнем Востоке ничего не имело общего с этим мифотворчеством. Союзники были совсем не против свержения советской власти, но они вовсе не жаждали увидеть во главе «единой и неделимой» России сильного диктатора типа Колчака или Деникина.

Союзники пришли не для участия в классовой борьбе, а за... «зипунами»! Да, да, они пришли грабить, а при хорошем раскладе и добиться иных политический целей. При этом на первом этапе их более заботили не большевики, а друзья-союзнички, как бы те не урвали более жирные куски. На Черном море англичане побаивались французов и итальянцев, на Дальнем Востоке американцы — японцев и т.д. Соответственно интервенты во всех регионах пытались балансировать между белыми армиями и самостийными правительствами.

«Тетушка Антанта» в ноябре—декабре 1918 г. высадила десанты не только в Крыму, но и в районах Одессы, Николаева, Херсона, а также в главных портах Кавказа. Основной контингент оккупантов составляли французы и греки. Наступать в глубь Украины союзники не имели ни сил, не желания.

Между тем гетман Скоропадский оправдал свою фамилию и убежал из Киева, переодевшись раненым германским офицером (обмотав лицо и голову бинтами). Михаил Булгаков в знаменитой пьесе «Дни Турбиных» почти документально показал финал этой политической оперетты.

В начале 1919 г. Украина погрузилась в хаос. В центральной и восточной частях Украины действовали красные и петлюровцы, а главное — различные банды, а в западной части существовали различные местные государственные

[1] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева. Ленинград, 1925. С. 25.

формирования и банды поляков. За 1919 г. Киев переходил из рук в руки не менее шести раз.

В Крыму в декабре 1918 г. — марте 1919 г. боевых действий не велось, но было многовластие. Оккупанты создали свой орган власти под руководством полковника Труссона, по-прежнему существовало и кадетско-эсеро-меньшевистское Краевое правительство. На полуострове была сформирована Крымская дивизия под командованием генерал-майора А.В. Корвич-Круковского, подчинявшаяся власти Деникина. В декабре дивизия была переформирована в Крымско-Азовский корпус, командующим которого стал генерал-майор А.А. Боровской. В степных районах власть принадлежала татарским националистам. Все эти четыре власти ненавидели друг друга, но не пытались силой нарушить хрупкий политический баланс на полуострове. Это было вызвано нехваткой сил у каждой из сторон, а главное, общей боязнью большевиков.

2 апреля 1919 г. в Севастополь прибыл перешедший на службу в Добрармию контр-адмирал М.П. Саблин. Деникин назначил его на пост «Главного командира судов и портов Черного моря». В инициативном порядке русские морские офицеры создали в Крыму флотилию из нескольких вооруженных мобилизованных гражданских судов и подводной лодки «Тюлень». В конце марта — начале апреля эта белая флотилия начала действовать на Азовском море и в Керченском проливе.

Любопытно, что и крымское Краевое правительство решило создать собственный флот. По его указанию мичман Г.М. Галафре начал восстановление миноносца «Живой».

В первые дни апреля 1919 г. 1-я Заднепровская Украинская советская дивизия прорвала оборону деникинцев на Перекопе и начала наступление в степном Крыму. 7 апреля Краевое правительство бежало из Симферополя в Севастополь под защиту союзного флота. Однако там они быстро поняли, что «тетушка» тоже начала собирать чемоданы.

Драпануть «краевым» удалось только 15 апреля на греческом судне «Надежда». 16 апреля красные подошли к окраинам Севастополя. Союзное командование, не уверенное в своих солдатах, вступило в переговоры с большевиками. В конце концов было достигнуто какое-то соглашение. Я пишу «какое-то», поскольку его оригинальный текст так и не был опубликован официальными историками, как западными, так и советскими. И те, и другие

предпочитают держать его в секретных фондах. Суть же соглашения ясна: союзники сдают Севастополь красным, а те не мешают им уничтожать корабли Черноморского флота и вывозить награбленное.

Под соглашением поставили свои подписи начальник штаба 1-й Крымской дивизии Красной Армии Сергей Петриковский, комиссар дивизии Астахов и французский полковник Труссон.

Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий счел это соглашение предательским и приказал передать дело Петриковского в ревтрибунал. Однако у последнего были какие-то связи с Дмитрием Ильичом Ульяновым, и тот быстренько накатал письмо брату. В результате Петриковский «вышел сухим из воды».

Сейчас некоторые крымские историки, видимо, не обладая полнотой информации, считают Петриковского героем, спасшим тысячи жизней севастопольцев. На самом же деле красные имели возможность лихим налетом захватить не только Севастополь, но и значительную часть флота Антанты.

Французские матросы отказались воевать с большевиками. «Очевидец вспоминал: “Обнявшись, рука об руку, шагают шеренги радостных, возбужденных матросов. В воздух летят бескозырки. Красные помпоны, которые французские моряки носят на бескозырках, прикреплены к груди... Звучат революционные песни. По пути к демонстрантам примыкают все новые и новые группы моряков”.

С балкона здания городской думы по Большой Морской со словами приветствия к ним обращается председатель подпольного городского комитета РКП(б) Я.Ф. Городецкий.

Во второй половине дня командование оккупационных войск приняло меры для прекращения “противозаконной акции”. В конце ул. Большой Морской и Хрулевского спуска и у часовни на площади было поставлено несколько взводов греческих солдат. Около 16.00 они открыли огонь по демонстрантам. Было ранено 14 человек, пятеро из них (жители города) скончались в больнице»[1].

17 апреля союзное командование произвело «учебную стрельбу» с французского дредноута «Франция» («France»), в результате которой было убито

[1] *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 210—211.

и ранено несколько мирных севастопольцев. После этого команда линкора взбунтовалась и подняла красный флаг.

19 апреля около часу дня съехавшие на берег команды с французских кораблей «Франс», «Жан Барт», «Мирабо», «Дюшайль» и «Верньо» устроили по улицам Севастополя демонстративное шествие с красными флагами и пением Интернационала.

После расстрела демонстрантов «Франс» под командованием судового комитета поднял якоря и убыл восвояси. 1 мая дредноут был уже в Бизерте.

Кроме всего прочего, к 16 апреля, то есть к подходу красных к Севастополю, французский линкор «Мирабо» водоизмещением 20 тыс. т стоял на ремонте в севастопольском доке, и вывести его можно было лишь через 10 дней.

Соглашение же, подписанное Петриковским, дало возможность союзникам увести из Севастополя десятки боевых судов и транспортов. Так, самый сильный корабль Черноморского флота «Воля» был уведен англичанами в турецкий порт Измит, где он стал рядом с германским «Гебеном». Большинство других русских судов были англичанами затоплены или выведены из строя.

Французы тем временем взорвали ряд фортов Севастопольской крепости, а также разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Лишь два гидросамолета французы погрузили на русский транспорт «Почин», который был уведен интервентами в Пирей.

Как уже говорилось, белым удалось в феврале—марте 1919 г. захватить подводную лодку «Тюлень» и несколько вооруженных пароходов. А в апреле к ним присоединился крейсер «Кагул» (бывший «Очаков»). Крейсер был в прекрасном состоянии, в 1917 г. на нем завершился капитальный ремонт. Он получил новую артиллерию: четырнадцать 130/55-мм пушек, две 75/50-мм пушки Кане, переделанные для зенитной стрельбы, и два 40-мм зенитных автомата Виккерса. По непонятным причинам немцы в 1918 г. сделали крейсер «плавбазой» водолазной партии, работавшей по подъему линкора «Императрица Мария». Союзники же решили, что находившийся внешне в затрапезном виде крейсер ни на что не годен, и оставили его в покое.

Этим воспользовались белые. «Капитан 2 ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженеров-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников

флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек»[1].

Замечу, что «охотниками» в дореволюционной русской армии называли добровольцев. Увы, среди этих охотников не было ни одного профессионального моряка. В основном это были юнкера, гимназисты, семинаристы и т.д.

«Кагул» не был исключением, в 1919—1920 гг. белый флот на Черном море имел низкую боеспособность из-за отсутствия профессиональных матросов. Так, в конце апреля 1919 г. из-за недостатка кочегаров «Кагул» мог идти лишь со скоростью 6 узлов.

15—16 апреля белая флотилия в составе «Кагула», «Тюленя», посыльных судов «Буг» и № 7, а также нескольких буксиров и транспортов покинула Севастополь. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утку» и «Буревестник», буксир «Бельбек» — миноносец «Жаркий», буксир «Доброволец» — миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, на буксирах шли эсминцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Белая флотилия направлялась в Новороссийск.

Большевики не препятствовали эвакуации союзников. 28 апреля последние французские части покинули Севастополь. При этом линкор «Мирабо», который с большим трудом удалось вывести из дока, шел на буксире линкора «Джастис». Его броневые плиты общим весом свыше 1000 т французы оставили в Севастополе. Летом 1920 г. Врангель ухитрился эту броню тихо «толкнуть» итальянской фирме.

После оставления Севастополя белые остались в Крыму лишь на Керченском полуострове.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18 июня было назначено наступление войск на Ак-Манайской позиции на Керченском полуострове. Утром 18-го крейсер «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, в задачу которого входил захват дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Командовал десантом генерал-майор Яков Александрович Слащёв.

---

[1] Флот в Белой борьбе / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2002. С. 86.

Ночью крейсер принял на борт 160 человек десанта из состава 52-го Виленского полка при десяти пулеметах. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» высадил десант. Не встретив сопротивления, десант двинулся вперед и занял деревню Насыпкой.

После этого «Кагул» с дистанции 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказал десанту огневую поддержку. Всего «Кагул» выпустил 67 фугасных и 4 шрапнельных 130-мм снаряда.

Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт на Керченском полуострове левофланговыми частями генерала Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря — дредноута «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря — посыльным судном «Граф Игнатьев» и мониторами.

В ночь на 21 июня красные в панике оставили Севастополь и Симферополь и бежали к Перекопу.

Пока речь шла о военно-политических аспектах истории Крыма. А что было с экономикой полуострова в период правления Деникина, а затем Врангеля?

«Самоснабжение» стало главным фактором морального разложения войск. Недостатки снабжения заглушали укоры совести, а безнаказанность побуждала к воровству и грабежам. Поскольку наказания за грабежи были исключением, ограбление крестьян стало правилом. Это озлобляло население, которое убеждалось, что при добровольцах было ничуть не лучше, чем при большевиках.

Конечно, не следует забывать, что грабежи чинов Добрармии проводились лишь в городах, вдоль железных дорог и в отдельных небольших районах, прилегающих к ним. На большей же части территории, занятой ВСЮР[1], власть принадлежала красным партизанам, зеленым и различным бандам. Так, на-

[1] ВСЮР — Вооруженные Силы Юга России, образованы 26 декабря 1918 г. в результате соглашения между командующим Добровольческой армией А.И. Деникиным и Донским атаманом П.Н. Красновым.

пример, зеленые действовали в горном и степном Крыму, на черноморском побережье Северного Кавказа.

Несмотря на присутствие белого флота, а также эскадр союзников, на Черном море большой размах получило... пиратство. Вот небольшой пример: выдержки из рапорта командира Евпаторийского порта от 18 августа (1 сентября) 1919 г.: «...в порту у меня ничего нет; вывозится же из порта мука и соль на миллионы рублей, но я не могу даже прекратить грабежи парусников на рейде, так как нет ни одного катера, нет вооруженной команды, а не то, чтобы учесть и взять в руки правительства вывоз продуктов. В городе очень много большевиков»[1].

Итак, белые власти не могут пресечь пиратство на рейде Евпатории... Вообразите себе, что происходило в открытом море!

Не был решен вопрос и о земле. Где-то земля возвращалась прежним владельцам, где-то новый владелец должен был отдавать половину урожая, а где-то — одну пятую.

В Крыму белыми не был решен вопрос с крымскими татарами. В мае 1919 г. — ноябре 1920 г. между ними установилось неустойчивое равновесие. Фактически татары существовали сами по себе.

О бардаке в рядах белой армии можно написать монографию. Приведу лишь один пример. Первый командующий Добровольческой армией генерал Лавр Корнилов без пощады расстреливал всех пленных. Сменивший его Антон Деникин приказал пленных красноармейцев не убивать, а принудительно зачислять в ряды Добровольческой армии. Но выполнять или не выполнять приказ командующего, в каждом полку решал командир, и в результате в половине полков пленных по-прежнему расстреливали или вешали.

Подобная «демократия» в рядах белых позволяет современным журналистам и историкам писать что угодно и приводить конкретные примеры в зависимости от собственных политических взглядов.

Но вот с конца октября 1919 г. фронт белых начал разваливаться.

23 января 1920 г. на рассвете красные начали наступление на Перекоп. Стоявшие у вала четыре старые крепостные пушки открыли огонь, при-

[1] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева. Ленинград, 1925. С. 87.

крывавший их Славянский полк (100 штыков) бежал. Красные заняли город Армянск и двинулись к Ишуню. Однако 24 января, согласно плану генерала Слащёва, красные были контратакованы и бежали за Перекоп.

Во время боя 24 января губернатор граф Н.А. Татищев буквально через каждые 5 минут звонил Слащёву и спрашивал, как дела на фронте. Ведь в Севастополе и Ялте многие господа офицеры и почтенная публика начали грузиться на суда. Татищев «допек» Слащёва: «И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся — тут дело, а там продолжается паника — и резко отвечаю: "Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов"»[1].

Глава 9
ПОХОЖДЕНИЯ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Первоначально силами Юга России командовал генерал Антон Иванович Деникин. 4 апреля 1920 г. он с семьей на французском миноносце покинул Феодосию. Накануне Деникин отдал свой последний приказ: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России».

На самом деле в феврале—марте 1920 г. в руководстве белых имела место большая «замятня». На должность командующего претендовали генерал Шиллинг и многие другие.

Барон Врангель с семейством с начала «замятни» сидел безвылазно в Севастополе на пассажирском пароходе «Александр Михайлович». Как остроумно заметил генерал Слащёв, у Врангеля при малейшем обострении ситуации возникало желание быть «к воде поближе». Ну а 27 января (9 февраля) он приказал капитану взять курс на Константинополь.

В это время в Симферополе поднял мятеж капитан Н.И. Орлов, на его сторону перешло около 1500 человек. Вторым лицом в «орловщине» оказался

[1] *Слащёв-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. С. 54—55.

капитан 2-го ранга герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский, он же князь Романовский.

Позже Врангель напишет: «Вместо меня будто бы возглавит армию Великий Князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский».

Однако против Орлова выступил генерал Слащёв, защищавший Перекоп.

Врангеля поддержала Антанта. Из Константинополя в Севастополь барон прибыл на новейшем линкоре «Император Индии». Согласитесь, десять 343-мм пушек — более чем весомый аргумент в борьбе за власть.

В итоге самые смелые и удачливые белые генералы Май-Маевский и Слащёв были сняты со всех должностей, генерал Шиллинг и герцог Лейхтенбергский высланы в Европу, генерал Романовский убит неизвестным прямо в русском посольстве в Константинополе, ну а капитан Орлов с 700 сторонниками ушел в горы. Там он партизанил до прихода красных. Затем поступил на службу к большевикам. Однако через несколько месяцев по доносу крымских подпольщиков был арестован и расстрелян.

А, собственно, кто такой барон Петр Николаевич Врангель? Сейчас его объявили героем России, рыцарем без страха и упрека. Ну а большевики называли ставленником буржуазии. Вся страна распевала:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.

На самом деле Петр Николаевич вовсе не собирался восстанавливать монархию, хотя из тактических соображений флиртовал с монархистами.

Еще в 1916 г. он вместе с известным заговорщиком генералом А.М. Крымовым вел переговоры о свержении Николая II. Откуда мне сие известно? Да от самого Врангеля. Давайте почитаем с карандашом его мемуары и узнаем массу интересного.

Из действующей армии генерал-майор Врангель дезертировал 5 апреля 1917 г. Поехал по собственной инициативе в Петроград, а возвращаться в часть не пожелал.

Вместо этого Врангель с семьей отправился в Ялту.

26 ноября 1917 г. татары собрали курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное прави-

тельство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Челеби Челебиев (Нуман Челеби Джихан), а директором по военным и внешним делам стал Джафер Сайдамет. 21—22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством... барону П.Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя его бывший сослуживец подъесаул немецкий барон Унгерн монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев?

Русский генерал-майор обсуждал вопрос о поступлении на службу курултаю, целью которого было создание независимого татарского государства! Барон обсуждал план захвата татарами Севастополя. Да вот беда, то ли план плох оказался, то ли в цене не сошлись, в общем, уехал Врангель в Ялту.

Севастопольские матросы разгромили татарское воинство, а барон крепко задумался. И отправился в Киев к старому собутыльнику по Конной гвардии генерал-лейтенанту Павлу Петровичу Скоропадскому.

Тогда в оккупированном немцами Киеве генерал-фельдмаршал Эйхгорн собрал в киевском цирке съезд «щирых хлеборобов». На арену вышел в жупане и широких шароварах бывший кавалергард Павло Скоропадский, которого «хлеборобы» дружно провозгласили гауптманом... Простите, оговорился, гетманом. Впрочем, это не страшная оговорка. Ведь слово «гетман» произошло от «гауптман».

Врангель в ходе личной встречи попросил Скоропадского назначить его главнокомандующим гетманской армией. Но у Павло имелся другой кандидат — генерал-лейтенант А.Н. Долгоруков. «А ты, Петюша, иди к нему заместителем».

Барон всегда хотел быть главным, обиделся и поехал к Деникину. Главнокомандующего Врангель возненавидел, с первых дней публично называл «дедом» и плел интриги.

И вот Врангель получил неограниченную власть в Крыму. Других территорий у белых нет.

Теперь перед Врангелем и преданными ему генералами встал извечный русский вопрос: «Что делать?» Процитирую самого Врангеля: «Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать: “пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия”.

— Да, Петр Семенович, это так, — отвечал генерал Шатилов, — если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...

Генерал Махров не возражал».

Врангель энергично переформирует остатки Добровольческой армии и переименовывает их в Русскую армию. К началу июня 1920 года она насчитывала до 32 тысяч штыков и 12 тысяч шашек, 1144 пулемета, 272 орудия, 14 бронепоездов, 16 автобронеотрядов, один танковый и 11 авиатрядов.

Много это или мало? К концу 1919 г. численность войск Красной Армии составляла 3 млн человек, а к 1 ноября 1920 г. — 5,5 миллиона. Тут комментарии, думаю, излишни.

Союзников у Врангеля не было. Все белые армии были разбиты, и западные союзники не собирались более участвовать в Гражданской войне в России.

Правда, в апреле 1920 г. на Советскую Россию напала Польша. Увы, попытка пана Пилсудского восстановить Польшу в границах Великого княжества Литовского времен князя Витовта — от «можа до можа» с Киевом, Смоленском и Одессой — заставила примкнуть к большевикам даже их заядлых врагов. Так, знаменитый генерал от кавалерии Алексей Брусилов с группой генералов обратился с воззванием ко всем русским офицерам с призывом встать на защиту своей родины от панов-разбойников.

Ну, кто-то скажет, что, мол, Брусилова в Москве запугало ЧК. А как быть с великим князем Александром Михайловичем в Париже? Тот открыто заявил, что ненависть к полякам пересилила у него ненависть к большевикам. Не будем забывать, что большевики убили двух родных братьев Александра Михайловича.

Итак, шансов у Врангеля на успех нового похода на Москву не было. Зато была альтернатива! В Крым сбежались многие десятки тысяч военных

и гражданских лиц, ненавидевших большевиков. Нетрудно было догадаться, что и большевики не дадут им спуска. Раз нельзя было победить, надо было или уезжать из Крыма, или отделяться. Да, да, отделяться! И это не я выдумал.

На беду белым и красным сказочникам, с 6 по 11 ноября 1920 г. Перекопские укрепления осмотрели французские инженеры во главе с генералом А. Брусо. Французы были поражены их убогостью. Генерал задал белым офицерам убийственный вопрос: а где жилища для личного состава укреплений, где они проведут зиму? Офицеры молчали.

Можно было обойтись и без армий Фрунзе. Через месяц пришел бы генерал Мороз, и белые сами ушли бы с позиций на Перекопе.

Барону не нужно было изобретать велосипед, а лишь восстановить Крымскую республику. Для приличия в состав нового правительства должны были войти те же кадеты и меньшевики, но, естественно, первую скрипку играли бы военные.

Тут следует заметить, что с середины 1919 г. советское правительство без колебания заключало мир с любым государством, если то прекращало войну против Советской республики. Так, на унизительных для России условиях был заключен мир с Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. Позже, чтобы достичь компромисса с Японией, большевики пошли на создание буферной Дальневосточной республики. Обратим внимание, сразу после заключения мира с Эстонией и Латвией Советская Россия стала их широко использовать для «подпольного» транзита в обе стороны. Дело в том, что ведущие государства мира не признавали Советскую Россию и не желали торговать с ней.

Зато правительства большинства государств Европы с большим удовольствием «смотрели сквозь пальцы» на экспорт и импорт товаров в Россию через прибалтийские лимитрофы.

Поэтому можно предположить с большой долей вероятности, что правительство большевиков признало бы независимость нейтрального Крыма и сделало бы из него черноморский Гонконг.

Кто-то скажет: хорошо рассуждать через 88 лет, зная наперед последующие события. Но то же самое Врангелю советовали наиболее талантливые руководители Белого движения. Самый толковый стратег белых, генерал-лейтенант Слащёв-Крымский, несколько раз предлагал Врангелю начать переговоры с

большевиками — «красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности».

Ну а промышленники, бежавшие в Крым, несмотря на репрессии белой контрразведки, успешно торговали с Советской Россией. Врангель возмущался: «Документально установлено, что "Центросоюз", "Центросекция" и "Днепросоюз" являются контрагентами советского правительства, получают субсидии от советской власти и выполняют задания таковой по доставке товаров и фуража Красной Армии и в губернии Северной России. Осмотром книг "Центросоюза" и Харьковского отделения Московского народного банка было установлено, что "Центросоюз" получил 50 000 000 рублей от советского правительства, а в местных складах "Центросоюза" были обнаружены товары, заготовленные для советской России. Из других кооперативных организаций особенным вниманием советской власти пользовались "Центросекция" (кооператив для рабочих), "Днепросоюз" и "Здравосоюз", которые получали крупные субсидии от Советов и, обслуживая сих последних, привлекали к этой работе и те свои филиалы, которые находились на территории Русской армии...

Эта переправка в Северную Россию производилась частью через Батум и Грузию, а иногда путем сосредоточения товаров в таких пунктах, которые эвакуировались Добровольческой армией, причем оставляемые товары перечислялись конторой "Центросоюза", обслуживающей Советскую Россию»[1].

Не стоит забывать, что большевики не имели на Черном море не только военного, но и торгового флота. Весь черноморский торговый флот и транспортная флотилия Черноморского флота находились у Врангеля. За исключением нескольких десятков судов, которые барон к ноябрю 1920 г. успел толкнуть на Запад по демпинговой цене.

Да и на других морях у Советской Республики торговых судов осталось в несколько раз меньше, чем имелось в Российской империи. На Севере торговые суда и ледоколы угнал генерал Миллер. На Дальнем Востоке флот угнал адмирал Старк, а потом продал суда в Шанхае и Маниле. На Балтике много торговых судов погибло в 1914—1920 гг., еще больше их было захвачено финнами и прибалтийскими лимитрофами.

---

[1] *Врангель П.Н.* Оборона Крыма // Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 416—417.

Итак, «остров Крым» мог предложить Советской России не только свою «вывеску» для торговли со всеми странами Запада и крупных валютных и торговых махинаций, но и свои порты, и свой торговый флот.

Говоря о Советской России начала 1920-х годов, не надо путать две вещи — разруху по стране в целом и огромное количество товаров и сырья, которые могла экспортировать наша страна и в которых так нуждался Запад. И разрухи, и сырья в «совдепии» хватало с избытком.

Так что на Крым посыпался бы золотой дождь. Пример: Гонконг, Монако и другие малые государства служат тому порукой. Кстати, в 1919—1920 гг. англичане пытались создать Черноморский Гонконг. Речь идет о городе Батуме, который англичане объявили «свободной зоной». Батум стал центром не только европейской и кавказской торговли, там заключали сделки представители советских предприятий и фирм, существовавших на территориях, занятых ВСЮР.

Как видим, барону нужно было только не мешаться, и «Остров Крым» сам по себе превратился бы в русский Гонконг.

Ну а если бы красные, покончив с врагами внутренними и внешними, обрушились бы на Крым, ну, скажем, в середине 1920-х годов?

Не надо забывать, что в распоряжении Врангеля был Севастополь, где находилась главная база Черноморского флота и вторая по величине, после Кронштадта, крепость России.

В Севастополе имелись десятки крепостных и морских пушек и мортир калибра 305, 280, 254, 203, 152, 120 и 102 мм. Был и огромный запас снарядов. Сколько ни грабили немцы, а затем союзники, запасы Черноморского флота и Севастопольской крепости к 1917 г. были огромны.

В Крыму был мощный Севморзавод и несколько других металлообрабатывающих заводов, которые без проблем могли изготовить любое количество металлических устройств и элементов конструкций для фортификационных сооружений перешейка. На складах Черноморского флота имелись сотни тонн броневой стали, в батареях Севастопольской крепости были в большом количестве основания для орудий, броневые двери, радио, телефоны, кабели, электродвигатели и прочее оборудование для мощных фортов. Англичане взорвали машины на шести русских броненосцах, но свыше ста их пушек калибра 152—305 мм были в целости и сохранности. Я сам читал отчеты красных,

демонтировавших эти пушки, а затем отправлявших их на береговые батареи по всему Черному морю в 1921—1922 гг.

Увы, все это так и осталось невостребованным, хотя у Врангеля было 9 месяцев для обустройства Перекопских позиций.

Наконец, у белых был сравнительно сильный флот, а у красных флота не было, за исключением нескольких мобилизованных гражданских судов, составлявших Азовскую флотилию.

Были у Врангеля и людские резервы. Сколько тысяч «бывших» сбежались в Крым, спасаясь от большевиков! Вспомним хотя бы булгаковский «Бег». Они ели, пили, интриговали и всячески мешали военным. Почему Врангель не приказал им взять в руки оружие или, по крайней мере, лопаты? К примеру, приват-доцента Голубкова, как человека образованного, поставить к дальномеру на батарее 6-дюймовых пушек Кане, а господину Корзухину с женой вместо «пушного товара» — в руки по лопате и на Перекоп на рытье окопов.

Сейчас СМИ называют беженцев в Крыму элитой русского общества, лучшими его представителями. Но вот вопрос, почему эта элита не пожелала не то что кровь проливать, а просто немного попотеть — жирок сбросить на Перекопских позициях? Издавна гражданское население Руси принимало участие в обороне городов, и в 1941 г. большая часть горожан вышли рыть окопы и противотанковые рвы на подступах к Москве и Ленинграду.

Но тут «образованная часть общества» и дородное купечество не пожелали спасать ни «Русь святую», ни самих себя. Менталитет не тот: пойти господам в Париже и Стамбуле в таксисты и половые в кабаках, а дамам — на панель? Да запросто! Но лопату в руки... Фи!

Приведу несколько скучных цифр, дабы доказать бредовость решения Врангеля въехать в Москву на белом коне.

В советских справочниках указывается, что суммарный состав всех белых армий в 1918—1920 гг. никогда не превышал 300 тыс. человек. И эту цифру пока никто всерьез не оспаривал. Красная же армия к середине 1919 г. имела 3 миллиона (!) штыков и сабель, а к весне 1920 г. — 5 (пять!) миллионов бойцов.

Так почему же красные с ходу не разбили белых? Да потому, что в 1918—1920 гг. численность формирований националистов на территории бывшей Российской империи составляла как минимум 2,5—3 млн человек. К примеру, в мае 1920 г. на врангелевском фронте (остальные белые армии были уже

разгромлены) действовало 70 тысяч (!) красных бойцов. А где же остальные 4930 тысяч?! Они воевали или стояли в «завесах» на фронтах с националистами — финнами, прибалтами, поляками, петлюровцами, дашнаками, мусаватистами, грузинскими меньшевиками, Хивинским ханством, Бухарским эмиратом и т.д.

Как видим, ни советские, ни антисоветские историки не решаются признать очевидный факт, что масштабы боевых действий в 1918—1921 гг. Красной армии против националистов всех мастей намного превосходили боевые действия с белыми армиями. Но как же, они за 80 лет совместно составили такую красивую сказку, а здесь — облом.

В середине октября Врангель, осмотрев Перекопские укрепления, самодовольно заявил находившимся при нем иностранным представителям: «Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

Красные перед штурмом Перекопа располагали семьюдесятью 76-мм полевыми пушками[1]. Кроме того, у Фрунзе было аж двадцать одно «тяжелое орудие». Из последних самыми мощными были 107-мм пушки обр. 1910 г., 120-мм французские пушки обр. 1878 г. и 152-мм гаубицы обр. 1909 г. и 1910 г.

107-мм пушки и 152-мм гаубицы при царе-батюшке считались тяжелой полевой артиллерией и предназначались для разрушения легких полевых (земляных) укреплений. Французские же пушки представляли скорее музейную ценность, нежели боевую.

Более мощными орудиями Южный фронт не располагал.

С имевшейся в наличии артиллерией Фрунзе еще мог выиграть сражение в чистом поле у врангелевцев или поляков. Но штурм хорошо укрепленных позиций был заранее обречен на неудачу.

Так что получается? «Красные орлы» совершили нечеловеческий подвиг, овладев Крымским перешейком? Да, действительно, с обеих сторон было совершено много геройских дел. Но в целом красные дрались с противником, запрограммированным на бегство, а главное, «линия Врангеля» оказалась «потемкинской деревней». Однокашник по Конной гвардии и собутыльник нашего барона барон Маннергейм оказался куда умней и вошел в исто-

[1] Возможно, там было сколько-то 76-мм горных пушек обр. 1909 г., но снаряды для них были одинаковые с полевыми, лишь меньше дальность стрельбы.

рию, построив линию укреплений на Карельском перешейке. В «Записках» Врангель будет бессовестно врать, говоря о борьбе на Перекопе: «Красные сосредоточили колоссальную артиллерию, которая оказывала своим частям мощную поддержку». К этому времени и советский «Агитпром» приступил к фабрикации легенд и мифов о штурме Перекопа.

А теперь перейдем к еще одной загадке Гражданской войны. После форсирования красными Перекопа белые, почти не пытаясь сопротивляться, начали отход к портам Керчь, Феодосия, Ялта и Севастополь. А красные? У них же было около 100 тысяч штыков и 33 тысячи сабель. То есть только конников было больше, чем всего войск Врангеля, защищавших Северный Крым, — две конные армии, 10 кавалерийских дивизий, 6 кавалерийских бригад!

А результат? Генерал Слащёв позже писал: «11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, то есть, вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени»[1].

Замечу, что это было писано, когда Яков Александрович уже находился на службе красных, и участники боев за Крым могли легко его уличить во лжи.

В эмиграции ряд офицеров рассказывали о конных колоннах красных и белых, которые длительное время шли по степи параллельно на расстоянии нескольких километров друг от друга и не пытались атаковать.

А в итоге белые без боев, если не считать стычек с партизанами повстанческой армии, действовавших в лесах Крыма, спокойно добрались до портов и практически в обстановке мирного времени эвакуировались с полуострова.

Что же случилось, попробуем узнать из трудов советских и антисоветских авторов. Но, увы, подробностей о действиях красных после взятия Перекопа почти нет ни в мемуарах Буденного «Пройденный путь», ни в иных источниках.

---

[1] *Слащёв-Крымский Я.А.* Крым, 1920 // Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 141.

Известно, например, что 1-я Конная армия была введена в бой только после прорыва на Перекопе. Тактически это грамотно. Свежие лавы конницы выходят на оперативный простор в крымских степях и громят деморализованного отступающего противника. Ведь уже 13 ноября Врангель распустил армию: кто хочет — оставайся, кто хочет — эвакуируйся.

Но, увы, далее автор «Пройденного пути» пишет коротко и невнятно. Попросту боев не было.

А что делала 2-я Конная армия под командованием Ф.К. Миронова? Она успешно дралась у Перекопа. 12 ноября в нескольких километрах южнее Джанкоя, у станции Курман-Комельчи, состоялся последний бой Красной армии с врангелевцами.

Поздно вечером 12 ноября была отправлена телеграмма Фрунзе с известием о полном разгроме армии Врангеля.

«Бой Второй Конной в районе станции Курман-Кемельчи был последним боем советских войск в Крыму. “И мы вправе сказать, — писал позже Ф.К. Миронов, — что последними пушками, говорившими в Крыму, были пушки Второй конной армии. Последний догорающий луч солнца был свидетелем последнего артиллерийского выстрела красных 12 ноября 1920”».

«В этот же день командующий 6-й армией Корк, не сумев обнаружить начавшуюся эвакуацию врангелевских войск и предполагая, что они оторвались от частей 6-й армии, чтобы продолжить сопротивление на новых рубежах, назначил на 13 ноября частям армии отдых, а перед 1-й и 2-й Конными поставил следующие задачи: 1-й Конной двигаться на Симферополь — Севастополь, заняв последний 19 ноября, 2-й Конной наступать на Феодосию — Керчь, заняв последнюю — 22 ноября. В момент отдачи приказа эвакуация в вышеуказанных портах была в разгаре и уже близилась к завершению»[1].

Получается, что командарм Корк — идиот? Как-никак, он пришел в Красную Армию, будучи подполковником, а в 1914 г. окончил Николаевскую военную академию. Он что, не видел бегущих и сдающихся врангелевцев? Он не знал, что никаких оборонительных позиций ни матушка-природа, ни белые не создали до самого Севастополя.

---

[1] *Колонтаев К.* Вторая армия в борьбе с Врангелем // Материалы сайта: http://istor-vestnik.org.ua/5644/

1-я Конная армия Буденного участвовала в операции всего два дня, да и то без боестолкновений, а затем была остановлена на отдых. Да и 2-я Конная армия в отдыхе не нуждалась, но и ее остановили «отдыхать».

Короче говоря, советские, белогвардейские и нынешние демократические историки скрывают от нас, что Фрунзе и Троцкий умышленно дали Врангелю возможность эвакуироваться.

Французское и советское командования во второй раз в Крыму (первый раз — в апреле 1919 г.) заключили секретное соглашение: «...мы уходим, вы нас не трогаете». Естественно, что текст соглашения до сих пор невыгодно публиковать ни СССР (России), ни Франции.

Опубликован только текст ультиматума французского адмирала с угрозой подвергнуть бомбардировке советские порты, если подвергнутся опасности французские суда.

Фактически после полудня 13 ноября бои с Врангелем вела только Крымская повстанческая армия под командованием Алексея Васильевича Мокроусова. Любопытно, что командиром 3-го Симферопольского повстанческого полка был Павел Васильевич Макаров, бывший адъютант генерала Май-Маевского. Отдельным партизанским отрядом командовал Иван Дмитриевич Папанин.

После эвакуации Врангеля все трое вновь отправились в крымские горы, но на сей раз они занялись контрпартизанской борьбой против белых, зеленых, крымско-татарских и беспартийных бандитов.

Глава 10
БАРОН В БЕГАХ, ИЛИ ДЕЛА КОММЕРЧЕСКИЕ

14 ноября в 14 ч. 50 мин. барон Врангель поднялся на борт крейсер «Генерал Корнилов». Крейсер поднял якоря и покинул Севастопольскую бухту. На борту крейсера находились штаб Главнокомандующего, штаб командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офицеров и команды крейсера и пассажиры, всего 500 человек.

Порты Крыма покинула целая армада кораблей: один дредноут, один старый броненосец, два крейсера, десять эсминцев, четыре подводные лодки,

двенадцать тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. На них были вывезены 145 693 человека (не считая судовых команд), из которых 116 758 человек были военными и 28 935 — гражданскими[1].

По данным же специальной секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры от 20 ноября 1920 г., «прибыло 111 500 эвакуированных, из которых 25 200 — гражданских лиц и 86 300 — военнослужащих, среди которых 5500 — раненых; ожидается только прибытие из Керчи кораблей, которые, как говорят, должны доставить еще 40 000 беженцев»[2].

В ходе эвакуации пропал без вести эсминец «Живой», на котором погибло 257 человек, в основном офицеров Донского полка.

Команда тральщика «Язон», шедшего на буксире транспорта «Эльпидифор», ночью обрубила буксирный канат и увела судно к красным в Севастополь.

«Это ли не цвет нации, не самая активная и лучшая ее часть? Это была частица живого сердца русского народа, безжалостно и навсегда вырванная из обезумевшего, страдающего тела России».

Замечу, что я процитировал не статью из бульварной прессы, а большое и солидное издание[3].

А барон Б.Э. Нольде в 1920 г. утверждал: «С библейских времен не бывало такого грандиозного исхода граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, ушел весь цвет страны, в руках которых было сосредоточено руководство жизнью. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России»[4].

Увы, цвет нации не может влачить жалкое существование в эмиграции. Замечу, что 6—7 миллионов жителей Российской империи, эмигрировавших в царствование Николая II (так называемая «нулевая» волна эмиграции), добились куда больших успехов в науке, культуре, бизнесе и других областях, нежели первая волна эмиграции 1917—1921 гг.

---

[1] *Иванова В.Б.* Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 173.

[2] ЦХИДК. Ф. 211. Оп. 1. Д. 188.

[3] *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 109.

[4] *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Эмигранты и эмиграция. СПб., 1995. С. 68.

Но вернемся к барону Врангелю. Армада кораблей медленно втягивается в Босфор. Что дальше? Война закончена? Штыки в землю? Нет. Врангель рассматривал эвакуацию в Проливы лишь как одну из неудачных операций Гражданской войны. Высадились на Кубани — эвакуировались. Затем двинулись к Каховке — эвакуировались. Ну, посидим пару месяцев в Константинополе — и опять новый десант в Россию. Примерно так рассуждал барон.

Это действительно философия картежника, готового спустить всё — имение, украшения жены, приданное дочери, — только чтобы играть и играть.

В конце 1917 г. — начале 1918 г. генералы Алексеев, Корнилов и Деникин начинали войну с большевиками без всякой иностранной поддержки. Плохи они или хороши — это дело политических пристрастий. Бесспорно другое — они честно вели борьбу за власть. Против большевиков ополчился «весь цивилизованный мир», но их поддержал народ. Ни одному порядочному историку сейчас не придет в голову повторять сказочки Освага, что, мол, кучка евреев-большевиков гонит в бой пятимиллионную Красную Армию.

Что же касается Добрармии, то она из месяца в месяц становилась все более зависимой от поставок оружия, обмундирования и топлива Англией и Францией.

Тем не менее до ноября 1920 г. Русская армия могла самостоятельно (без союзников) проводить боевые операции, она еще оставалась стороной в Гражданской войне. Но с эвакуацией в Проливы любые самостоятельные военные действия против Советской России стали физически невозможны. Максимум, что теперь мог без помощи Антанты сделать барон, высадить на шхуне два десятка диверсантов в Крыму или на Кавказе.

Оказавшись на чужбине и не разоружившись, «добрармейцы» стали наемниками, ищущими хозяина для нападения на собственную страну.

Международное право никогда не признавало таких наемников воюющей стороной. И в полном соответствии с международным правом советские власти могли рассматривать всех неразоруженных белых в качестве бандитов и соответствующе карать их.

По всем международным законам, в том числе согласно статьям 5 и 13 Гаагской конвенции 1907 года, страны Антанты были обязаны интернировать врангелевцев. Процитирую «Большую Советскую энциклопедию»: «Ин-

тернированию подлежат военнослужащие воюющих сторон, попавшие на территорию нейтрального государства. Интернированные военнослужащие разоружаются, для них устанавливается режим, исключающий возможность покинуть территорию нейтрального государства и вновь принять участие в военных действиях».

Замечу, что и до, и после ноября 1920 г. в аналогичных случаях интернирование проводили все государства мира. Так, в 1905 г. в порт Констанца пришли восставшие броненосец «Потемкин» и миноносец № 261. Их команды были разоружены и отпущены румынскими властями, а корабли в исправном состоянии возвращены России.

Строго придерживались международных правил об интернировании военных судов и французские власти. Так, в июле 1904 г. в Сайгоне был интернирован русский крейсер «Диана», прорвавшийся из Порт-Артура. Крейсер после незначительного ремонта и заправки топливом вполне мог уйти через Суэцкий канал на Балтику. Однако французские власти «тянули резину» с доставкой топлива «Диане» и в конце концов добились ее интернирования. А ведь Россия была главным союзником Франции и имела с ней секретный военный договор.

А вот другой пример. 7 марта 1939 г. во французскую военно-морскую базу Бизерта вошла эскадра Испанской республики в составе крейсеров «Мендес Нуньес», «Либертад», «Мигель де Сервантес», восьми эсминцев и подводной лодки С-4. Французы немедленно интернировали эти суда, а уже 31 марта в Бизерту прибыли два франкистских судна с новыми экипажами для интернированных кораблей. 5 апреля эскадра республиканцев под фашистскими флагами ушла в Кадис, хотя гражданская война еще продолжалась.

А вот в ноябре 1920 г. Франция и другие государства Антанты, вопреки международному морскому праву, не пожелали интернировать врангелевцев. Основная причина — пошантажировать Советы. Ни Франция, ни Англия в это время не планировали даже мелких нападений на Советскую Россию. Однако и Лондон, и Париж сильно блефовали, надеясь добиться от Москвы выплаты царских долгов[1], передачи выгодных концессий, неприкосновенности вновь образованных государств в Прибалтике и на Кавказе и т.д.

[1] Той же Франции царская Россия была должна 55 млн рублей.

Увы, большой блеф обернулся Антанте большими приключениями на известное место. Советское правительство послало золото, пушки, пулеметы и винтовки Мустафе Кемалю, а также отказалось в его пользу от Карской области, принадлежавшей ранее Российской империи. Забегая вперед, скажу, что оный Мустафа в 1922 г. выставил союзников из Проливов и стал «отцом турков», то есть Ататюрком.

Сам же барон вскоре по прибытии в Стамбул осознал, что никаких новых десантов у него не будет. Однако Русская армия и флот в изгнании нужны были Врангелю как козырная карта в эмигрантских разборках.

К концу 1920 г. в Европе у русских эмигрантов была «тьма власти». Так, был Союз русских послов, претендовавший на роль правительства в изгнании и располагавший большими запасами валюты.

Имелись кандидаты во «всероссийские императоры» — великие князья Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович, сыновья великого князя Александра Михайловича и т.д. На руководящую роль в эмиграции претендовал и командующий русской армией в 1914—1915 гг. великий князь Николай Николаевич.

Кем бы в такой ситуации стал барон Врангель? Очередным битым генералом. Так их и без него в Париже имелось в избытке — Миллер, Юденич, Деникин и т.д.

В итоге по приказу Врангеля солдат и офицеров Русской армии принудительно держали в концлагерях в Галлиполи и на островах Эгейского моря. Порядок поддерживался расстрелами: за критику Врангеля, за попытку бежать к Мустафе Кемалю, за рассказ французам о порядках в лагерях и т.д.

Вызволил Русскую армию из лагерей Ататюрк, подошедший к Проливам с советским золотом, оружием и советниками.

По прибытии в Стамбул Врангель, его адмиралы и старшие офицеры быстро сообразили, что 119 транспортов и вспомогательных судов — это потенциальные сотни миллионов франков. Что же касается боевых кораблей, то после окончания «Великой войны» они никому не нужны, но зато их вооружение и боекомплект можно выгодно продать малым странам. И началось...

Писать о распродаже кораблей и военного имущества, уведенного Врангелем из России, очень трудно. Распродажа шла абсолютно бессистемно. Продавали адмиралы и капитаны 1-го ранга как открыто, так и анонимно,

причем продажа происходила в самых различных формах. Почему продавцы и покупатели старались вести дела с минимальной оглаской? Да потому, что это было уголовным преступлением, а конкретно — скупкой краденого.

Уже 28 ноября 1920 г. командующий Русской эскадрой адмирал Кедров издал приказ, подтверждающий демобилизацию частновладельческих судов, включая суда Добровольного флота и Русско-Дунайского пароходства.

Так вроде все законно — мобилизованные на время войны суда переходят прежним владельцам? Увы, все не так просто. Ну, во-первых, не Врангель мобилизовал эти суда, а правительство России в 1914 г., и за них владелец получал большую компенсацию из казны. Юридически Врангель и Кедров в Стамбуле были... никем и не имели никаких прав что-либо мобилизовывать и демобилизовывать. Во-вторых, часть членов правлений судоходных компаний погибла в Гражданской войне, а часть осталась в СССР. Взамен их члены правлений, которые сумели добраться до Парижа, назначили сомнительных личностей, не имевших отношения к судоходству.

Наконец, большинство угнанных Врангелем судов принадлежали до мобилизации их в Черноморский флот двум компаниям — РОПИТу и Добровольному флоту. Формально это были частные компании, но фактически они создавались Морским ведомством Российской империи и являлись его резервом.

Если Доброфлот — частная лавочка, то я, грешный, не иначе как султан турецкий. Впрочем, принадлежность судов нисколько не волновала воров-золотопогонников. Они с одинаковым усердием сбывали пароходы РОПИТа, вспомогательные суда Черноморского флота и суда Министерства путей сообщения.

Первым был «демобилизован» минный заградитель «Дых-Тау» (вместимостью 1467 брт). Самое забавное, это была формальность, так как он уже ходил под французским флагом, был приписан к порту Марсель, а на борту красовалось «Dykh-Tau». В 1925 г. «Дых-Тау» продали французской компании «Анонимное общество Африканских перевозок» из Дакара, где он получил наименование «Ferlo». В 1929 г. пароход купила шведская фирма «Rederi A/B Gusren (Ture Hillerstrom)» из Мальмё, там судно стало называться «Ture». В 1932 г. пароход купила другая компания из Мальмё, «Rederi A/B Malmohus», и назвала его «Glitt». В 1954 г. судно стало собственностью турецкого судовладельца «Nuri Yilmaz ve Ortaklari». Пароход, переименованный в «Zor»,

использовался для перевозки леса на линии Каскинен (Финляндия) — Халл (Англия). 19 мая 1955 г. судно затонуло, выскочив на камни в 6 милях северо-западнее Дижона.

Ну а кто с «Дых-Тау» имел франки, мы теперь никогда не узнаем.

Итак, бойкая торговля пассажирскими кораблями, а также вспомогательными судами Черноморского флота и различных государственных учреждений царской России началась уже в Константинополе. А вот для боевых судов французы выделили даже специальную стоянку — военно-морскую базу в Бизерте (современный Тунис).

Из 149 русских судов, пришедших в Константинополь в ноябре 1920 г., до Бизерты в 1921—1922 гг. добралось только 33. Остальные были проданы по демпинговым ценам. Однако Врангелю и его адмиралам удалось постепенно «толкнуть» и половину Бизертской эскадры.

28 октября 1924 г. Франция установила дипломатические отношения с СССР. Париж предложил Москве вернуть Бизертскую эскадру, считая, что это будет одним из аргументов для признания Советами царских долгов.

Через два дня после этого Военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс приказал всем офицерам и гардемаринам эскадры собраться на борту эсминца «Дерзкий». Его приказание было кратким: спустить Андреевские флаги, передать корабли французским уполномоченным, а самим сойти на берег.

А 29 декабря на французском судне «Удже» в Бизерту из Марселя прибыла советская комиссия по приемке русских кораблей. Комиссию возглавлял Евгений Андреевич Беренс. Главным же консультантом по судостроительной части был академик А.Н. Крылов.

Самое же забавное, что Евгений Беренс приехал в Бизерту принимать эскадру у своего родного брата контр-адмирала Михаила Андреевича Беренса. Первый командующий «русской эскадрой» вице-адмирал Кедров в начале 1921 г. убыл по делам в Париж и больше в Бизерте не появился.

Ситуация оказалась более чем щекотливая и для советской делегации, и для белых, и для французов. Последние порекомендовали Михаилу Андреевичу куда-нибудь удалиться, и тот благоразумно съездил на недельку в город Тунис.

Советская комиссия констатировала, что корабли эскадры находятся в недееспособном состоянии, многие месяцы их ремонтом никто не занимался. Значительная часть механизмов, содержавших цветные металлы, похищена. Крылов заявил, что целесообразно забирать лишь линкор «Генерал Алексеев». Своим ходом он идти не мог. По «дипломатическим проблемам» буксировка его советским кораблем, например ледоколом «Ермак», была невозможна, частные фирмы взяли бы очень дорого. Наконец, застраховать линкор на время перехода было крайне сложно. Страховать его по цене металлолома невыгодно. Застраховать по реальной цене около 40 миллионов фунтов стерлингов — значит заплатить огромные деньги, а страховая компания в случае гибели корабли не заплатит ни одного пенса, мол, большевики вывели в море старое корыто, чтобы затопить его и получить страховку.

А тут еще выяснилось, что французская делегация связывает возвращение кораблей с признанием царских долгов. В итоге 6 января 1925 г. советская делегация покинула Бизерту, а вопрос о возвращении эскадры остался нерешенным.

Корабли эскадры остались ржаветь в Бизерте. Лишь в начале 1930-х годов их стали потихоньку разбирать на лом прямо на стоянках.

О дальнейших злоключениях офицеров белого флота за последние двадцать лет написано много, даже снято несколько кинофильмов. О судьбе кораблей известно гораздо меньше. Так, в ряде узкоспециальных статей говорится, что последние корабли Бизертской эскадры разрезала на металлолом французская фирма «Клягун». Даже морские историки, специально занимавшиеся врангелевской эскадрой, ограничились кратким упоминанием о «Клягуне». Их интересовали политика и эмоции, как, например, попытка французов передать эскадру СССР в обмен на признание царских долгов, судьбы моряков и их семейств, строительство православного храма в Бизерте и многое другое. Все это заслонило для них техническую сторону вопроса: разборку кораблей и судьбу их артиллерии.

Ну а я отправился искать фирму «Клягун» и вышел на одного из величайших торговцев оружием первой половины XX века Александра Клягина.

Дед Александра Павловича (Павлиновича) Клягина был простым лесником и нажился на незаконной вырубке леса. Отец стал лесником у богатого помещика. Вскоре и сам Павел (Павлин) Клягин купил именье Крапиловку близ Брянска. 24 августа 1884 г. у него родился сын Александр.

В 1903 г. мальчик окончил Орловскую классическую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский технологический институт.

Инженер-путеец Клягин на весьма сомнительных сделках создал себе состояние. В 1916 г. Клягина послали во Францию и Бельгию для закупок материалов в качестве представителя Министерства путей сообщения.

В Париже Клягин по совместительству становится сотрудником военного агента (атташе) графа генерал-майора Алексея Александровича Игнатьева. Замечу, что в те годы Алексей вел крупные аферы, принесшие ему миллионы франков. А проверять военного агента в Париже было некому — главой русской контрразведки в Париже был его родной брат граф полковник Павел Александрович Игнатьев. Сотрудники русской миссии именовали военные заказы во Франции «майоратом Игнатьевых».

Сколько заработал Клягин под началом графа Игнатьева, установить невозможно, но к 1920 г. он был очень богатым человеком и основал в Париже фирму «Etablissmeurs A. Klaguine». В 1920 г. Клягин занимался поставками оружия и различного снаряжения в Крым и состоял в хороших отношениях с бароном Врангелем.

По приходе же врангелевской армады в Константинополь Клягин приступил к распродаже оружия и боеприпасов Русской армии. Создается еще одна контора — «Sospete anonyme exploirarion» — «Анонимное общество эксплуатации запасов».

Одной из первых акций компании стала продажа Эстонии 120-мм и 75-мм унитарных выстрелов от пушки Кане. Эти выстрелы были доставлены на транспортах в Бизерту и выгружены на французские береговые склады.

11 сентября 1922 г. в Бизерту прибыл генерал-лейтенант М.И. Занкевич — представитель «Анонимного общества».

Командующий эскадрой контр-адмирал Беренс 12 октября 1922 г. издал приказ № 261, где говорилось, что маклером в продаже боеприпасов «был Генерального штаба генерал-лейтенант Занкевич.

По имеющимся у меня сведениям, вышеозначенный генерал собирает данные о наших судах с целью предложения их к продаже.

Цель нашего пребывания на эскадре — стараться всячески сохранять национальное русское достояние для его законного владетеля — совершенно противоположна стремлениям генерал-лейтенанта Занкевича.

Предлагаю чинам эскадры не оказывать никакого содействия генерал-лейтенанту Занкевичу и командирам запретить вход генералу на корабли без особого на то письменного моего разрешения».

Но на Беренса «нажали», и он был вынужден отменить свой приказ. Кто нажал, точно неизвестно, но возможностей у Клягина было предостаточно, включая барона Врангеля и масонов. Да, да, масонов! А.П. Клягин с 1922 г. и, по крайней мере, до 1936 г. находился последовательно и параллельно в четырех французских масонских ложах — «Каитул Астрея», «Ложа друзей Любомудрия», «Северное Сияние» и «Юпитер». Причем Александр Павлович был не просто членом, а «знаменосцем» и даже казначеем.

В 1923 г. с линкора «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр III») с помощью французских моряков выгрузили 160 выстрелов для 12-дюймовых орудий и 750 выстрелов для 130-мм пушек.

В 1924 г. Клягину французы позволили снимать любые орудия с кораблей, стоявших в Бизерте. Кроме того, в его ведении оказалась, по крайней мере, часть полевой артиллерии, вывезенной Врангелем из Крыма и складированной на Балканах. Клиентами компании «Etablissmeurs A. Klaguine» были Эстония, Финляндия, Литва, Румыния, Югославия, Турция, Иран, Бразилия, Уругвай, Колумбия и другие страны.

Так, например, в 1926 г. Клягин заключил сделку с правительством Латвии на поставку трех корабельных пушек Кане: одной 152/45-мм с 300 выстрелами и двух 120/45-мм с 1100 выстрелами. Орудия и боекомплект погрузили на судно «Елин» и отправили в Латвию. Однако по пути 25 июля 1927 г. у португальских берегов на борту начался пожар, и «Елин» затонул со всем грузом в 200 милях от Португалии.

Клягин решил поставить новые орудия взамен затонувших. Причем он предложил латвийскому Управлению вооружения иные системы: два 130/55-мм орудия с боекомплектом 1100 выстрелов, а также десять пулеметов Виккерса. Судя по всему, речь идет не о малокалиберных пулеметах Виккерса, а о 40-мм автоматах. 23 марта 1928 г. латыши согласились. К концу 1928 г. все пулеметы были доставлены в Ригу.

А со 130-мм пушками вышла заминка, поскольку французские власти запретили разрезать корпус линкора «Генерал Алексеев» для снятия орудий, пока не снят весь боезапас. Хотя к этому времени Клягин купил весь линкор.

Поэтому Клягин предложил Латвии две 130-мм пушки заменить на шесть русских 42-линейных (107-мм) пушек образца 1910 г. В сентябре 1928 г. их по железной дороге доставили в Ригу.

Летом 1931 г. Клягин предложил Латвии купить еще четыре 42-линейные пушки обр. 1919 г., но латыши отказались. Тогда Александр Павлович всучил их Финляндии. Одна их этих пушек (№ 8446) в настоящее время экспонируется в музее артиллерии в Замеенлинна. Есть информация, что эта пушка использовалась финнами в «зимней войне» и сделала 5379 выстрелов.

Кроме того, шесть 130/55-мм пушек Клягин продал Эстонии.

20 февраля 1932 г. представитель фирмы «Etablissmeurs A. Klaguine» в Латвии инженер А. Петерсонс обратился в латвийское Военное министерство с заявлением о том, что у фирмы появилась возможность поставить 130/55-мм морские орудия.

Однако денег у Латвии не было. Тогда Клягин предложил поменять две 130/55-мм пушки с «Генерала Алексеева» на имевшиеся у латышей четыре 7,7-см германские пушки «обр. 1916» с боекомплектом.

16 июля 1932 г. латыши заключили с фирмой «Etablissmeurs A. Klaguine» договор (№ 5) на замену четырех немецких полевых пушек с боекомплектом на две 130-мм пушки Виккерса и 1100 снарядов к ним со сроком исполнения до 1 августа 1933 г. И уже в начале декабря 1932 г. из Антверпена в Ригу прибыл пароход «Schwalbe» с четырьмя станками и установочными частями 130-мм пушек. А стволы через три дня доставил пароход «Tiber».

А зачем Клягину потребовались 7,7-см полевые пушки? Судя по всему, он решил их перепродать в Южную Америку, где с сентября 1932 г. по май 1934 г. шла война между Колумбией и Перу.

В 1932 г. Клягин купил в Польше три 8,8-см германские зенитные пушки фирмы «Рейнметалл» «обр. 1916» и перепродал их Колумбии.

В том же году из Бизерты в Колумбию были отправлены две 130/55-мм пушки. Они вошли в состав береговой обороны порта Буэнавегура на Тихом океане. Возможно, это были пушки с линкора «Генерал Алексеев», хотя 130-мм орудия имелись и на других судах Бизертской эскадры.

Прошу прощения у читателя за излишние технические подробности. Но это пока все, что мне удалось найти о деятельности великого «торговца смертью» Александра Клягина. Конечно, это всего лишь вершина огромного

айсберга, размеры подводной части которого можно оценить, пробравшись в секретные фонды французских архивов.

Когда Клягин принял французское гражданство, мне установить не удалось. Но, во всяком случае, он уже с 1918 г. был связан с французской разведкой, а спецслужбы столь «свободной» страны ревностно охраняют свои тайны даже столетней давности.

Но вот грянула Вторая мировая война. Естественно, Александр Павлович не мог пропустить свой звездный час. Но, увы, и здесь о его деятельности известно крайне мало.

При активном участии Клягина французские спецслужбы провели секретную операцию. В январе 1940 г. в Норвегию отправляются три судна — «Джульетта», «Карл Эрик» и «Нина». Они везут груз зерна. Рутинная торговая сделка. Но под тоннами пшеницы в трюмах находятся двенадцать 305-мм пушек с линкора «Генерал Алексеев», каждая весом 85 тонн. Кстати, эти орудия — личная собственность гражданина Франции месье Клягина. Пушки предназначались для Финляндии, воевавшей с СССР.

«Джульетта» и «Карл Эрик» сумели разгрузиться в Норвегии, и восемь 305-мм орудий были отправлены в Финляндию. В 1941—1942 гг. финны установили их на береговых батареях и трех советских железнодорожных артустановках ТМ-3—12, захваченных в ноябре 1941 г. на полуострове Ханко.

Третье судно «Нина» с четырьмя орудиями в апреле 1940 г. было захвачено в Норвегии немецкими десантниками. Эти орудия немцы передали фирме Круппа. Там для них были спроектированы новые снаряды и заряды. Полубронебойный немецкий снаряд весил 405 кг и имел максимальную дальность стрельбы 32 км, а легкий дальнобойный фугасный снаряд весил 250 кг и имел дальность стрельбы 51 км.

Пушки получили немецкое название 30,5 cm K.14(r). Там же, на заводе Круппа, для них были изготовлены одноорудийные башенные установки типа С. 40.

Решение о строительстве береговой батареи на острове Гернси с четырьмя 30,5-см пушками K.14(r) было принято на совещании у Гитлера 18 октября 1940 г. Работы над установкой 30,5-см орудий на острове Гернси начались весной 1941 г. Все четыре пушки прибыли в порт Сен-Питер на острове Гернси 29 ноября 1941 г.

305-мм батарея русских пушек, получившая название «Мирус», держала под контролем западные подступы к Ла-Маншу до 8 мая 1945 г. Причем 12 августа 1944 г. 305-мм пушки «Мируса» отбили нападение британского линкора «Родней», вооруженного девятью 406-мм пушками.

Куда меньшую известность, чем 305-мм пушки «Мируса», получили девять клягинских 130/55-мм пушек, установленных на германских береговых батареях Вест-Фьорда в Норвегии. Эти орудия немцы именовали 13 cm L/55(r).

Кроме того, в Заполярье в Норвегии на батарее «Тананес» («Тана») были установлены еще три 13 cm L/55(r).

Уже в 1950-х годах французские власти стали скрывать факты сотрудничества своих граждан с германскими оккупационными войсками. Тем не менее известно, что французскоподданный Клягин успешно сотрудничал с организаций Тодта в строительстве Атлантического вала. Кроме того, его фирма вела подъем боевых кораблей, затопленных французами, не желавшими отдавать их немцам. Клягин поднимал суда и перепродавал их Кригсмарине.

После ухода немцев Клягин был арестован французскими властями по обвинению в коллаборационизме (сотрудничестве с фашистами) и просидел несколько месяцев в тюрьме.

1 марта 1952 г. А.П. Клягин скончался и был похоронен на самом престижном русском кладбище в Париже Сент-Женевьев-де-Буа.

Так весело и интересно жила наша эмигрантская элита.

Ну а что делали оставшиеся? Помните, о них писал Иван Бунин в книге «Дни окаянные»: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Мурома, Чудь белоглазая...»

А они, «скуластые», на собранные по копейкам деньги закупали грузовые суда в Европе взамен угнанных Врангелем и адмиралом Старком на Тихом океане. «Атавистические особи» строили Магнитку, Днепрогэс, Волховстрой. Александр Мокроусов воевал на Арагонском фронте в Испании, Иван Папанин осваивал Арктику. Да и мой дед, инженер-путеец Василий Дмитриевич Широкорад, в 1920-е годы восстанавливал старые и строил новые железные дороги на Украине, а в 1930-х годах работал при

советском торгпредстве приемщиком на заводах Круппа и «Рейнметалл». Что принимал — молчал до смерти. Вернувшись из Германии, он работал в «почтовом ящике» на оборонку. Все это общеизвестно. Хотя многие сейчас хотят, чтобы наша молодежь забыла своих отцов и дедов, и ее идеалами стали бы Колчак, Врангель, Клягин и К°.

Глава 11
ПОЧЕМУ ПАЛ СЕВАСТОПОЛЬ

В 1945—1960 гг. главной причиной поражений 1941 года наши историки считали внезапное нападение вермахта и численное превосходство противника в самолетах, танках и артиллерии. С 1962 г. Хрущев и К° объявили, что во всем виноват Сталин. Он-де, вопреки мнению Хрущева и К°, не привел в боевую готовность западные военные округа и вообще первую неделю войны провел на даче и даже никого не принимал.

Но вот в 1990—2014 гг. опубликовали секретные документы 1941—1945 гг., и ложь Хрущева и записных антисоветчиков типа Солженицына стала очевидной.

В Японии есть хорошая пословица: «Похвала поверженному врагу есть самая тонкая лесть самому себе». А у нас до сих пор снимают кинофильмы, где старшина-инвалид и пятеро девушек уничтожают и берут в плен целую роту немецких парашютистов. Да еще и в Карелии, где германских парашютистов не было и быть не могло.

Наши горе-историки до сих пор не могут признать очевидного факта. По крайней мере в 1939—1942 гг. германские генералы и солдаты были лучшими в мире. И честь, и слава нашим солдатам, включая моего отца, ушедшего на фронт добровольцем, победившим такого страшного и сильного врага!

С середины 1920-х годов и до 22 июня 1941 г. все наши планы войны на море свелись к тому, что флоты Англии и Франции войдут в Балтийское и Черное моря и в лоб атакуют Кронштадт и Севастополь. Соответственно японский флот займется Владивостоком.

Однако на подходах к нашим главным военно-морским базам противника встретит «москитный флот» — сотни торпедных катеров, большинство из которых будут управляться по радио с самолетов. Одновременно линкоры

и крейсера супостата подвергнутся атаке сотен наших самолетов и десятков малых подводных лодок.

Уцелевшие корабли противника будут встречены огнем нашей береговой артиллерии на специально подготовленных «минно-артиллерийских позициях».

И лишь после того, как большинство вражеских кораблей будет потоплено, из базы вылетят наши надводные корабли и блестяще закончат разгром противника.

Именно так, я вовсе не шучу, виделась нашим адмиралам будущая война на море. Заниматься всякими там глупостями, как-то: действия на вражеских коммуникациях, десантные операции, огневая поддержка приморских флангов сухопутных войск, — в большинстве случаев руки не доходили.

К 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел в строю и ремонте 1 линкор, 5 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 44 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 12 тральщиков, 78 торпедных катеров, 24 охотника за подводными лодками.

Кроме того, в составе Черноморского флота было три транспорта и 33 буксира.

Торговый Азово-Черноморский флот состоял из 102 судов общей вместимостью 191 030 брт и 17 наливных судов общей вместимостью 125 336 брт.

Сразу же после начала Великой Отечественной войны Черноморский флот стал пополняться катерами морпогранохраны НКВД, а также торговыми и рыболовецкими судами. Всего к 18 июля от погранохраны было принято 94 катера, а от гражданских ведомств — 147 судов.

В составе флотской авиации находилось 625 самолетов, из них 167 — гидросамолеты. (По другим данным, всего было 624 самолета, из них 138 бомбардировщиков, 346 истребителей, 140 разведчиков.)

Командованию Черноморского флота подчинялась Дунайская речная флотилия, созданная летом 1940 г. в дельте Дуная после занятия советскими войсками Бессарабии. К 22 июня 1941 г. в состав флотилии входили: 5 мониторов («Ударный», «Железняков», «Ростовцев», «Мартынов», «Жемчужин»), 2 канонерские лодки («Буг» и «Днестр»), 22 бронекатера проекта 1125, 7 катеров-тральщиков, отряд глиссеров и несколько вспомогательных судов.

Помимо того, в состав Дунайской флотилии входили 96-я отдельная авиаэскадрилья (6 истребителей И-154 и 8 истребителей И-15).

Советскому флоту противостоял слабый румынский флот. Он состоял из четырех эсминцев итальянской постройки, одной (!) подводной лодки «Дельфинул», трех торпедных катеров, двух минных заградителей водоизмещением 812 т и трех малых канонерских лодок водоизмещением 440 т.

Зато на Дунае в составе румынской флотилии имелось семь мониторов постройки 1905—1915 гг. Для охраны побережья и дельты Дуная румыны располагали примерно 25 катерами водоизмещением от 3,5 до 50 т.

Спору нет, что и малые флоты, как, например, финский в 1941—1944 гг. или израильский в 1973 г., могут наносить ощутимые удары более сильному противнику. Но румыны — неважные моряки, это говорили и их союзники немцы. Они нерешительно действовали и в Первую, и во Вторую мировые войны.

Еще в 1940 г. румыны приступили к постановке минных заграждений вблизи своих портов, о чем они опубликовали официальное сообщение в печати 7 июля 1940 г. и 20 февраля 1941 г. Наконец, с 15 по 19 июня 1941 г. два румынских эсминца, минный заградитель «Адмирал Мурджеску» и транспорт «Кароль I» поставили в районе Констанцы минное заграждение из шести частей (всего около тысячи якорных мин и более 1800 минных защитников германского и британского производства).

Забегая вперед, скажу, что сообщения румынских газет командование Черноморского флота проигнорировало, а постановку у Констанцы прошляпило.

Флот Болгарии был еще меньше крошечного флота Румынии. В его составе не имелось ни подводных лодок, ни эсминцев, а самыми крупными кораблями были три патрульных судна типа «Храбрый» постройки 1906—1908 гг. водоизмещением 100 т, со скоростью 17 узлов, вооруженных двумя 47-мм пушками и двумя торпедными аппаратами каждый.

Итак, впервые за два века Черноморский флот фактически остался без противника на море. Наши адмиралы в Москве и в Севастополе были крайне растеряны. Ведь они с начала 1920-х годов готовились к отражению атак британского «Гранд флита» с десятками линкоров, крейсеров и авианосцев.

3 июня 1942 г. советские граждане услышали голос Юрия Левитана, зачитывавшего в Свердловске сводку Совинформбюро, в которой говорилось об

оставлении города Севастополя: «Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132 и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4, 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений...

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 чел. убитыми, 21 099 — ранеными, 8300 — пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы».

Все вышесказанное было абсолютной ложью. Однако я не собираюсь ёрничать по этому поводу, оставляю это нашим либералам. На войне лгали все — и немцы, и особенно наши заклятые друзья англичане и американцы. Так что сводка Совинформбюро была составлена правильно. Так было надо.

Но беда для страны, когда дезинформацию военного времени через полвека превращают в святую истину.

В первые 10 лет причиной сдачи Севастополя считалось многократное превосходство противника в самолетах, танках, артиллерии и живой силе. Увы, это тоже было ложью. Так, к примеру, полчища германских танков, слонявшихся по Крымскому полуострову, сбиваясь в стада по 300—400 машин, существовали лишь в мемуарах наших генералов, того же П.И. Батова. На самом деле, когда 11-я армия генерал-полковника Манштейна ворвалась в Крым, у него не было ни одного танка и один (!) 190-й дивизион самоходных установок — восемнадцать 7,5-см машин StuG.III. Ну а у советских войск, оборонявших Крым, имелось 10 танков Т-34 и 56 плавающих танков Т-38.

В начале же июня 1942 г. защитники Севастополя располагали 47 танками (Т-34, БТ-7, Т-26, Т-37, Т-27) и 7 бронемашинами. Ну а у немцев имелось не 450 танков, как до сих пор пишут наши историки, а 17 трофейных французских танков В-2 и четыре трофейных танка КВ, а также два дивизиона (190-й и 197-й) штурмовых 7,5-см орудий.

А как же германская 22-я танковая дивизия, указанная в сводках Информбюро и во всех мемуарах наших военачальников? Ни один ее танк никогда не был под Севастополем. 22-я танковая дивизия прибыла в апреле 1942 г. по железной дороге на Керченский полуостров. А после полного разгрома советских войск в Керчи ее с 21 по 24 мая 1942 г. отправили в 17-ю армию.

22-я дивизия вела боевые действия в районе Ростова-на-Дону, а позже — на Кавказе.

Года три назад один весьма компетентный доктор наук, профессор Военно-морской академии опубликовал труд, в котором связывал падение Севастополя с отсутствием достаточного количества транспортов для снабжения Севастопольского оборонительного района (СОР) боеприпасами и продовольствием. Я проверил цифры, они в основном верны, не учтены лишь сотни малых судов. Но, увы, трагедия Севастополя имела совсем иные причины.

Как уже говорилось, советские военморы, начиная с 1920-х годов, готовились исключительно к оборонительной войне с британским, а на Дальнем Востоке — с японским флотами. Боевые действия на Черном и Балтийском морях должны были проходить по одному и тому же сценарию: «Гранд флит» пытается атаковать главную советскую военно-морскую базу, то есть Севастополь или Кронштадт. Поэтому наши моряки заранее выставили перед своими базами тысячи якорных мин. Супостат, нарвавшись на них, останавливается, и тут подвергается массированной атаке советской авиации, торпедных катеров и подводных лодок. Ну а в последний момент из главной базы флота выходят наши крупные надводные корабли и довершают разгром «Гранд флита».

В результате на 22 июня 1941 г. в составе Черноморского флота подводных лодок имелось больше, чем во всем кригсмарине, а торпедных катеров — в два раза больше. Флотских истребителей было больше, чем в польских ВВС к 1 сентября 1939 г. Беда в том, что наши торпедные катера и истребители действовали в радиусе около 100 км от главной базы и не могли атаковать воздушные цели у берегов Румынии, Турции и Кавказа.

Весь мир — Англия, США, Германия, Япония и другие страны — строил мореходные килевые торпедные катера. А у нас компания из ЦАГИ — Туполев и Некрасов, монополизировавшие строительство торпедных катеров, проектировали все новые и новые легкие и немореходные торпедные катера реданного типа. Замечу, что германские торпедные катера успешно действовали во всей акватории Северного моря, а с августа 1944 г. — по всему Черному морю. Наши адмиралы были крайне удивлены, когда германские катера, базировавшиеся в районе Феодосии, стали топить наши корабли у берегов Кавказа между Поти и Батуми.

Во всем мире, даже в Польше, к 1939 г. делались двухмоторные дальние истребители. Исключение представлял только СССР. Я допускаю, что без

дальних истребителей могла обойтись фронтовая сухопутная авиация. Но для флота они были нужны как воздух. А, может, наши конструкторы не сумели создать двухмоторный дальний истребитель? Нет, было несколько опытных образцов, включая истребитель Петлякова. Однако наши адмиралы не соизволили заказать дальних истребителей. И Петлякову было велено переделать свой истребитель в пикирующий бомбардировщик, получивший индекс Пе-2. Пикировщик из Пе-2 получился неважный. В 1941 г. спохватились и на базе Пе-2 сделали дальний истребитель Пе-3, но тут бравые генералы решили его использовать в качестве бомбардировщика в битве под Москвой. Пе-3 сопровождал транспортные самолеты с VIP-персонами и т.д.

На Черном же море до падения Севастополя дальних истребителей не было. Замечу, что после падения Севастополя были попытки использования в качестве дальних истребителей бомбардировщиков Пе-2 и других типов. За неимением лучшего посылали даже гидросамолеты МБР-2 для перехвата германских и румынских «летающих лодок».

В мае—июне 1940 г. вермахт лишил наших военморов главной страшилки — британского Гранд флита. И тут московские адмиралы лихорадочно начали подыскивать себе нового достойного супостата. Придумывать новые планы борьбы со слабейшим противником было несподручно. И вот кто-то надоумил наркома ВМФ Кузнецова и начальника Главного морского штаба Исакова, что новым супостатом на Черном море может стать итальянский флот. Он пройдет Проливы и атакует Севастополь по заранее утвержденным в Москве планам, заменив таким образом Гранд флит.

Увы, к 22 июня 1941 г. англичане потопили или вывели из строя около трети итальянского флота. Мало того, итальянский флот не справлялся со снабжением своей армии в Ливии и даже не мог защитить свои города, включая Геную, от обстрелов британских линкоров. Дуче умолял фюрера о помощи авиацией и подводными лодками, без которых итальянский флот мог потерпеть катастрофу во второй половине 1941 г. Понятно, что ни о какой посылке итальянских кораблей в Черное море не могло быть и речи. Правда, в апреле 1942 г. итальянцы послали в Крым несколько диверсионных катеров и сверхмалых подводных лодок. Больше Супермарине выделить физически не могло.

Следует заметить, что турецкое правительство, возглавляемое премьером Иненю, смертельно боялось ввязываться в войну. Проход любых боевых судов через Проливы автоматически делал Турцию участницей войны. Поэтому до 1945 г. турки не допускали прохода через Проливы военных судов специальной постройки.

22 июня 1941 г. в наших военно-морских штабах ситуация сложилась, как в гоголевском «Ревизоре». Все боялись ревизора, все ждали ревизора, и любой слух о нем автоматически становился реальностью.

Надо ли объяснять, почему наши адмиралы приняли сброс пятью Хе-111 парашютных магнитных мин рано утром 22 июня в Севастопольских бухтах за парашютный десант «а ля Крит».

Участник боев за Крым генерал П.И. Батов пишет: «У меня сохранилась выписка из разведывательных и других штабных документов того времени. Чего тут только нет! 22 июня: в Констанце готовится десант... авиаразведкой обнаружены 10 транспортов противника... направление на Крым. 24 июня: на траверзе Шохе обнаружена подводная лодка... концентрация судов в районе Констанцы свидетельствует о подготовке десанта... на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов. 27 июня: итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе»[1].

Десантобоязнь дошла до маразма. Нарком Н.Г. Кузнецов сообщил командующему Черноморским флотом Ф.С. Октябрьскому, что к Батуми движется эскадра с большим десантом, и там начали срочно готовиться к обороне.

В районе Туапсе 8 июля 1941 г. 157-я стрелковая дивизия, занявшая оборону на берегу в ожидании десанта, открыла огонь из полевой артиллерии по транспорту «Громов», совершавшему обычный рейс по маршруту Туапсе — Новороссийск.

В первые же часы войны по приказу командующего Черноморским флотом адмирала Октябрьского перед всеми военно-морскими базами от Одессы до Батуми были выставлены дозоры из надводных кораблей, катеров и подводных лодок. Замечу, что эти дозоры стояли там почти полгода.

В начале июня 1941 г. Октябрьский, ссылаясь на разведку флота, доложил наркому Кузнецову, что в Черное море вошли 10—12 германских подводных

[1] *Батов П.И.* В походах и боях. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984. С. 12—13.

лодок. Тот не мудрствуя лукаво 7 июня приказал Военному Совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском проливе для недопущения прохода подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены два торпедных катера и три самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей.

Адмиральские страхи и установка противолодочных сетей не остались незамеченными для младшего командного состава. С 22 июня на флоте началась «перископомания». Уже 24 июня в 11 ч. 30 мин. и в 13 ч. 20 мин. канонерская лодка «Красная Армения» была дважды «атакована» подводной лодкой противника. 25 июня в 11 ч. 15 мин. у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста. Всего за первые 3 месяца войны было потоплено не менее 15 вражеских подводных лодок.

Пока надводные корабли героически боролись с итальянскими и германскими подводными лодками, наши подводники почти весь 1941 год ожидали у Севастополя и кавказских портов появления итальянских линкоров и крейсеров. Всего с этой целью подводные лодки Черноморского флота в 1941 г. совершили 84 боевых похода, длившихся в общей сложности 730 суток. То есть круглосуточно поиск итальянцев вели несколько подводных лодок.

Но, увы, повезло обнаружить вражеский линкор только подводной лодке М-111 23 сентября 1941 г., находившейся на позиции в 20 милях от Севастополя. Воспользовавшись темнотой, линкор шел к Севастополю — не иначе как собирался повторить набег «Гебена». Наша лодка выпустила торпеду, но она прошла рядом с бортом вражьего корабля. Командир лодки старший лейтенант А.А. Николаев был страшно огорчен. Но по прибытии в базу его вначале пробрал холодный пот, а потом охватила нечаянная радость. Оный линкор оказался транспортом «Восток», да еще с несколькими сотнями бойцов на борту.

Но самым страшным и непоправимым последствием войны с «итальянским флотом» стала установка минных заграждений возле своих же баз в районах Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе и Батуми. Всего с 23 июня по 21 июля для создания оборонительных минных заграждений было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более 73 % имевшихся на флоте морских якорных мин и более половины минных защитников.

На этих минах только за первые 12 месяцев войны погибло 18 боевых и транспортных судов Черноморского флота, и около десятка судов получили тяжелые повреждения. Среди погибших были эсминцы «Смышленый» и «Дзержинский», а эсминец «Способный», взорвавшийся на своей мине у Севастополя, был отведен в базу, но восстановить его так и не удалось. Только на транспорте «Ленин», подорвавшемся на своей мине у мыса Сарыч, погибло 650 моряков и десантников.

А сколько кораблей противника погибло или было повреждено на минах адмирала Октябрьского? До взятия Севастополя — ни одного! По очень простой причине — их не было: итальянский флот существовал лишь виртуально в головах адмиралов.

Но бедствия от своих мин не ограничились потерей 18 судов. Для прохода наших кораблей в Севастополь в огромном минном заграждении от мыса Евпаторийский до мыса Сарыч (около 4000 мин) было оставлено лишь три узких фарватера. «Недостаточно продуманная система фарватеров, слабое навигационно-гидрографическое обеспечение значительно затрудняли плавание в этом районе своих судов. Кроме того, с декабря из трех оставленных проходов два простреливались немецкой артиллерией, установленной на побережье, поэтому пользовались одним, состоявшим из двух колен шириной 3 мили»[1].

Транспорты и корабли, идущие в Севастополь, должны были проходить по этим фарватерам только в условиях хорошей видимости и в сопровождении тральщиков. В результате боевые корабли и транспорты были вынуждены стоять у кромки минного заграждения по много часов, а иногда до двух суток. И все это под воздействием германской авиации и артиллерии. Время перехода судов с Кавказа в Севастополь возрастало в 2—3 раза. Типичный пример,

[1] *Осташевский Г.* Минные действия на Черном море в 1941 г.; *Батов П.И.* В походах и боях. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984. 1942 гг. Морской сборник № 12/1983.

взятый из совсекретной хроники боевых действий: 28 ноября 1941 г. крейсер «Красный Кавказ», шедший в Севастополь с грузом боеприпасов и маршевым пополнением, не смог пройти фарватером через наше минное заграждение и был вынужден вернуться в Новороссийск.

Положение было отчаянным, и Октябрьский в начале декабря 1941 г. приказал начать траление собственных мин. Для этого в Севастополе была создана специальная группа из минного заградителя «Дооб» и 11 тральщиков, которые под бомбами немцев приступили к тралению. Чтобы не нервировать московских адмиралов, эта операция была скромно названа «расширением фарватера». Однако полностью вытралить собственные мины под Севастополем удалось лишь в... 1953 г.!

Возникает резонный вопрос: а куда смотрели наши разведчики и дипломаты Стамбульского консульства, окна которого выходили на Босфор? Как они проглядели проход итальянского флота? А у них тоже была война — НКВД затеял свару с военной разведкой. А по прибытии в Стамбул новый резидент НКВД «журналист-международник» Леонид Наумов, он же Наум Эйтингон, руководивший покушением на Троцкого, начал борьбу с послом в Турции Сергеем Виноградовым, тоже, кстати, офицером НКВД. Тут не до каких-то итальянцев.

Итак, виртуальный итальянский флот готовил большой итало-германский десант в Крыму. И когда в конце октября 1941 г. войска генерал-полковника Манштейна прорвались на Перекопский перешеек, половина советских дивизий, дислоцированных в Крыму, занимала позиции на побережье полуострова в ожидании итало-германского морского десанта.

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (ненамного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Поти! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос: а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров? Сели бы на

гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

Командование Черноморского флота упустило возможность если не остановить, то нанести большой урон продвигавшимся немецким частям.

Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся вдоль побережья Каламитского залива к Севастополю — вот уж лакомый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но, увы, увы...

Несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1—5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы располагали всего лишь одной авиагруппой торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом обр. 1928 г.: 305-мм пушек линкора «Парижская Коммуна» — 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26 — 38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев — 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Симферополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец, боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Командующий Черноморским флотом решил, что до сдачи Севастополя остались считанные дни. Разумеется, прямо говорить об этом Филипп Сергеевич не рискнул. Зато он приказал вывезти из Севастополя большую часть боеприпасов и $^2/_3$ зенитной артиллерии — два полка и три отдельных дивизиона. В Севастополе остались один полк и два дивизиона зенитной артиллерии.

В результате вместо вывоза раненых, мирных жителей, ненужного для обороны военного имущества, материальных ценностей, экспонатов музеев

и т.д. из Севастополя вывезли тысячи тонн боеприпасов. Причем в кавказских портах их просто некому было разгружать. Тысячи тонн боеприпасов штабелями лежали на причалах Батуми, Поти и других портов до лета 1942 г. Командование люфтваффе и мысли не допускало о такой глупости русских, иначе одной бомбы было бы достаточно, чтобы вызвать детонацию завалов боеприпасов на причалах Батуми и полностью разрушить приморскую часть города.

Между тем в эвакуации флотского боекомплекта из Севастополя не было особой надобности даже в случае сдачи города. Так, в ходе всей войны наши моряки не сумели расстрелять и пятой части имевшегося к 1941 г. боекомплекта 305-, 203-, 180-мм и других снарядов.

С февраля 1942 г. началась обратная перевозка боекомплекта. Причем тех же калибров, которые были вывезены из Севастополя осенью 1941 г. Увы, снарядов в Севастополь везли мало, предпочитая гнать туда десятки тысяч солдат, почти без артиллерии и боекомплекта. В итоге подавляющее большинство батарей Севастополя замолчало не от огневого воздействия противника, а от отсутствия боеприпасов.

А была ли нужда на Кавказе в зенитных орудиях? Увы, в 1941 г. германская авиация бомбила лишь объекты, на которые непосредственно наступали части вермахта. Не стали исключением и порты Кавказа. До весны 1942 г. никаких налетов на Туапсе, Сочи, Поти и Батуми не было! Лишь эпизодически пролетали самолеты-разведчики.

У немцев не так много было бомбардировщиков, чтобы распылять силы, и они сосредоточили их против Севастополя. А что Октябрьский увел флот в порты Кавказа, немцы знали и были этому очень рады. Пусть стоят там и не мешаются.

Ну а если бы в люфтваффе нашелся свой Октябрьский и велел бы в декабре 1941 г. или январе 1942 г. вместо Крыма бомбить порты Кавказа? Так там еще до войны была сравнительно неплохая система ПВО, правда, не флотская, а сухопутная.

В Новороссийске дислоцировался 434-й зенитный артиллерийский дивизион, в Туапсе — 485-й зенитный артиллерийский полк, в Сочи — 371-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в Поти — 365-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, а в Батуми — 8-я бригада ПВО. Я уж не говорю о сотнях зенитных орудий, переданных Черноморскому флоту в

конце 1941—1942 гг. (101 — 85-мм зенитная пушка, 13 — 76-мм английских зенитных пушек, 79 — 37-мм автоматов, 4 — 25-мм автомата, 200 — 12,7-мм пушек ДШК, а также ленд-лизовские 12,7-мм пулеметы: 42 спаренных и 22 счетверенных).

Итак, Октябрьский ухитрился оставить Севастополь без боеприпасов и зениток, а также из-за мин сильно затруднил подход кораблей к осажденному городу.

В свою очередь нарком ВМФ Кузнецов приказал вывести с Черного моря новые наиболее крупные транспортные суда. После прохода Дарданелл половина из них была потоплена немцами. Наркому удалось увести с черноморского театра военных действий в полтора раза больше тоннажа, чем было потоплено немцами с начала войны до падения Севастополя.

Замечу, что особой нужды в транспортах ни на Севере, ни на Тихоокеанском флоте не было. Кузнецов прекрасно знал о заключении соглашения с США, по которому нам поставлялись десятки крупных транспортов типа «Либерти» и др.

До последнего момента Верховное командование требовало любой ценой отстаивать Севастополь, любые разговоры об эвакуации города считались паникерскими с соответствующими последствиями. И вот внезапно, за одну ночь, все руководство обороны Севастопольского района на самолетах и катерах было вывезено на Большую землю. Сам Октябрьский переоделся в гражданскую одежду, а адмиральскую фуражку сменил на засаленную кепку.

В результате бегства начальства организованное сопротивление прекратилось. Немцы и крымские татары устроили бойню деморализованных защитников Севастополя.

Почему же Черноморский флот ничего не сделал для эвакуации защитников Севастополя? Около 100 тысяч закаленных в боях бойцов были пленены или убиты.

А в составе Черноморского флота были сотни плавсредств — плавбазы (только подплав имел 4 большие плавбазы — бывшие грузопассажирские пароходы), тральщиков, сейнеров, буксиров, малых транспортов, различных катеров. Ну а линкор и 4 крейсера могли прикрыть эвакуирующихся огнем своих дальнобойных орудий.

Ах, бдительный Филипп Сергеевич берег корабли от «стервятников» Геринга!

По сему поводу я не поленился заглянуть в донесения советских летчиков. Так, 3 июля 1942 г. отмечалось: «Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий». В ночь на 5 июля три СБ и семь МБР-2 вылетели «для бомбардировки торпедных катеров противника[1] в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа А-IV и сбросили бомбы. Участвовало 8 самолетов, но 2 из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы.

Любопытно, почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже площадные береговые объекты, а немцам якобы метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов, вооруженные двумя 45-мм пушками 21К, успешно вели эвакуацию из Севастополя, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35—40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

Не пора ли трезво взглянуть на вещи? Ради спасения Севастополя можно было пожертвовать даже 80 % кораблей Черноморского флота. Останься Севастополь советским во второй половине 1942 — начале 1943 г., на Черное море по железной дороге можно было доставить сотни подводных лодок типа «М», больших и малых «морских охотников», торпедных катеров, бронекатеров и т.д. Кстати, чуть позже, в 1943—1944 гг., это и было сделано. И сотни кораблей и катеров были доставлены на Черноморский флот с других флотов, от промышленности и по ленд-лизу. Почему произошла задержка? Да не потому, что этих судов не было в наличии, а из-за отсутствия баз у Черноморского флота, откуда они могли бы эффективно действовать.

А вот после сдачи Севастополя Черноморский флот полностью потерял господство на Черном море, забившись в его юго-восточный угол.

---

[1] Речь шла о диверсионных катерах итальянцев, а базировались они не на Ялту, а на Форос.

Глава 12
ПАРТИЗАНЫ И ПРЕДАТЕЛИ

Заняв Крым, немцы и румыны еще до взятия Севастополя приступили к расправам над мирными жителями полуострова. По наиболее вероятной оценке, немцы и их пособники уничтожили в Крыму до 50 тысяч мирных жителей, подавляющее большинство из которых составляли русские и евреи. В 1941—1944 гг. из Крыма в Германию на принудительные работы было вывезено 85,5 тыс. человек, в основном русских. Из них в 1945—1947 гг. вернулось 64 тысячи.

После десантов в Керчи и Феодосии нацисты опасались высадки советских войск в Ялте и 14 января 1942 г. угнали 1300 мужчин в возрасте от 17 до 55 лет в лагерь «Картофельный городок» под Симферополем. К июлю 1942 г., когда ялтинцы были освобождены, более 500 человек погибли от голода и болезней. Кроме евреев, жертвами нацистов в Ялте, по утверждению городской Чрезвычайной Государственной Комиссии, стали около 900 мирных ялтинцев, не считая погибших в «Картофельном городке». Число жертв выведено из объема захоронений.

Захватив город Керчь в ноябре 1941 г., немцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу»[1]. Следующим приказом (№ 2) городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят, рабочий скот. Владельцам домашней птицы и скота было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

По приходе Красной Армии в Керчь в январе 1942 г. при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной 4 м и глубиной 2 м был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков.

---

[1] Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973. С. 199.

Простой перечень преступлений немцев может занять несколько страниц. Разумеется, что на репрессии немцев естественной реакцией было усиление партизанского движения.

Однако к партизанской борьбе советские и партийные органы готовились еще до вторжения немцев в Крым. 23 октября 1941 г. постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) командующим партизанскими отрядами Крыма был назначен А.В. Мокроусов.

Мы уже знаем, что в августе—ноябре 1921 г. он командовал Крымской повстанческой армией, действовавшей в тылу у Врангеля. В 1937—1938 гг. Мокроусов воевал в Испании.

Тем же постановлением комиссаром партизанских отрядов был назначен секретарь Симферопольского горкома партии С.В. Мартынов, а начальником штаба — И.К. Сметанин.

По тому же постановлению председатель совнаркома Крыма выделил 2 млн рублей на партизанское движение.

Ядром многих партизанских отрядов стали оказавшиеся в окружении бойцы и командиры 51-й и Приморской армий. К середине ноября 1941 г. в партизанских отрядах находилось не менее 1315 окруженцев. Среди них 438 командиров и политработников, в том числе генерал-майор Д.И. Аверкин, полковник И.Т. Лобов, подполковник Б.Б. Городовиков, майор И.В. Харченко, капитаны И.Г. Кураков, Н.П. Ларин, Д.Г. Исаев, военкомы А. Аединов, П. Лахтиков, М. Халанский и др.

Естественно, что к командованию партизанскими отрядами Мокроусов привлек своих друзей и соратников по партизанской войне в 1920 г. и в первую очередь Павла Макарова. Увы, среди них не было еще одного героя борьбы с Врангелем — Ивана Папанина, который к тому времени находился «в местах не столь отдаленных». Он стал «хозяином Арктики» — начальником Севморпути.

К сожалению, командование РККА не сумело вовремя составить и издать наставления и руководства для партизанских действий в горах. Поэтому в сентябре—октябре 1941 г. в партизанских отрядах руководствовались воспоминаниями партизан Гражданской войны: «Красные партизаны Крыма» А.В. Мокроусова, «Через море на помощь бойцам Перекопа» И.Д. Папанина, «Адъютант генерала Май-Маевского» и «Лес шумит» П.В. Макарова.

Вооружение партизанских отрядов было достаточно экзотическим. Понятно, что осенью 1941 г. все новое оружие шло на оснащение формируемых дивизий и на пополнение убыли в частях РККА. Поэтому партизанам Крыма было выделено от 5 до 6 тысяч винтовок со складов: польских «Маузер», румынских «Манлихер», английских «Ли-Энфилд», японских «Арисака» и даже старых русских берданок. Кроме того, поступило несколько десятков ручных пулеметов времен Первой мировой войны — английских «Льюис», французских «Шош», а также вполне современных — чехословацких завода «Шкода».

31 октября 1941 г. приказом № 1 Мокроусов объявил организацию пяти партизанских районов, располагавшихся в горно-лесистой местности, и назначил командиров, комиссаров и начальников штабов этих районов. Из партийного и советского актива, из бойцов истребительных батальонов на добровольных началах были созданы 24 партизанских отряда.

1 ноября 1941 г. Макаров стал командиром 3-го Симферопольского партизанского отряда, а комиссаром отряда — С.И. Чукин. В отряде состояло около 120 бойцов.

Три самостоятельных отряда сформировались позже из командиров и бойцов Приморской и 51-й армий, задержавшихся в горах и лесах Крыма при отходе к Севастополю и Керчи. Всего в партизанских отрядах к концу 1941 г. насчитывалось более 3700 человек, в том числе 1315 бойцов и командиров, влившихся в отряды при отступлении армий.

Базы пяти партизанских районов находились в горах и лесах Ялты от Старого Крыма до Балаклавы. В районе Керчи были созданы три отряда, которые базировались в подземельях каменоломен. Продовольствие и другие запасы были рассчитаны на значительно меньшее количество партизан, чем их оказалось фактически. Причем эти запасы не могли быть пополнены за счет населения, поскольку в горно-лесистых районах почти не было населенных пунктов.

Партизанские отряды располагались на очень небольшой территории, что затрудняло им возможность маневрировать. Партизаны не имели топографических карт. Впоследствии они изымали у убитых немецких офицеров советские туристские карты с нанесенной на них обстановкой, вплоть до пастушьих троп.

В послевоенные годы советская пропаганда преувеличивала успехи партизанского движения и постоянно использовала штампы «земля повсеместно горела под ногами оккупантов», «на борьбу поднялись все советские люди», и т.д. Поэтому я обращусь к немецким документам.

Уже 20 ноября командующий германскими войсками в Крыму генерал-полковник Манштейн издал приказ: «Позади фронта борьба также продолжается. Партизанские снайперы, переодетые в штатское, стреляют по отдельным солдатам и мелким подразделениям. Используя методы диверсии, закладывая мины и адские машины, партизаны пытаются нарушить наше снабжение... Они уничтожают посевы и предприятия, безжалостно обрекая на голод городское население»[1].

5 декабря 1941 г. Манштейн направил своему старшему начальнику, главнокомандующему группой армий «Юг», доклад об организации борьбы с партизанами и достигнутых в этом успехах. В докладе говорилось: «Для ликвидации этой опасности (в Крыму, по нашим сведениям, имеется 8 тыс. партизан) нами были приняты решительные меры; иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска (sic!).

В данное время в действиях против партизан принимают участие:

а) штаб по борьбе с партизанами (майор Стефанус); в его задачу входят сбор информации и представление рекомендаций о проведении необходимых мероприятий;

б) румынский горно-стрелковый корпус с 8-й кавалерийской и 4-й горно-стрелковой бригадами;

в) 24-й, 52-й и 240-й истребительно-противотанковые дивизионы;

г) на участке 30-го корпуса: румынский моторизованный кавалерийский полк и подразделения 1-й горно-стрелковой бригады;

д) в Керченских рудниках; саперный батальон и подразделения пехотных полков 46-й пехотной дивизии;

е) на различных горных дорогах выставляются кордоны и используются эскортные команды.

А вот данные из доклада Мокроусова от 21 марта 1942 г.: «Проведено боеопераций всего — 156. Кроме того, провели боев при нападении на отряды

[1] Цит. по: *Диксон Ч.О., Гейльбруин О.* Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 61.

противника при прочесывании — 78. Уничтожено живой силы — 4040 солдат и офицеров. Уничтожено автомашин — 350 с боеприпасами, продовольствием и людьми. Подбито 2 танка, разбито 12 обозов, взорвана 1 мельница, 6 мостов и выведены из строя Бешуй-копи. Снято 10 000 м кабеля телефонного и телеграфного...

В подавляющей своей массе татарское население в предгорных и горных селениях настроено профашистски, из числа жителей которых гестапо создало отряды добровольцев, используемые в настоящее время для борьбы с партизанами, а в дальнейшем не исключена возможность и против Красной Армии.

Деятельность партизанских отрядов осложняется необходимостью вооруженной борьбы на два фронта: против фашистских оккупантов, с одной стороны, и против вооруженных банд горно-лесистых татарских селений»[1].

О роли татар в партизанской войне сейчас идет много споров. Я же привел один бесспорный документ — наставление партизанам для действий в засадах: убивать в первую очередь не германских офицеров, а проводников-татар.

Не менее страшным врагом для крымских партизан, чем немцы и татары, стал... голод. Дело в том, что партизаны действовали в районах с враждебным татарским населением, и надеяться на «самоснабжение» не приходилось. Мало того, крымские татары прекрасно знали почти все базы снабжения партизан и уже при подходе немцев начали их раскапывать и грабить.

«Огромное количество продовольствия завез и очень хорошо укрыл Симферопольский № 3 отряд. Базировали запасы партизаны гражданской войны Макаров и Кособродов, что позволило сохранить 100 % завезенного. Однако уже к концу ноября отряд имел продовольствия только на 1,5 месяца, так как длительное время кормил проходившие через его участок отставшие подразделения Красной армии и флота, а личный состав отряда вырос от 100 до 238 бойцов, в связи с чем уже в декабре начался голод. До марта 1942 г. в так называемом “Лагере смерти” на хребте Абдуга от истощения умерли 53 партизана»[2].

---

[1] Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 217—218.

[2] *Мельничук Е.Б.* Партизанское движение в Крыму (1941—1944 гг.). Кн. 1. «Накануне» (июль—ноябрь 1941 г.). Историческая хроника. Львов: Гриф Фонд, 2008. С. 79.

За первые 11 месяцев 1942 г. общие потери крымских партизан составили 1844 человека, из них 473 человека, то есть свыше 25 %, умерли от голода. Имели место случаи людоедства. Увы, было это и в отряде Макарова. Зимой 1941/1942 г. немцы и татары напали на часть отряда, расположившегося в так называемом «Мокром лагере». Как позже рассказывал разведчик 3-го Симферопольского отряда, впоследствии комиссар 6-го отряда А.А. Сермуль: «Немцы захватили лагерь, в том числе санитарный шалаш (мы жили тогда не в землянках, а строили шалаши), убили раненых, шалаши подожгли и трупы туда побросали. Во время боя от отряда отбилась группа — 4 человека... Они трое суток блуждали по лесу, искали своих, пришли на это погорелое место и от запаха горелого мяса, от голода просто обезумели. Стали ножами резать эти трупы обгоревшие и есть. Может быть, об этом бы никто не узнал, но они еще с собой в отряд части этих трупов притащили. Ну, когда об этом стало известно, Макаров с Чукиным и Шагибовым — начальником разведки — приняли решение расстрелять их»[1].

Несмотря на столь ужасные условия, в которых оказались партизаны по вине татар, разграбивших их склады еще до прихода немцев, наши партизаны предпринимали активные действия. Замечу, что партизаны боролись и с экономическими мероприятиями немцев. Оккупантами было создано главное экономическое управление «Юг», которое руководило экономическим управлением «Днепропетровск», включавшее территорию Днепропетровской и Запорожской областей, Северную Таврию и Крым. В Крыму немцы развернули два экономических филиала — в Керчи и в Севастополе. Но им не удалось восстановить промышленное производство, а сельское хозяйство было восстановлено лишь в незначительной степени.

Согласно докладу крымского отделения СД от 8 апреля 1942 г., «партизаны, деятельность которых по-прежнему остается активной, стали отказываться от нападения на отдельных немецких солдат или одиночные машины и переходить в основном к массированным налетам на деревни и к другим действиям с целью захвата продовольствия»[2].

---

[1] 900 дней в горах Крыма. Воспоминания комиссара партизанского отряда А.А. Сермуля. Симферополь: Таврия, 2004. С. 29.

[2] *Диксон Ч.О., Гейльбруин О.* Коммунистические партизанские действия. С. 69.

Это совпадает с данными других немецких источников. «В ночь с 7 на 8 февраля на Кош было совершено нападение 300 партизан». «9 февраля 150 партизан... ворвались в село Шлия и полностью его разграбили». А несколькими днями раньше партизаны заняли село Казанлы. После чего 500 партизан атаковали Баксан и 200 партизан совершили налет на деревню Бешуй.

В начале 1942 г. командир 30-го корпуса генерал фон Салмут установил точное число заложников, подлежащих расстрелу за каждого убитого или раненого немца или румына: «Все заложники должны быть заключены в концентрационные лагеря. Продовольствием заложников обеспечивает население их деревень. За каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, следует расстреливать 10 заложников, а за каждого раненого немецкого или румынского солдата — одного заложника; по возможности расстрелы производить вблизи места, где был убит немецкий или румынский солдат. Трупы расстрелянных не убирать в течение трех дней.

Аресты заложников в местах, где войск нет (и особенно в горах), должны производиться 1-й румынской горнострелковой бригадой. С этой целью соответствующие пункты должны временно оккупироваться войсками»[1].

Ниже следовали список пунктов расположения концлагерей для заложников, а также подразделений и частей, несущих ответственность за их содержание. Последний параграф приказа Салмута гласил: «Концентрационные лагеря должны быть созданы в нижеследующих пунктах».

Название населенного пункта	Часть (подразделение), ответственное за создание концлагеря
Кучук-Мускомья	124-й пехотный полк
Алсу	1-й румынский горнострелковый полк
Варнутка	266-й пехотный полк
Биюк-Мускомья	105-й пехотный полк
Хайта	14-й румынский пулеметный батальон
Байдары	172-й артиллерийский полк
Сахтик	72-й саперный батальон
Форос	72-й танковый батальон

[1] *Диксон Ч.О., Гейльбруин О.* Коммунистические партизанские действия. С. 186.

Тут следует обратить внимание на два момента. Во-первых, источником являются германские служебные документы, впервые опубликованные в Лондоне в 1954 г., так что ярлык советской пропаганды к ним не пришьешь. Во-вторых, из документа четко следует, что расправы в Крыму вершили не войска СС, которых там тогда вообще не было, а полевые германские и румынские части.

А вот немецкая листовка из того же источника, расклеиваемая в Симферополе: «29 ноября 1941 года было расстреляно 40 мужчин — жителей города Симферополя, что явилось репрессивной мерой:

1) за гибель немецкого солдата, который 22 ноября 1941 года подорвался на мине в районе, о возможном заминировании которого в комендатуру не поступало никаких сведений;

2) за убийство в ночь с 27 на 28 ноября 1941 года немецкого сержанта»[1].

С начала 1942 г. командование Советской армии наладило с партизанами связь по воздуху. Только за период с 7 апреля 1942 г. по 1 октября 1943 г. совершено 507 самолето-вылетов в партизанские отряды Крыма, из них самолетами Ли-2, ТБ-3 — 274 и самолетами У-2 и ПР-5 — 233.

Всего доставлено 270 729 кг груза, в том числе 252 225 кг продовольствия, 600 комплектов обмундирования, 120 автоматов, 5 противотанковых ружей, 4 ручных пулемета ДП, 1980 гранат, 92 563 патрона (разных), 885 мин разных, 3487 кг тола, 54 комплекта радиопитания, 2 комплекта типографий.

За этот же период вывезено из партизанских отрядов 776 человек, из них больных и раненых партизан 747 человек, отозванных 7 человек и 22 ребенка. А в партизанские отряды отправлено 137 человек, из них 78 излечившихся партизан, 30 подрывников, 15 человек партактива, 14 командно-руководящих работников.

Тут нужно отметить умение и мужество летчиков, сажавших неповоротливые ТБ-3 на импровизированные аэродромы партизан. Вот только два примера действий старых четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3 из 325-го тяжелого бомбардировочного полка, базировавшегося в Адлере.

21 июля 1942 г. экипаж майора Ф.А. Жмурова посадил бомбардировщик на партизанский аэродром на Караби-Яйле (восточнее Алуштинского шоссе). Но при взлете произошла авария, самолет сгорел.

В сентябре на партизанском аэродроме сел ТБ-3 капитана Лошадкова. При посадке камнем была пробита покрышка колеса. «Запаски», увы, не

---

[1] *Диксон Ч.О., Гейльбруин О.* Коммунистические партизанские действия. С. 189.

было. Пришлось взлетать на ободе. При этом никто из 23 эвакуируемых не отказался лететь.

Любопытная цитата из письма комиссара П.Р. Ямпольского секретарю Крымского обкома В.С. Булатову от 14 октября 1943 г.: «Досадный случай произошел с танком. Захватили исправный средний танк, далеко отогнали его от места боя, уже близко от леса застряли в балке, танкистов у нас нет, возились до тех пор, пока заклинили моторы. Федоренко принял решение и сжег танк. Уж я ругал его на все корки за такое решение, но танк не вернешь. Теперь перед ним поставлена задача — добыть другой танк вместо этого»[1].

Но наряду с успехами партизанского движения любой объективный историк должен признать и факт использования немцами в Крыму так называемых хиви[2], причем в куда больших масштабах, чем в любой другой области СССР, оккупированной в 1941—1944 гг.

Так, к примеру, осенью 1943 г. оборону побережья от поселка Коктебель до Двуякорной бухты (широкие пляжи и удобные места для высадки, сам исходил эти места) охранял азербайджанский батальон хиви. В его составе было 60 немцев и 1090 азербайджанцев. Батальон имел на вооружении 42 ручных пулемета, 80 станковых пулеметов, 10 батальонных и 10 полковых минометов, а также 16 противотанковых пушек. Тогда же железная дорога от Владиславовки до Ислам-Терека охранялась ротой хиви, состоявшей из 150 грузин.

Однако настоящей опорой вермахта в Крыму стали крымские татары, служившие в хиви, в отрядах самообороны и других подразделениях.

Чтобы привлечь крымских татар и Турцию к борьбе с «большевиками», руководство рейха с лета 1941 г. начало использовать Крым в качестве приманки. В конце лета 1941 г. сотрудники германского посольства в Турции встретились с лидерами крымско-татарской эмиграции. Способствовал положительному решению вопроса о вовлечении крымско-татарской эмиграции в активную германскую политику визит в Берлин в октябре 1941 г. турецких генералов Али Фуад Эрдена (начальник военной академии) и Хусню Эмир Эркилета. В ходе переговоров Али Фуад высказал надежду, что после окончания военных

[1] Крым в период Великой Отечественной войны. С. 283.

[2] Hiwi — сокращенное от Hilfswillige (добровольные помощники). Так немцы называли советских граждан, сотрудничавших с оккупантами.

действий в Крыму будет сформирована администрация, в которой бы в значительной степени участвовали крымские татары. Это, в свою очередь, могло сильно повлиять на турецкое правительство в пользу решения о вступлении Турции в войну на стороне Германии.

Красноречиво заявление активного члена прогерманской группы в Турции Нури-паши (брата Энвер-паши): «Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы тем больший отклик»[1].

Необходимо отметить имевшую место двойственность в германской пропаганде по «восточному вопросу». С одной стороны, вторжение в СССР началось под лозунгом «уничтожения большевистско-азиатской бестии», и в этом направлении строилась пропаганда. Среди германских солдат в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат различных азиатских национальностей и следующим текстом: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» Органами пропаганды СС в качестве справочного пособия для немецких войск были издана брошюра «Недочеловек» («Der Untermensch»). Солдат призывали смотреть на местное население как на вредных микробов, которых нужно уничтожить. Народы Востока именовались в брошюре «грязными монголоидами, скотскими ублюдками».

Но, с другой стороны, именно по отношению к так называемым восточным народам германское командование требовало на местах проявлять максимум уважения. Так, Манштейн 20 и 29 ноября 1941 г. издал два приказа, в которых требовал уважительного отношения к религиозным обычаям татар-мусульман и призывал не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения.

Важным элементом в координации работ верховного командования вермахта, Министерства иностранных дел и репрессивных структур по вовлечению крымских татар в антисоветскую борьбу стало создание представительства Министерства иностранных дел при штабе 11-й армии в Крыму.

---

[1] *Ефимов А.В.* Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг. «Российская община Севастополя», май 2002 г.

Обязанности представителя исполнял ведущий сотрудник МИДа майор Вернер Отто фон Хентин.

Немецкая пропаганда принесла свои плоды. Из мобилизованных в Красную Армию в июле—августе 1941 г. 90 тысяч жителей Крыма 20 тысяч были татары. Все они вошли в состав 51-й армии, действовавшей в Крыму, и при отступлении почти все дезертировали.

После оккупации Крыма немцы организовали пункты вербовки крымских татар в германскую армию и местные военизированные формирования. Работа вербовочных комиссий завершилась в феврале 1942 г. В итоге в 203 населенных пунктах было зачислено в татарские добровольческие формирования около 6 тысяч человек и в пяти лагерях для военнопленных около 4 тысяч человек (в Николаеве 2800 чел.), всего около 10 тысяч добровольцев. К 29 января 1942 г. в германскую армию рекрутировано 8684 крымских татар, а остальные были разведены по маленьким группам по 3—10 человек и распределены между ротами, батареями и другими войсковыми частями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове.

По данным Симферопольского Мусульманского комитета, старосты деревень организовали еще около четырех тысяч человек для борьбы с партизанами. Кроме того, около пяти тысяч добровольцев должны были позже отправиться для пополнения воинских частей. Согласно германским документам, при численности населения Крыма около 200 тысяч человек крымские татары дали германской армии 20 тысяч. Если учесть, что около 10 тысяч человек были призваны в Красную Армию, то можно считать, что все боеспособные татары в 1942 г. были полностью учтены[1].

Было сформировано 14 татарских рот «самообороны» общей численностью 1632 человека, вскоре эти роты были преобразованы в десять батальонов по 200—250 человек каждый. Батальоны эти использовались для несения караульной службы, охраны тюрем, объектов СД, в операциях против партизан.

147-й и 154-й татарские батальоны дислоцировались в Симферополе, 148-й — в Карасубазаре, 149-й — в Бахчисарае, 150-й — в Старом Крыму, 151-й — в Алуште, 152-й — в совхозе «Красный» (лагерь СД), 153-й — в Джанкое, 155-й — в Евпатории, 156-й — в Ялте.

[1] Там же.

С началом оккупации Крыма нацистская служба безопасности (СД) сразу же создала Мусульманский комитет, а затем на его базе Татарский комитет с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелял Абдураимов. Комитет имел шесть отделов: по комплектованию добровольцев для немецкой армии; по оказанию помощи семьям добровольцев; культуры; религии; пропаганды и агитации; административно-хозяйственный и канцелярия. В некоторых городах и населенных пунктах были созданы также местные комитеты.

Для организации прогерманского самоуправления в Крыму немецкие власти привезли из Турции престарелого Джафара Сейдамета — министра иностранных дел в «Крымском краевом правительстве» 1918 г. В дальнейшем для образования более солидной администрации германское руководство намечало последнего хана крымских татар Султан-Гирея[1].

У Татарского комитета имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым», редактор Мустафа Крутыев) и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»), которые агитировали за создание татарского государства под протекторатом Германии.

Что же писал «Освобожденный Крым»? Вот, например, 3 марта 1942 г.: «После того как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру-эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру-эфенди».

В этом же номере: «Великому Гитлеру — освободителю всех народов и религий!» 2 тысячи татар деревни Коккозы и окрестностей «собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

[1] См. *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 208.

20 марта 1942 г. «Совместно со славными братьями — немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т.д. и т.п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную и блестящую задачу».

А вот перл от 10 апреля 1942 г.: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом. Президиум Мусульманского Комитета»[1].

Как мы видим, у Горбачева с его пресловутыми «общечеловеческими ценностями» был достойный предшественник.

Просвещенные арийцы в апреле 1942 г. вдруг серьезно озаботились состоянием сельского хозяйства и животноводства татарского населения. Под Евпаторией с этой целью были созданы курсы овцеводов, а под Ялтой — курсы виноградарей. На этих курсах молодые татары учились стричь овец, выращивать виноград, водить все типы автомобилей, прыгать с парашютом, стрелять из всех видов стрелкового оружия, а также шифровальному делу и многому другому, видимо, столь необходимому в крестьянской жизни. Но, увы, когда эти просвещенные юноши появлялись за линией фронта, их хватали злодеи

[1] По данным Влады Селиной «За что Сталин выселял народы» // Материалы сайта: http://www.rusich.by.ru/history/deptatar.htm

из НКВД. Думаю, что сейчас все эти невинно репрессированные овцеводы и виноградари посмертно реабилитированы.

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне—июле 1942 г. Вот что пишет по этому поводу севастопольский историк капитан 2-го ранга И.С. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В.К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя, все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту»[1].

«В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе "картофельное поле" дошла только половина пленных. Остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар»[2].

«В Судакском районе группа самообороны привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо. Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода»[3].

Хватит. Думаю, и сказанного вполне достаточно.

Летом 1942 г. взятие Севастополя и выход Паулюса к Сталинграду вскружили головы заправилам рейха, и многие из них стали предлагать избавиться от татарских союзников: «Мавр сделал свое дело...»

В июне 1942 г. крупный чиновник Альфред Фрауенфельд направил на имя Гитлера обширный меморандум о будущем устройстве Крыма, в котором предлагал переселить в Крым немцев из Южного Тироля. 2 июля Гитлер заявил, что считает это предложение весьма полезным. Также предполагалось разместить на полуострове 140 тыс. немцев из Трасистрии и 2 тыс. немецких

---

[1] *Манюшин И.С.* Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. С. 141—142.

[2] *Манюшин И.С.* Героическая трагедия. С. 190.

[3] *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 209.

переселенцев из Палестины, однако затем было решено использовать заднестровских немцев.

В предложениях о преобразовании Крыма в 1942—1943 гг. недостатка не было. Так, руководитель Трудового фронта и шеф организации «Kraft durch Freude» Роберт Лей предлагал переоборудовать Крым в гигантский курорт для немецкой молодежи.

Для обоснования исконной принадлежности Крыма Германии А. Фрауенфельд в июле 1942 г. организовал археологическую экспедицию под руководством бригадефюрера СС фон Альвенслебена и армейских офицеров полковника Калька и капитана Вернера Баумельбурга. Они провели обследование окрестностей Бахчисарая и средневековой крепости Магнул-Кале.

5 июля 1942 г. состоялось совещание командования вермахта и полиции, где обсуждался вопрос о методах выселения из Крыма расово «неполноценных» жителей. Решено было создать специальные лагеря для проведения «расового обследования» населения[1].

К июлю 1942 г. германское руководство окончательно отказалось от своих планов предоставления крымским татарам самоуправления. 27 июля в ставке «Вервольф» за ужином Гитлер заявил о своем желании «очистить» Крым.

Нежелание турецкого руководства вступить в войну на стороне Германии стало основанием для прекращения обсуждения вопросов о будущем статусе тюркских народов, проживавших на оккупированных территориях Советского Союза. И на крымских татар перестали смотреть как на связующее звено в германо-турецких отношениях.

В 1970—1980-х годах ряд русских «диссидентов», разоблачая «сталинские преступления», доказывали нам, что, дескать, не все татары служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что же, теперь немцев записывать в наши союзники по Второй мировой? Давайте посмотрим конкретные цифры.

Обратимся к данным «демократического» историка Н.Ф. Бугая: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по при-

[1] *Ефимов А.В.* Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг. // «Российская община Севастополя», май 2002 г.

близительным данным, более 20 тыс. крымских татар»[1]. То есть практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблаговидное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании («Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов»)[2].

А сколько же крымских татар находилось среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и... 6 татар[3].

На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских — 1944, украинцев — 348, татар — 598[4]. Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 г., среди партизан было: русских — 2075, татар — 391, украинцев — 356, белорусов — 71, прочих — 754[5].

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр — 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

В связи с наступлением Красной Армии с октября 1943 г. лидеры татарских националистов начинают покидать Крым. В ходе эвакуации с полуострова вместе с немецкими частями в марте—апреле 1944 г. выехало не менее трех тысяч крымских татар. Большая часть из них, как и беженцы 1943 г., осела в Румынии, некоторым разрешено было перебраться в Германию.

Вывезенные из Крыма в Румынию татарские подразделения в июне 1944 г. были сведены в Татарский конно-егерский полк СС трехбатальонного состава. Но позже, на территории Венгрии, полк был переформирован в Первую татарскую горно-егерскую бригаду СС (около 2500 человек) под командованием штандартенфюрера Фортенбаха. 31 декабря 1944 г. бригада

---

[1] *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: АИРО — XX, 1995. С. 146.

[2] Там же. С. 2.

[3] Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1 / Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

[4] Там же.

[5] *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... С. 146.

была расформирована и вошла в состав Восточно-тюркского соединения СС (боевая группа «Крым» в составе двух пехотных батальонов и одной конной сотни). Эти соединения постоянно несли потери, и остатки татар в марте 1945 г. влились в Азербайджанскую боевую группу в качестве отдельных подразделений.

Часть крымских татар была перевезена во Францию и вошла в запасной батальон Волжско-татарского легиона, который дислоцировался у города Ле-Пюи. В конце войны несколько сотен татар вошли в 35-ю полицейскую дивизию СС и в состав вспомогательной службы ПВО во Франции.

Мало кто знает, что после падения Севастополя немцы решили приступить к реализации старого плана — переселения в Крым германского населения.

Итак, свыше 20 тысяч крымских татар, воевавших на стороне «Гитлера-освободителя», могли попасть в... Освенцим в качестве расово «неполноценных жителей». Однако после сталинградской катастрофы Гитлеру стало не до переустройства Крыма. Повторяю: на 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и... 6 татар[1].

Увы, к этому времени в рядах партизан не было ни Макарова, ни Мокроусова. Их по воздуху переправили на Большую землю. Причины этого до сих пор находятся в засекреченных документах. Спору нет, они совершили ряд ошибок, но достаточно мелких. На самом деле во второй половине 1942 г. в руководстве крымского партизанского движения произошел верхушечный переворот, и ветераны 1920 г. были вынуждены уйти.

Главную роль в этом перевороте сыграло руководство Крымского обкома партии, своевременно эвакуированное на Кавказ. Эти партийцы, в особенности из крымских татар, с ноября 1941 г. с пеной у рта доказывали, что крымские татары героически борются с оккупантами. Ну а после получения донесений Мокроусова партаппаратчики из татар стали доказывать, что руководство партизан и в первую очередь Мокроусов и Макаров сеют в Крыму межнациональную рознь, нападают на татарские деревни и т.д.

---

[1] Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1 /Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

И что самое удивительное, в Москве поверили лжи татарских коммунистов-националистов!

Сейчас многие историки и журналисты доказывают нам, что, мол, Сталин ненавидел крымских татар и т.п. Увы, к 22 июня 1941 г. Сталин еще верил в марксистско-ленинские мифы о пролетарском интернационализме, братской дружбе всех народов СССР и прочая, и прочая... Татары в Крыму имели большие привилегии, нежели другие народы, проживавшие на полуострове. А если и были тяготы предвоенной жизни, то на долю татар их доставалось не более чем для иных народов.

Формируя дивизии народного ополчения, истребительные и партизанские отряды Крыма, генералы и партийные работники не делали никакой разницы между русскими, татарами, украинцами и другими народами.

Инерция идеологических марксистских догм оказалась столь велика, что объективным показаниям Макарова и Мокроусова не верили ни партийцы, ни офицеры НКВД. Оба были арестованы. Дело шло к высшей мере.

Но тут их выручил товарищ по партизанским боям 1920 г. Иван Папанин. Он, как уже говорилось, воевал в Арктике с германскими подводными лодками, льдами и командующим Северным флотом А.Г. Головко. Амбициозный адмирал всю войну пытался подчинить себе Севморпуть и лично Папанина. Его бесило, что он в качестве вице-адмирала, а с 1944 г. — адмирала, командующего Северным флотом должен был обращаться к наркому ВМФ Кузнецову, а тот уже к Сталину. Ну а Папанин, штатский, правда, в 1943 г. ему присвоили звание контр-адмирала, имея права наркома, подчинялся только ГКО и имел прямой выход на Иосифа Виссарионовича.

И вот Папанин лично обратился к Сталину, чтобы спасти друзей. Сталин заколебался — вопиющие факты преступлений татар противоречили марксистской идеологии.

Позже было решено слегка наградить героев-партизан и... задвинуть их на второстепенные должности.

Тот же Макаров был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а к концу войны он получил медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Германское командование оценило деятельность Макарова куда выше, назначив огромную сумму за его голову. Макарову даже была посвящена

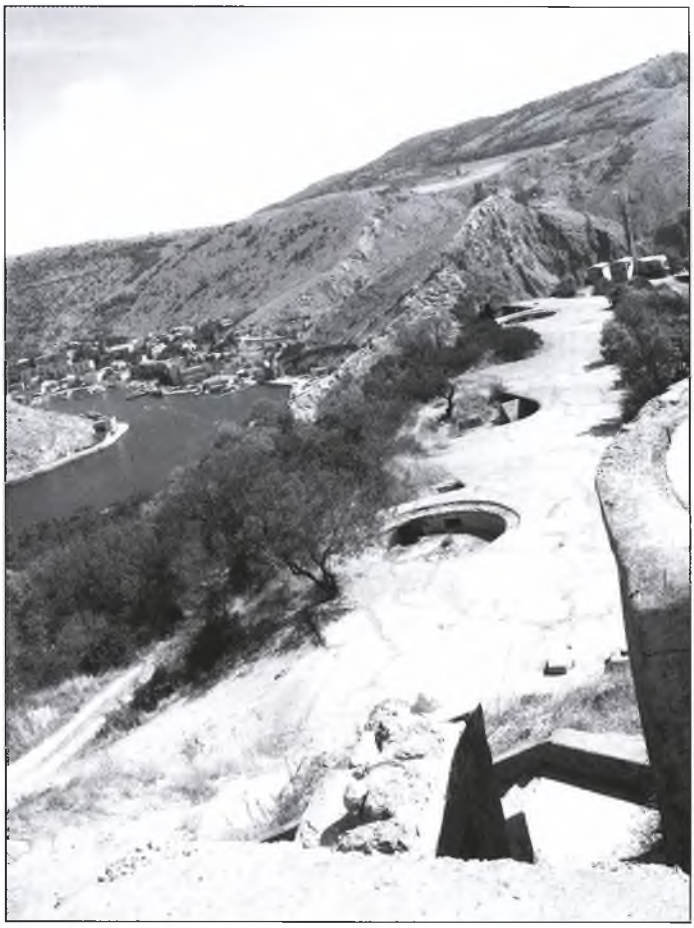
Остатки генуэзской крепости в Балаклаве. Фото И. Осиповой

Батарея 11-дюймовых мортир на мысе Херсонес. Фото А. Широкорада

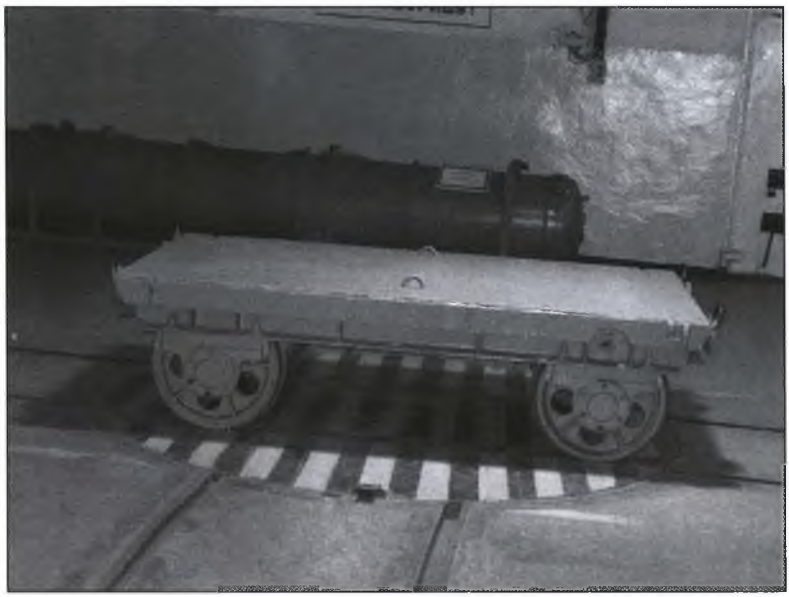
Российский флаг на памятнике затопленным кораблям.
14 марта 2014 г. Фото Н. Кичатовой

Автор ведет фотосъемку украинской базы пограничных катеров в Балаклаве. Сентябрь 2013 г. Фото И. Осиповой

Знаменитая «бочка смерти» в Балаклаве. Фото И. Осиповой



Береговая 152-мм батарея над Балаклавой.
Фото А. Широкорада



Выход из подземной базы подводных лодок в Балаклаве.
Фото И. Осиповой

Специальная тележка для доставки ядерных боевых частей ракет и торпед на подводные лодки в подземной базе. Фото А. Широкорада

Севастопольцы выступают против угольного терминала.
Сентябрь 2009 г. Фото И. Осиповой

Севастопольцы не хотят видеть город в черной пыли.
Сентябрь 2009 г. Фото И. Осиповой

Севастополь становился базой кораблей НАТО:
натовская подводная лодка. Фото В. Кострическенко

Плавбаза НАТО в Севастополе. Сентябрь 2013
Фото А. Широкорада

Украинские корабли, поднявшие Андреевские флаги. В центре – корвет «Хмельницкий», бывший советский МПК-116. 24 марта 2014 г. Фото В. Костриченко

Спустивший флаг корвет УВМС «Хмельницкий», бывший советский МПК-116. Фото В. Костриченко

Блокада корабля управления «Славутич» двумя вспомогательными судами Черноморского флота. Фото В. Костриченко

Ночное фото «Славутича» сделано во время его штурма. На крышке рубки члены экипажа громко поют гимн Украины и «Варяга». Фото В. Костриченко

Единственная украинская подводная лодка «Запорожье» ремонтировалась 15 лет. Но довели ее только на российском ремзаводе № 13. Сентябрь 2009 г. Фото А. Широкорада

Рядом с «Алросой» стоит единственная бывшая украинская подводная лодка «Запорожье». Фото В. Костриченко

Американский крейсер, способный ракетами «Томагавк» от причала в Севастополе поразить Москву. Фото В. Костриченко

Впервые с 1991 г. в Севастополе устанавливаются боновые ворота у входа в Главную бухту (защита от подводных диверсантов). Фото В. Костриченко

Плакат в Севастополе накануне референдума.
Фото В. Костриченко

16 марта 2014 г. в Севастополе. Фото В. Костриченко

На улицах Севастополя после референдума.
Фото В. Костриченко

Севастополь. 17 марта 2014 г.
Фото В. Костриченко

Вывоз украинской бронетехники (ЗСУ-23). 9 апреля 2014 г.
Фото В. Кострiченко

Замена украинских надписей на железнодорожном вокзале в Севастополе.
Фото В. Кострiченко

Замена украинской символики на зданиях госучреждений.
Фото В. Костриченко

Один из плакатов на улицах Севастополя.
Фото В. Костриченко

Площадь Нахимова в Севастополе.
18 марта 2014 г. Фото В. Костриченко

специальная немецкая листовка с красноречивым заголовком «Хамелеон» — в абвере хорошо знали о прежних проделках «адъютанта его превосходительства». Отчаявшись поймать самого Макарова, немцы в декабре 1941 г. расстреляли его мать Татьяну Саввичну, а перед этим сожгли все ее вещи и на допросах выбили оба глаза. Также немцы повесили родителей и невестку жены Макарова.

В 1967 г. П.В. Макаров был награжден орденом Красной Звезды. А через два года он увидел фильм «Адъютант его превосходительства». Павел Васильевич узнал себя в кадрах картины во фрагментах документального белогвардейского фильма «Взятие Полтавы войсками генерала Май-Маевского и встреча генерала Деникина».

Ряд писателей попытались заступиться за обиженного героя и предложили предварять демонстрацию фильма вступительным словом А.В. Макарова. Но авторы сценария выступили категорически против, не желая уступать ни части авторства прототипу, давшему основание для столь захватывающего сюжета. И неспроста! Сразу после выхода фильма на экраны его авторов удостоили звания лауреатов Государственной премии СССР. Но у Макарова уже не было сил бороться с плагиаторами. Павел Васильевич скончался 16 декабря 1970 года в возрасте 73 лет.

Алексей Васильевич Мокроусов в августе 1943 г. был назначен комиссаром 66-го гвардейского стрелкового полка. Войну закончил в звании полковника и в 1946 г. уволился в запас. С 1948 г. директор крымской ТЭЦ, позже возглавил туристическое бюро в Крыму.

Иван Папанин в 1946 г. из-за стенокардии оставил пост начальника Севморпути. С 1949 г. был заместителем директора Института океанологии СССР, а с 1956 г. — директор Института биологии внутренних вод АН СССР.

Так закончили свой путь три знаменитых крымских партизана. О них бы снять сериал: «Три крымских мушкетера. Год 20-й» и «Двадцать лет спустя». Все трое были из бедных семей, и их ждала нищета. Выбиться в приказчики было верхом карьеры. Но они родились в динамичное время и приключений пережили куда более, чем герои Дюма. Но, увы, у нас любят киношки про Штирлица и Кольцова — кастрированной пародии на Макарова. Быть адъютантом генерала Май-Маевского — и не пить с ним водки и девочек не иметь!!!

Лишь в начале 1944 г. в Москве наконец-то поняли истинную роль крымских татар. Тут я не боюсь прослыть очернителем целого народа. Был, к примеру, летчик Ахмет-хан Султан. В войну совершил 603 боевых вылета, сбил лично 30 и в составе группы 19 германских самолетов. Стал дважды Героем Советского Союза. Награжден орденом Ленина. После войны стал летчиком-испытателем ЛИИ в городе Жуковском. В июне 1949 г. на бомбардировщике Ту-2 провел первую в СССР дозаправку в воздухе. Ахмет-хан испытывал несколько типов реактивных самолетов и даже... авиационную крылатую ракету КС. В ней вместо боевой части сделали кабину пилота.

Кстати, Ахмет-хан был лучшим другом Серго Берии и после ареста (убийства?) его отца предлагал вывезти Серго на самолете из СССР, но тот отказался.

Ахмет-хан Султан испытал свыше 100 летательных аппаратов и погиб 1 февраля 1971 г. при испытаниях нового оружия на летающей лаборатории Ту-16.

Да, были и такие крымские татары. А немцев бил Эрнст Тельман. Но есть и сравнительная статистика — и немецкая, и советская. Сколько татар служило у немцев. Сколько они убили советских десантников, сколько пленных, сколько мирных жителей.

Что делать с ними? Судить? Так тогда пришлось бы отправить в лагеря почти всех мужчин и значительную часть молодых женщин — если судить их по тем меркам, по каким судили полицаев и пособников оккупантов, например, в Смоленской области. А стариков и детей оставить на голодную смерть?

У меня самого в конце 1941 г. из Тбилиси отправили в ссылку прабабушку Генриетту Фридриховну, урожденную фон Бастиан. Ей было за 80. А что, надо было выселить ее родню, а старушку оставить умирать среди враждебного населения?

После освобождения Крыма органы госбезопасности провели переселение крымских татар в Узбекскую ССР. Вопрос это сейчас весьма деликатный, и я полностью процитирую следующий документ:

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И. В.
10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов...

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве — колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140—160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20—21 мая и закончена 1-го июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия»[1].

Согласно Постановлению Комитета Обороны было предложено: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берию) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

[1] Коммунист. 1991, №3. С. 107.

Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешить спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

<...>

Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

Наркомздраву СССР (тов. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты...

<...>

Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана тов. Юсупова... обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

<...>

Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня-августа с. г. ежемесячно равными количествами... Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот»[1].

---

[1] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» : Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 134—136.

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

«Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии

20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста "Московуголь" 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191 044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции — 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов — 10, пулеметов — 173, автоматов — 192, винтовок — 2650, боеприпасов — 46 603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боепатронов — 326 887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов Кобулов»[1].

Сейчас татары и их московские и киевские пособники рассказывают душераздирающие истории о том, как «солдаты войск НКВД хватали мертвецов, выбрасывали их в окна вагонов»[2].

---

[1] Там же. С. 138—139.

[2] *Максудов С.* О публикациях в журнале «Социс» // Социологические исследования. № 9. 1995. С. 116.

«Депортируемые крымские татары — контингент строго подотчетный. Если по прибытии эшелона на место в нем оказывалось меньше пассажиров, чем было отправлено, начальник эшелона обязан доложить, куда именно делись эти недостающие люди. Умерли? А может, сбежали? Или, того хуже, отпущены конвоирами на свободу за взятку? Поэтому каждый случай смерти спецпереселенцев обязательно документировался»[1].

В действительности же из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, по дороге умер лишь 191 человек[2].

Не следует забывать, что ни в мае 1944 г., ни в последующие два года никто не мог гарантировать, что война между СССР и союзниками, с одной стороны, и Германией — с другой не перерастет в войну между союзниками и СССР. Англия и США сосредоточили в мае 1944 г. огромный флот в Средиземном море, и нетрудно сообразить, что в случае начала войны с СССР он бы оказался в Черном море. Мог ли Сталин в такой ситуации оставлять крымских татар, столько раз наносивших удар в спину России? В мае 1944 г. у крымских татар было изъято оружие, достаточное для стрелковой дивизии военного времени (без артиллерийского полка). А сколько еще оружия было спрятано в разного типа схронах? Ведь только наивные люди могли хранить его дома. А войскам НКВД в ходе депортации было не до поисков оружия.

С 70-х годов XX века татарские националисты и их сторонники среди «либеральной интеллигенции» постоянно нагнетают вопрос о «депортации крымского татарского народа», «геноциде» оного народа и т.д. и т.п.

Спору нет, Сталин (а именно он несет ответственность за переселение татар, Берия, Серов и др. были лишь исполнителями его воли), безусловно, очень сурово поступил с крымскими татарами.

Но к чему нагнетать истерию и заниматься словоблудием? Начнем с того, что такое депортация. Ни в одном русском (до 1917 г.) и советском (до 1991 г.) официальном документе такого слова просто нет. Раскроем «Словарь иностранных слов», изданный в Москве в 1979 г. Там говорится: «Депортация —

---

[1] *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие: М.: Яуза-пресс, 2008. С. 141—142.

[2] *Плутов Т.* Крымские татары жаждут исхода // Московские новости. 9 апреля 1989 г. № 15 (457). С. 13.

высылка из государства как уголовное или административное наказание». Вопрос: из какого в какое государство выселяли крымских татар? Из СССР в СССР. Как любил говаривать кот Бегемот: «Поздравляю вас совравши».

Теперь, что такое геноцид? Это истребление или существенное уменьшение числа людей данной национальности. Давайте считать: выселено, арестовано и мобилизовано в Красную Армию в мае 1944 г. менее 200 тысяч крымских татар. А вот в 1991 г. хотело вернуться в Крым, по разным данным, от 2 до 5 миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. Замечу при этом, что с XV века по 1941 г. численность татарского населения в Крыму была относительно стабильной. Так что если говорить о численности татарского населения, то Сталин учинил не геноцид, а демографический взрыв, невозможный, если бы татары остались в Крыму.

Нелишне отметить, что совсем не все крымские татары были выселены в Узбекистан. Так, по данным Влады Селиной, «от статуса спецпоселенец освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С.С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе».

Крымские татары-фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственников. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э.У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х. Чалбаш и многие другие... Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области.

Освобождались от выселения и татарские женщины, вышедшие замуж за русских».

История не любит сослагательного наклонения, но попробуем представить себе, что произошло бы в случае победы Гитлера. Боюсь, что тогда татарам пришлось бы поехать не на восток на свою историческую родину, а на запад в культурные европейские города Освенцим, Бухенвальд, Дахау и т.д.

Наконец, нелишне вспомнить, как во Франции, почти не воевавшей, в 1944—1945 гг. патриоты без суда и следствия расправлялись с коллаборационистами, то есть со всеми, кто хоть немного сотрудничал с немцами. Весь мир обошло фото расправы над француженкой, которая родила ребенка от германского солдата. И французская интеллигенция предпочла обо всем этом напрочь забыть.

А те же поляки и чехи разве не депортировали миллионы ни в чем не повинных германских граждан в 1945—1946 гг.? Ну и что? Стенает там туземная интеллигенция о геноциде и депортации? Предлагает вернуть депортированных и их потомков и ставить памятники депортируемому народу?

Глава 13
ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА

После падения Севастополя немецкие войска вторглись на Кавказ. Германский флаг был поднят над Эльбрусом. 91-й немецкий горно-стрелковый полк вошел в долину р. Бзыбь в 30 км от Сухуми. Однако разгром немецких войск под Сталинградом заставил немцев оставить Кавказ.

С начала 1943 г. немцы начали готовить Крым к обороне. На Перекопе, на берегу Керченского пролива и вокруг Севастополя создавались укрепления. Причем немцы по возможности старались использовать и уцелевшие советские укрепления 1941—1942 гг. Замечу, что самой мощной береговой батареей немцев в Крыму была 203-мм четырехорудийная батарея на мысе Херсонес. 203/50-мм пушки туда были доставлены с очаковской батареи № 15. Пушки располагались в железобетонных двориках открытого типа. Подступы к батарее прикрывались башнями советских танков Т-26, вмонтированными в бетонные блоки.

ПВО Крыма осуществляла 9-я зенитная артиллерийская дивизия генерала Пикерта, располагавшая 134 8,8-см пушками и 334 3,7-см и 2-см автоматами, не считая зенитного бронепоезда «Михель». В различных точках Крыма были установлены РЛС «Вюрцбург». На аэродромах Крыма базировались, по германским данным, 160 самолетов, по советским данным — 470 самолетов.

К 9 августа 1943 г. в распоряжении командующего войсками Крыма находилось: 1335 офицеров, 1019 чиновников, 8646 унтер-офицеров и 35 410 рядо-

вых. Кроме того, 5490 человек из вспомогательных сил (хиви). 153-я полевая учебная дивизия имела: 228 офицеров, 31 чиновника, 1959 унтер-офицеров, 11 924 рядовых и 134 человека из вспомогательных сил. 11 508 словаков, 34 936 румын, 9682 человек войск разных союзников[1].

Ряд германских генералов предполагали заблаговременно отвести войска из Крыма. К их мнению присоединился и маршал Антонеску. Командование группы армий «А» днем 28 октября отправило приказ об эвакуации Крыма и об отходе войск к низовьям Днепра. Но вечером того же дня был получен приказ Гитлера оборонять Крым, даже если он будет изолирован с севера. Фюрер мотивировал это тем, что отход из Крыма на север потребует до четырех недель, за которые перешейки будут перекрыты. Эвакуация морем всегда осуществима. В последнем он опирался на мнение адмирала Карла Деница и поэтому приказывал: «Крым — не сдавать, превратить его в крепость». В конце декабря 1943 г. Гитлер говорил начальнику генштаба сухопутных войск Цейтцлеру: «Мы обязаны оборонять Крым, этот второй Сталинград, пока есть хоть какая-то возможность, пока это вообще допустимо».

Итак, приказ Гитлера окончательно решил судьбу германских войск в Крыму.

С сентября 1943 г. советское командование начало прорабатывать планы захвата Крымского полуострова. Представитель Ставки на Южном фронте маршал Советского Союза А.М. Василевский в конце сентября 1943 г. предложил оставить на Тамани небольшие силы для обороны, а основные войска Северо-Кавказского фронта перебросить в район Мелитополя, чтобы ворваться в Крым через Перекоп и Сиваш.

Однако этот план был отвергнут, поскольку многие генералы и адмиралы желали вторжения через Керченский пролив. Их оппоненты возражали и приводили данные о германских укреплениях и многочисленных артиллерийских батареях на побережье Керченского пролива. В связи с этим возник план высадки целой армии на Южном берегу Крыма, защищаемом слабыми румынскими частями. Но еще был велик страх перед немцами, и наши военачальники не видели разницы между осенью 1941 г. и осенью 1943 г., и от десанта Южного берега Крыма в конце концов отказались.

[1] Дело WF-05/28597. Л. 184.

«Большинство авторитетов в Генеральном штабе стояло за проведение предварительной операции по захвату плацдарма в районе Керчи, с тем чтобы потом навалиться на Крым с двух направлений»[1].

В Ставке Верховного Главнокомандования было решено нанести два удара по крымской группировке противника: с севера — через Перекоп и Сиваш и с востока — через Керченский пролив. Две армии Северо-Кавказского фронта должны были прорваться в Крым через Керченский пролив и еще более сильная группировка 4-го Украинского фронта — через северные перешейки.

Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал армии Петров в директиве № 0056/оп от 12 октября 1943 г. поставил Черноморскому флоту задачу: произвести высадку десанта в составе 56-й и 18-й армий на Керченский полуостров с целью его захвата и обеспечить бесперебойную подачу всех видов снабжения для высаженных войск.

14 октября 1943 г. командование Черноморского флота установило состав сил для проведения Керченской десантной операции:

1) 1-я и 2-я десантные группы (56-я армия) — Азовская военная флотилия в составе: 2 сторожевых катеров, 16 бронекатеров, 7 катеров-тральщиков, 2 торпедных катеров с реактивным вооружением, 4 торпедных катеров, 8 буксиров, 21 сейнера, 5 барж, болиндера и 7 дубков. Кроме того, из числа прибывавшей на пополнение Черноморского флота Азовской флотилии были приданы 7 сторожевых катеров, 20 самоходных тендеров, 12 понтонов, 10 катеров-тральщиков, 30 несамоходных понтонов и переправочные средства Северо-Кавказского фронта.

2) 3-я десантная группа (18-я армия) в следующем составе: шесть отрядов (всего 12 сторожевых катеров, 50 катеров-тральщиков, 5 речных катеров-тральщиков, 20 сторожевых катеров типа КМ, 15 разных катеров, 15 мотоботов, 15 мотобарказов, 20 весельных барказов и 3 бронекатера).

31 октября началась одновременная высадка советских войск северо-восточнее Керчи и в районе поселка Эльтиген (от современной пристани Рыбная до поселка Челядиново).

Высадка в районе Керчи оказалась сравнительно удачной. Операция началась с небольшой неудачи. Рано утром из-за штормовой погоды высадка

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. С. 266.

не удалась, и 1 ноября в 4 ч. 15 мин. корабли начали отходить. При этом были потеряны бронекатера № 111 и № 32 и два сейнера с 250 десантниками (спаслось только 4 человека), и т.д. Высадка удалась только поздно вечером 2 ноября. Потери были крайне велики. Общей статистики найти не удалось, но, к примеру, на сторожевом катере № 06, подорвавшемся на мине, погибло 77 человек, на катере-тральщике «Азовец» погибло 40 десантников.

Следует заметить, что с косы Чушка артиллерия 56-й армии (420 орудий и два полка гвардейских минометов) с 22 ч. 02 мин. до 22 ч. 25 мин. провела интенсивный артобстрел места высадки. На следующий день, то есть 3 октября, наши артиллеристы с косы Чушка открыли огонь уже в 3 ч. 25 мин. ночи. После этого началась высадка второго эшелона десанта.

Десантные войска, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу 3 ноября вышли на рубеж Еникале — восточнее Баксы и закрепились на захваченном плацдарме.

Ведя бои за расширение этого плацдарма, десантные войска 10 ноября заняли Баксы и Оссовины, 11 ноября — Колонку. Германское командование перебросило от Перекопа в район Керчи подкрепления и нанесло контрудары по нашим войскам. Встретив упорное сопротивление противника, советские войска были вынуждены приостановить наступление на рубеже бухта Булганак — Аджим-Ушкай — восточная окраина Керчи и перешли к обороне.

В районе Эльтигена десантная операция шла еще хуже. Высадка 3-й десантной группы обеспечивалась авиацией Черноморского флота. С 0 ч. 40 мин. до 6 ч. 55 мин. 1 ноября два самолета 5-го гвардейского авиаполка и пять самолетов 36-го авиаполка подавляли огневые точки и прожекторы противника и создавали очаги пожаров в районах Камыш-Буруна и Ортаэли. Летчики наблюдали разрывы бомб в 50—100 м от цели. В районе Ортаэли возникли два пожара.

С 1 ч. 30 мин. до 3 ч. 30 мин. семь И-15 и два И-153, совершив 17 самолето-вылетов, штурмовали батареи и прожекторы противника в районах озер Чубурашское и Тобечикское. Были уничтожены 2 прожектора, 3 автомашины и до 20 солдат.

1-й и 2-й десантные отряды в 1 ч. 30 мин. подошли к линии развертывания (6 миль от места высадки). На переходе подорвались на минах в 0 ч. 20 мин. ка-

тер-тральщик № 156 (2-й отряд) и в 0 ч. 50 мин. сторожевой катер № 01012 (1-й отряд). Из команды этих катеров спасен 1 человек. В 3 ч. 10 мин. сторожевой катер № 0111 тоже подорвался на мине, но остался на плаву. Из его команды 4 человека погибло и 3 ранено.

В 4 ч. 29 мин. группа береговой артиллерии (35 — 122-мм, 12 — 152-мм и 4 — 100-мм орудия) под командованием подполковника Малахова начала артподготовку места высадки десанта, продолжавшуюся 20 минут. Одновременно плавсредства 1-го и 2-го десантных отрядов пошли к берегу.

В течение дня 1 ноября десантные части в районе Эльтигена вели бои на плацдарме глубиной 4—5 км между озерами Тобечикское и Чубурашское. С помощью авиации и артиллерии, ведшей огонь через пролив, удалось отбить до 19 контратак немцев.

Ночью с 1 на 2 ноября на плацдарм было доставлено 3270 бойцов. 2 ноября днем шли упорные позиционные бои. Из-за сильного огня противника доставка подкреплений и боеприпасов производилась только ночью. В ночь на 3 ноября было доставлено только 840 бойцов.

В течение ночи на 4 ноября корабли доставили из Кроткова и Тамани в Эльтиген 567 человек пополнения, две 45-мм пушки, 15,5 т боезапаса и 16 т продовольствия, а оттуда эвакуировали 175 раненых. Немцы оказывали сильное огневое противодействие. На сторожевом катере № 075 были ранены 7 человек, еще три катера получили повреждения.

С 1 часа ночи до 1 ч. 30 мин. торпедные катера № 81 и № 101, находившиеся в дозоре в районе Чонгелек — мыс Такиль, вели бой с шестью вражескими торпедными катерами. Наш катер № 101 от прямого попадания снаряда загорелся и затонул, а катер № 81 получил пробоину. Потери противника не установлены.

В ночь на 5 ноября была предпринята попытка доставить пополнение и продовольствие нашим войскам в Эльтигене, но из-за шторма (северо-восточный ветер силой 7 баллов, море 4—5 баллов) было доставлено только 65 человек и 10,6 т боезапаса. Наши плавсредства были атакованы в районе высадки тремя торпедными катерами противника и в течение 40 минут вели с ними бой. К утру наши плавсредства возвратились в Тамань и Кротков, не выполнив задания. Катера-тральщики № 559 и № 569 и десантный бот были

выброшены волной на берег в месте высадки. Один плот с пушкой подорвался на мине во время перехода через Тузлинскую промоину, два других плота с двумя пушками были потеряны в районе высадки. Сторожевой катер № 073 не вернулся в базу.

В ночь на 6 ноября катера и другие плавсредства вышли из Кроткова на Эльтиген, но из-за шторма вернулись обратно. С 6 ч. 16 мин. до 15 ч. 24 мин. самолеты Ил-2 11-й штурмовой авиадивизии в сопровождении Як-1 сбросили нашим войскам в районе Эльтигена 4265 кг продовольствия, 90 тыс. патронов и 1300 гранат, сделав 49 самолето-вылетов.

В ночь на 7 ноября на Эльтиген было доставлено 923 человека пополнения, две 76-мм полковые пушки, две 45-мм противотанковые пушки, одиннадцать 12,7-мм пулеметов ДШК, 21 т боеприпасов, 1 т продовольствия и 1,5 т медикаментов. Разгрузка происходила под артиллерийским огнем противника. При этом огнем были повреждены и волной выброшены на берег 5 тендеров, торпедный катер, бронекатер, бот и сторожевой катер № 057.

При попытке доставить подкрепление на Эльтиген наши суда в ночь на 8 ноября имели бой с пятью неприятельскими торпедными и сторожевыми катерами и двумя большими десантными баржами. В результате боя сторожевой катер № 0122 сгорел, погиб капитан катера. Сторожевой катер № 081 получил значительные повреждения. При разгрузке был уничтожен вражеской артиллерией бот № 7. На обратном пути в Кротков катера-тральщики № 211 и № 411 подорвались на минах. Тем не менее удалось доставить на Эльтиген 374 человека пополнения, две 76-мм пушки и два 107-мм миномета.

На следующую ночь произошел новый морской бой. Наши суда атаковали две десантные баржи и пять торпедных катеров противника. В бою были потеряны два наших гребных барказа. Катер-тральщик № 173 получил повреждения и выбросился на берег у места высадки. Потеряв высадочные средства, наши суда, не разгрузившись, в 7 ч. 18 мин. возвратились в Кротков. На берег в Эльтигене высадилось только 15 человек и выгрузили 8,5 т продовольствия и 1 т боезапаса с выбросившегося на берег катера.

В ночь на 10 ноября наши суда, вышедшие накануне из Кроткова, дважды пытались высадить пополнение в Эльтигене, но не смогли преодолеть

противодействия шести немецких больших десантных барж и пяти торпедных катеров и потому вернулись в Кротков, не выполнив задания. При этом один гребной барказ затонул. Дозорные катера провели пять боев с торпедными катерами противника, в результате которых получили повреждения.

В ночь на 11 ноября катера дозора и охранения конвоя, вышедшего накануне из Кроткова для доставки пополнения и продовольствия нашим войскам в Эльтигене, с 0 ч. 28 мин. до 4 ч. 30 мин. вели бой с двумя (по другой версии — четырьмя) большими десантными баржами и с десятью сторожевыми и торпедными катерами противника, блокировавшими район Эльтигена. В бою был смертельно ранен командир охранения конвоя капитан 3-го ранга Глухов. Все катера, участвовавшие в бою, получили значительные повреждения и имели убитых и раненых. Попытки прорвать блокаду противника и высадить пополнение нашим войскам были безуспешными. К утру плавсредства вернулись в Кротков.

«В ночь на 12 ноября из-за отсутствия средств борьбы с блокадой противника доставка пополнения и питания нашим войскам не производилась.

В 4 ч. 26 мин. и 5 ч. 55 мин. большие десантные баржи противника обстреляли боевые порядки наших войск в районе Эльтигена...

В 16 ч. 30 мин. бронекатера № 71, 112, 134, 323 в охранении двух торпедных катеров-дымзавесчиков вышли из Тамани в Эльтиген. Штурмовая авиация и батареи береговой обороны Керченской военно-морской базы обеспечивали подход катеров к месту высадки. Под огнем противника катера выгрузили 14,9 т боезапаса и 2,8 т продовольствия и высадили 16 человек, сопровождавших грузы. В 19 ч. 15 мин. катера прибыли в Кротков и начали погрузку с целью повторного выхода (пользуясь отсутствием противника), но в 22 ч. 07 мин. из Эльтигена были получены сведения о появлении в районе высадки до девяти неприятельских больших десантных барж; выход бронекатеров был отложен»[1].

Подобные бои происходили и в последующие ночи. Потери германских больших барж приведены в Приложении, а из германских торпедных катеров в мае—декабре 1943 г. был потерян только S-102, подорвавшийся 8 июля в

[1] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 5. С 1 июля по 31 декабря 1943 г. М.: Воениздат, 1950. С. 348.

южной части Керченского пролива. А в ноябре—декабре в проливе действовали лишь 5 германских торпедных катеров, совершивших всего 17 групповых походов. Ни один из них не погиб, лишь S-49 был поврежден советской авиацией.

4 декабря германские войска продолжали наступление на Эльтигенском плацдарме. На следующий день к 14 ч. 20 мин. немцы вышли на западную окраину Эльтигена.

В ночь на 7 декабря остатки советских войск на Эльтигене решили прорваться на север. С большими потерями им удалось прорваться к южной окраине Керчи и занять гору Митридат. В ту ночь к защитникам Эльтигена удалось пробиться только катеру ПВО № 18 и эвакуировать оттуда 29 человек. Еще 5 плавсредств вернулись обратно, а тральщик № 105 был потоплен германской большой десантной баржой.

Днем 7 декабря немцы атаковали десантников, занимавших гору Митридат. А оставшиеся на берегу у Эльтигена бойцы бросились вплавь и пытались переплыть пролив. (Это в декабре месяце!) Наши катера подобрали из воды в проливе 125 человек. Данные о переплывших пролив отсутствуют.

7 декабря командующий 56-й армией приказал Азовской военной флотилии высадить 83-ю бригаду морской пехоты на пляж у восточного склона горы Митридат. Ночами с 8 на 9 и с 9 на 10 декабря было высажено 780 человек, три 45-мм противотанковые пушки и 6 минометов.

Однако 9 декабря командующий 46-й армией приказал эвакуировать войска из района горы Митридат. В ночь на 10 декабря было эвакуировано 1080 человек и 11 декабря 360 человек. В ночь на 12 декабря наши суда подошли к берегу, но эвакуировать уже было некого. Немцы на горе Митридат взяли 600 пленных и насчитали 450 трупов.

Итогом Керченско-Эльтигенской операции стало овладение небольшим плацдармом примерно 10 на 8 км. Сам город Керчь и район Эльтигена, контролировавший вход в Керченский пролив, остались в руках немцев.

Советские историки считают Керченско-Эльтигенскую операцию удачной. На взгляд автора, ее с полным правом можно считать поражением. Причем основную вину за него несут командование Черноморского флота и наркомат в Москве. Катера Черноморского флота использовались мало,

а надводные боевые корабли вообще не использовались. Нарком же ВМФ мог перебросить на Черное море многие десятки американских торпедных катеров, а также бронекатеров проектов 1124 и 1125, которые зимой 1943/44 г. без толку стояли на берегах Волги, Амура, Онежского озера и т.д.

26 сентября 1943 г. войска Южного фронта начали Мелитопольскую операцию. Войскам Южного фронта (5-я Ударная, 44-я, 2-я гвардейская, 28-я, 51-я армии и 8-я воздушная армия) противостояла 6-я немецкая армия.

Замысел советского командования предусматривал нанесение двух охватывающих ударов: главного — силами 5-й Ударной, 44-й, 2-й гвардейской и 51-й армий, 19-го и 11-го танковых и 4-го кавалерийского корпусов севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое; и вспомогательного — из района южнее Мелитополя силами 28-й армии в обход города с юго-запада.

На фронте в 250 км 10 пехотным дивизиям и одной танковой дивизии 6-й армии противостояли 31 стрелковая дивизия, два механизированных корпуса, 7 танковых бригад (всего около 400 танков).

Однако за первые 4 дня советским войскам удалось продвинуться в глубь обороны противника всего на 2—10 км. После этого наступило временное затишье.

Наибольший успех был достигнут 28-й армией, в полосу которой были перегруппированы 51-я армия, танковые и кавалерийские корпуса. 23 октября соединения 51-й армии во взаимодействии с войсками 28-й армии после десятидневных ожесточенных боев освободили Мелитополь.

К этому времени войска правого крыла фронта прорвали оборону противника и перерезали железную дорогу Запорожье — Мелитополь. Введенные в прорыв южнее Мелитополя подвижные соединения фронта при поддержке авиации быстро развивали успех, угрожая основным коммуникациям противника.

6-я армия быстро отступала. И 30 октября советские войска вышли на побережье Сиваша. В ночь на 2 ноября 1943 г. части 19-го танкового корпуса захватили город Армянск. Однако частям 17-й германской армии удалось отбить Армянск и уничтожить большую часть наших танков.

1 ноября началась переправа 346-й стрелковой дивизии через Сиваш. В этот день западный ветер отогнал воду, и солдаты шли по пояс в воде. Наши бойцы удачно закрепились на небольшом плацдарме на южном берегу Сиваша. Через 5 дней туда же переправилась 263-я стрелковая дивизия. Впоследствии, за 39 суток по паромно-лодочной переправе на плацдарм были переправлены несколько тысяч солдат, более 50 автомашин, 3,5 тыс. тонн боеприпасов. А сам плацдарм был расширен до 18 км по фронту и до 14 км в глубину.

А 9 декабря вступил в эксплуатацию мост длиной 1915 м от северного берега Сиваша до острова Русский, и от острова Русский до южного берега Сиваша (до плацдарма) возведена насыпная гать длиной 1060 м.

В ночь на 12 февраля 1944 г. разразился невероятной силы шторм, бушевавший пять суток. Дамба оказалась почти полностью размытой, опоры моста расшатаны, понтоны разбросаны. Но 11 марта была введена в строй новая переправа.

Командующий 17-й армией в Крыму 53-летний генерал инженерных войск Э. Енеке в ноябре 1943 г. разработал планы операций «Литцман» и «Рудербоот». По плану «Литцман» 17-я армия должна была большей частью прорываться из Крыма через Перекоп на соединение с 6-й армией, а остальные ее части предполагалось вывезти из Севастополя военно-морскими силами (операция «Рудербоот»).

Однако Гитлер приказал до конца защищать «крепость Крым». Мало того, он приказал перебросить в Крым с юга Украины 73-ю и 111-ю пехотные дивизии.

В октябре 1943 г. закончилась эвакуация германских войск с островов Сицилия, Сардиния и Корсика. Освободившиеся транспортные эскадрильи были переброшены на аэродромы близ Одессы и Умани. Переброска обеих дивизий прошла с 25 января по 12 февраля 1944 г.

Несмотря на огромное превосходство Черноморского флота, германские и румынские суда успешно осуществляли снабжение 17-й армии в Крыму. В марте 1944 г. ими было доставлено 45,5 тыс. т грузов.

По состоянию на апрель 1944 г. германские 5-я, 11-я, 336-я пехотные дивизии, 279-я бригада штурмовых орудий 49-го горнострелкового корпуса,

3-й румынский кавалерийский корпус в составе 9-й кавалерийской, 10-й и 19-й пехотных дивизий (всего состав группировки — около 80 тыс. человек), находились в Северном Крыму. Штабы корпусов дислоцировались в Джанкое.

Керченский полуостров по-прежнему оборонял 5-й армейский корпус: 73-я, 98-я пехотные дивизии, 191-я бригада штурмовых орудий (45 штурмовых 7,5-см орудий), а также 6-я кавдивизия и 3-я горнострелковая дивизия румын (всего около 60 тыс. человек).

Противодесантную оборону от Феодосии до Севастополя держал 1-й горнострелковый корпус румын в составе 1-й и 2-й горнострелковых дивизий. Этот же корпус в основном вел борьбу с партизанами Крыма. Противодесантная оборона на побережье от Севастополя до Перекопа была возложена на два полка румынской 9-й кавдивизии. Всего для противодесантной обороны и борьбы с партизанами противник выделил около 60 тыс. человек.

Штабы 17-й армии и 1-го горнострелкового корпуса находились в Симферополе. Кроме перечисленных выше соединений и частей, в состав 17-й армии входили 9-я зенитная дивизия люфтваффе, 60-й артиллерийский полк, 704-й, 766-й и 938-й артиллерийские полки береговой обороны, десять артдивизионов, горнострелковый полк «Крым», отдельный полк «Бергман», 13 отдельных охранных батальонов, 12 саперных батальонов.

В районе Перекопа противник создал на узком участке перешейка, протяженностью до 14 км, глубиной до 35 км, три сильные полосы обороны, занимаемой 50-й пехотной дивизией, четырьмя отдельными батальонами и специальными частями, общей численностью до 20 тыс. человек, 325 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

Главная оборонительная полоса, глубиной 4—6 км, имела три оборонительные позиции с траншеями полного профиля, дотами и дзотами. Центром обороны являлся Армянск.

План наступления советский войск на Крым предусматривал удар силами 4-го Украинского фронта от Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии с плацдарма севернее Керчи.

На 1 апреля 1944 г. группировка 51-й армии имела в своем боевом составе 96 125 человек, 1415 полевых орудий, 186 зенитных орудий, 862 миномета, 89 танков. При ширине участка прорыва 10 км плотность артиллерии и ми-

нометов на километр фронта на участке прорыва составляла 185 стволов и до 9 танков.

Действия армий поддерживала 8-я воздушная армия, имевшая в своем составе 727 самолетов, из них 215 штурмовиков и 147 бомбардировщиков.

19-й танковый корпус с частями усиления имел в своем составе 187 танков, 46 САУ, 14 бронетранспортеров, 31 бронемашину, 154 различных орудия, 57 минометов, 169 мотоциклов, 15 реактивных установок БМ-13. Такими силами корпус мог выполнять задачи большого оперативного масштаба.

2-я гвардейская армия в боевом составе насчитывала 71 912 человек, 1043 полевых орудия, 81 зенитное орудие, 750 минометов, 33 танка, 7 САУ. При ширине участка прорыва 8 км армия имела 150 стволов артиллерии и минометов на километр. Боевые действия армии при прорыве обороны на Перекопе поддерживали ВВС Черноморского флота и частично 8-я воздушная армия. Командующий 2-й гвардейской армией для ускорения прорыва обороны на Перекопе решил высадить в тыл противника десант в составе усиленного батальона.

Командующий Отдельной Приморской армией избрал участки прорыва: двумя стрелковыми дивизиями — южнее Булганака на фронте 4,5 км, одной дивизией и одним стрелковым полком — севернее Булганака на фронте 3 км, то есть в обход Керчи. В боевом составе армии было 92 367 человек, 961 полевое орудие, 257 зенитных орудий, 824 миномета, 399 различных реактивных установок, 212 танков, 7 САУ. Средняя плотность сил и средств (без учета вторых эшелонов) на километр фронта составляла 6 батальонов, 150 орудий и минометов, 25—30 танков. Боевые действия поддерживала 4-я воздушная армия, имевшая 523 самолета, из них 128 штурмовиков и 143 бомбардировщика.

Главная задача Черноморского флота директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 11 апреля 1944 г. определялась как систематическое нарушение коммуникаций противника на Черном море.

Для уничтожения вражеских судов на ближних подступах к Севастополю привлекались торпедные катера (31 катер), на дальних подступах — подводные лодки (13 подводных лодок) и на всем протяжении коммуникаций противника от Севастополя до Румынии — авиация (от 404 до 430 самолетов).

Крупные надводные корабли для участия в операции по освобождению Крыма «было решено не привлекать». Прошло 60 лет, и мы до сих пор не знаем по фамилиям лиц, которые, боясь потерять устаревшие корабли[1], предпочли заплатить за взятие Крыма десятками тысяч жизней наших солдат.

8 апреля 1944 г. в 10 ч. 30 мин. после мощной артподготовки, продолжавшейся 2,5 часа, войска 2-й гвардейской армии перешли в наступление.

Рано утром 11 апреля танковый корпус генерал-лейтенанта И.Д. Васильева с рубежа южнее Томашевки тремя колоннами вошел в прорыв и через три часа с ходу вступил в бой с гарнизоном, оборонявшим Джанкой. Противник был разбит и к 18 часам отошел к югу. Этим наметился глубокий охват Перекопско-Ишуньской группировки противника.

А войска 2-й гвардейской армии, наступавшей в это время на Перекопском перешейке, также добились успеха. В первый день наступления 3-я гвардейская стрелковая дивизия и 126-я стрелковая дивизия овладели Армянском. К исходу второго дня 2-я гвардейская армия прорвала первую оборонительную полосу, и противник поспешно отошел на Ишуньские позиции.

Высадка десанта (батальон 1271-го стрелкового полка 387-й дивизии) также способствовала успеху советских войск на Перекопском перешейке.

Подвижная группа фронта, которой командовал заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В.Н. Разуваев, 12 апреля подошла к Симферополю, но с ходу сломить сопротивление немецкого гарнизона не удалось. Проведя ночью перегруппировку сил и получив пополнение, подвижная группа утром 13 апреля начала атаку на Симферополь. Через 5 часов город был полностью освобожден.

В связи с успешным наступлением советских войск на Перекопе генерал Енеке отдал приказ 5-му корпусу, защищавшему Керченский полуостров, оставить свои позиции и отходить к Севастополю. Узнав об этом, командующий Отдельной Приморской армией генерал А.И. Еременко приказал перейти в наступление.

---

[1] К моменту окончания Второй мировой войны устарели не только линкоры, крейсера и эсминцы, заложенные при «проклятом царизме», но и крейсера проекта 26, эсминцы проектов 7 и 7У и т. д.

В 2 часа ночи 11 апреля войска Приморской армии перешли в наступление, и к 8 часам утра наши войска вошли в оставленную немцами Керчь.

Генерал Енеке запросил Ставку о возможности эвакуации. В 14 ч. 15 мин. 12 апреля генерал-лейтенант Хойзингер передал приказ Гитлера, в котором говорилось: «Севастополь удерживать в течение длительного времени, поэтому боевые части не подлежат эвакуации».

13 апреля советские войска заняли Евпаторию и Феодосию. В Карасубазаре соединились войска 51-й и Приморской армий, образовав общий фронт.

Из-за быстрого наступления наших войск 5-й германский корпус двинулся не так, как предусматривал план «Адлер», то есть по дороге Феодосия — Симферополь, а, учитывая обстановку — главными силами из района западнее Старого Крыма на Судак, мелкие части двинулись по прибрежной дороге Феодосия — Судак. Советские партизанские силы в горах Яйла, против которых румынский 1-й горнострелковый корпус без видимого успеха боролся в течение зимы, вопреки опасениям, не представляли серьезной опасности для отходившего 5-го корпуса. Партизаны и плохие дороги лишь немного замедлили отход немцев по дороге Судак — Ялта. Для ускорения отхода часть корпуса (10 тыс. человек) из Судака и Алушты, а также часть войск с открытых участков крутого берега были взяты на борт 1-й десантной флотилии и доставлены в Балаклаву и Севастополь. Советские источники утверждают, что наши Ил-2 потопили между Судаком и Ялтой 7 десантных барж водоизмещением по 350 т. Германские источники этого не подтверждают. Охранение десантной флотилии осуществляла 3-я флотилия артиллерийских барж.

14 апреля передовые части 5-го корпуса вошли в Севастополь, а главные силы находились еще в районе Алушты. Стянутый в Севастополь румынский 1-й горнострелковый корпус сначала занял предусмотренные для 5-го корпуса восточные оборонительные позиции Севастопольского укрепленного района. 14 апреля главные силы группы Конрада в составе 50-й, 336-й пехотных дивизий и части 111-й пехотной дивизии, со всей тяжелой артиллерией корпуса (единственной, которая окажется в Севастополе), заняли оборону в северной части крепости. Перед этим заградотряд коменданта «крепости Севастополь» полковника Бееца при поддержке штурмовой авиации отбил

атаку советских танков у Бахчисарая. Это помогло выиграть 12 решающих часов для отхода в крепость.

Румынский кавалерийский корпус, 10-я пехотная дивизия и 4500 человек из румынской 19-й пехотной дивизии почти полностью, если не считать незначительное количество отставших, прибыли в Севастополь.

Следует заметить, что если крымские партизаны особого вреда немцам не наносили, то здорово отыгрались на румынах. Характерный пример: «Партизанам сдался в плен в полном составе 4-й атрдивизион 2-й румынской горнострелковой дивизии. Пленный капитан Теодор Велсану рассказал: "Наш дивизион охранял побережье Черного моря в районе Ускута. Мы позже других узнали о том, что русские прорвали немецкую оборону... Дивизион под командованием майора Ангелеску направился в район, где, по нашим сведениям, действовали партизаны. Подойдя к плато в горах, мы укрылись в лощинах и выслали к партизанам парламентера с белым флагом. Вскоре пришла группа партизан, которой майор Ангелеску передал весь личный состав дивизиона, орудия и боеприпаса"»[1].

Еще 9 апреля генерал Енеке издал приказ об уничтожении различного имущества при отступлении германских войск. Согласно приказу, разрушению подлежали железные дороги. Также говорилось: «Разрушить гавани, все хозяйственные постройки, уничтожить все имеющиеся потребительские и снабженческие товары, аэродромы, средства связи, чтобы на длительное время не дать противнику использовать полуостров Крым как оперативную базу...

Все железнодорожное имущество, которое будет уже не нужно в Севастополе, уничтожить путем сброса локомотивов и вагонов»[2].

И действительно, у Инкермана немцы сбросили несколько сотен паровозов и вагонов. Эта огромная свалка существовала до 1948 г.

В том же приказе говорилось: «Алкогольные напитки не уничтожать, а оставить русским. Практика показывает, что когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется»[3].

---

[1] Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 339.

[2] *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Освобождение Крыма. М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994. С. 82—83, 84.

[3] Там же. С. 85.

Исполняя приказ, фашисты оставили нетронутыми все винные погреба Южного берега Крыма. Однако наши бдительные чекисты сорвали коварный замысел врага. Срочно на базе 95-го ордена Ленина полка НКВД была создана специальная маневренная группа, которая еще до подхода частей Красной Армии захватила погреба винкомбината «Массандра» и ряд других погребов винсовхозов. Затем «маневренная группа в течение месяца выполняла задачу по охране винных погребов» от частей Приморской армии и партизан[1]. Только в Массандре бойцы НКВД спасли 1 миллион (!) литров высококачественного вина[2].

15 апреля генерал Ф.И. Толбухин поставил войскам 4-го Украинского фронта задачу овладеть Севастополем. В тот же день началась подготовка к передаче Отдельной Приморской армии в состав 4-го Украинского фронта. Поглядеть на штурм Севастополя из Москвы в Крым прибыл маршал Е.К. Ворошилов.

18 апреля по приказу командующего фронтом после артиллерийской и авиационной подготовки в 16 часов войска фронта начали решительное наступление. На отдельных участках части Отдельной Приморской армии, сломив упорное сопротивление противника, продвинулись на 4—7 км и овладели селами Нижний Чоргунь, Камары, Федюхиными высотами, поселком Кадыковка и городом Балаклава.

Однако в целом штурм закончился неудачно, а войска понесли большие потери. Так, к примеру, на 18 апреля 19-й танковый корпус имел исправными 71 танк и 28 САУ, но на 19 апреля оставалось исправных 30 танков и 11 САУ. С 23 по 29 апреля вокруг осажденного Севастополя шли позиционные бои.

27 апреля генерал-полковник Енеке направил в штаб группы армий телеграмму: «Силы армии настолько малы, что уже вскоре она должна будет занять более узкую полосу обороны на рубеже долина Инкермана — южный берег Северной бухты. В течение длительного времени этот фронт удерживать будет невозможно, так как все аэродромы и причалы будут находиться

[1] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов / Сост. Чугунов А.И., Каряева Т.Ф., Сахарова Е.В. и др. М.: Наука, 1968. С. 493.

[2] Крым в период Великой Отечественной войны. С. 376.

под обстрелом противника. Необходимо эвакуировать людей». В ночь с 27 на 28 апреля Гитлер отклонил ходатайства Енеке.

29 апреля генерал-полковник Енеке в Берхтесгадене был принят Гитлером. В своем докладе Енеке заявил, что 17-я армия больше не имеет возможностей удерживать Севастополь. Гитлер потребовал от него письменно изложить свое мнение о дальнейших возможностях обороны.

1 мая в середине дня начальник управления кадров Сухопутных войск и шеф-адъютант Гитлера генерал-лейтенант Шмундт по телефону сообщил генерал-полковнику Шернеру, что на основании письменного доклада Гитлер считает, что не может больше доверять генерал-полковнику Енеке оборону Севастополя и освобождает его от командования 17-й армией. Новым командующим назначен генерал Альмендингер.

По приказу фюрера с 1 по 12 мая 1944 г. в Севастополь было доставлено из Констанцы два маршевых батальона общей численностью 1300 человек, 15 противотанковых пушек, 10 минометов, 4 тяжелых полевых гаубицы и несколько легких орудий и минометов.

С 29 апреля наши артиллерия и авиация начали систематически разрушать укрепления противника. Авиация фронта, флота и приданная Ставкой авиация дальнего действия до 5 мая совершила 8200 самолето-вылетов.

Главный удар в новом наступлении на Севастополь Толбухин решил нанести на левый фланг силами Приморской армии и 63-го корпуса 51-й армии на участке Сапун-гора — Карань, чтобы выйти к морю западнее Севастополя. Но для введения немцев в заблуждение и чтобы сковать их силы, 5 мая войска 2-й гвардейской армии при мощной поддержке 2-й воздушной армии атаковали противника с севера. Тогда немцы перебросили на это направление часть резервов. А 6 мая частью сил перешла в наступление наша 51-я армия, и в 10 ч. 30 мин. 7 мая нанесла главный удар Приморская армия.

На участке обороны немцев у Сапун-горы Толбухин сосредоточил от 205 до 258 стволов артиллерии и минометов на километр фронта. Специально для Севастополя из Резерва Главнокомандования были доставлены несколько десятков 203-мм гаубиц Б-4. Кроме того, из состава гвардейских минометных частей фронта здесь действовало три из четырех гвардейских минометных

бригад М-31, восемь из десяти гвардейских минометных полков, три отдельных горно-вьючных дивизиона. Всего по Сапун-горе вели огонь 604 пусковые установки реактивных снарядов М-8, М-13 и М-30.

Серьезную поддержку наступавшим войскам оказывала 8-я воздушная армия, которая произвела 7 мая 2105 самолето-вылетов. К этому времени в составе 8-й армии имелось 1023 самолета, из них 141 бомбардировщик, 134 легких бомбардировщика ПО-3, 461 штурмовик Ил-2. А у немцев в Крыму осталось лишь 10 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, 60 истребителей и 20 разведчиков.

По приказу маршала Ворошилова первыми в атаку на Сапун-гору пошли штрафные батальоны (всего не менее 5 тысяч человек). Ни один из них не дошел до вершины. В многочисленных официальных трудах, посвященных взятию Севастополя в 1944 г., нет ни слова о штрафниках. Зато о них часто упоминают в своих воспоминаниях участники штурма — солдаты и младшие офицеры.

Ураганный огонь артиллерии и мужество советских солдат сделали свое дело — укрепления Сапун-горы были взяты за 9 часов непрерывного штурма.

На второй день штурма, 8 мая, больших успехов достигла 2-я гвардейская армия. Войска 13-го гвардейского и 55-го стрелкового корпусов выбили противника с Мекензиевых гор и к вечеру подошли к Северной бухте. Остатки немецкой 50-й пехотной и румынской 2-й горнострелковой дивизий были отрезаны от главных сил и прижаты к морю.

В этот же день войска 51-й и Приморской армий прорвали главную полосу обороны противника и вышли к внутреннему обводу обороны города.

Еще 22 апреля штаб Адмирала Черного моря[1] и штаб 17-й армии разработали план операции «Леопард» для планомерной эвакуации из крепости Севастополь в течение 14 дней. В соответствии с ним после эвакуации большей части армии должен был отходить северный фронт обороны, через пять дней после подхода транспортов предполагалось в течение двух суток эвакуировать оставшихся 28 тыс. солдат морем и 4500 человек авиацией.

8 мая в 21 час 15 мин. командующий группой армий генерал-полковник Шернер доложил начальнику Генштаба сухопутных войск о катастрофическом

[1] Адмиралом Черного моря в 1944 г. был вице-адмирал Бринкман.

положении 17-й армии в Крыму, и в 23 часа он получил разрешение Гитлера на эвакуацию. С 23 ч. 10 мин. до 23 ч. 35 мин. Шернер сообщил об этом приказе начальнику штаба 1-го авиационного корпуса и Адмиралу Черного моря. Отправка подкреплений в Крым отменялась. 9 мая в 2 ч. 15 мин. приказ был получен в штабе армии.

Сразу после получения приказа об отходе командование 17-й армии решило отвести все имеющиеся силы на позицию у Николаевки, однако уже в середине того же дня от этого замысла пришлось отказаться, так как советские войска прорвались в город и в порт Севастополь.

Портовые сооружения Севастополя были разрушены группой морских саперов. 1-я десантная флотилия заминировала Северную, Южную и Стрелецкую бухты. Всего была поставлена 71 донная мина.

9 мая остатки немецких войск, неся тяжелые потери, заняли последний херсонесский оборонительный рубеж. Остатки 73-й пехотной дивизии были опрокинуты советскими войсками. Этим была нарушена оборона на южном участке. Севернее немецкие командиры предприняли неудачную контратаку, пытаясь отбить позицию у Николаевки. После этого наступательный порыв немцев окончательно был исчерпан. Позиции 98-й пехотной дивизии, часть которой еще оборонялась у Инкермана, а главные силы контратаковали Сапун-гору, были прорваны. Остатки защищавших северный сектор 50-й и 336-й пехотных дивизий вынуждены были пробиваться через части противника, начавшие переправляться через Северную бухту.

9 мая советская артиллерия открыла огонь по аэродрому у мыса Херсонес. Вечером того же дня 13 последних немецких истребителей вылетели на материк. Только транспортные самолеты Ю-52 ночами с 9 на 10 и с 10 на 11 мая продолжали садиться на вспомогательных полосах для эвакуации раненых. 50 самолетов Ю-52 в последнюю ночь были сильно перегружены (в каждом перевозилось до 30 раненых), но всего было вывезено до тысячи человек. Самолеты Хе-111 8 мая использовали также любую возможность для вывоза раненых. Всего с 12 мая самолетами на материк было вывезено 21 457 солдат, из них 16 387 раненых. С 4 по 14 мая самолеты 1-го воздушного корпуса совершили 2342 самолето-вылета. Из них с аэродромов в Севастополе — 809 вылетов, с материка в интересах сухопутных войск — 398, для

охранения конвоев — 803, для морской разведки — 245 и с целью спасения на море — 87 вылетов.

Спасательными германскими самолетами спасено в море 109 человек. Потери самолетов, базировавшихся в Крыму, составили: два самолета подбиты советскими истребителями, один подбит своим зенитным огнем, два разбиты на земле, два пропали без вести. 76 поврежденных самолетов, которые невозможно было вывезти на материк, были уничтожены на аэродроме. Из самолетов, действовавших с материка, два пропали без вести, один сбит советскими ночными истребителями.

После принятия решения об эвакуации, в ночь с 8 на 9 мая, внимание всех обратилось в сторону флота. От него теперь зависело спасение или гибель 17-й армии.

С 12 апреля по 8 мая из Крыма в Констанцу и Сулину были перевезены 64 563 солдата, 9424 раненых, 11 358 гражданских лиц и 4260 военнопленных.

К эвакуации своих войск из Крыма немцы привлекли практически все суда и плавсредства, имевшиеся у них на Черном море. Впервые за войну в районе Севастополя активно действовали румынские корабли, включая эсминцы. Ранее же по политическим соображениям Антонеску запрещал им заходить так далеко. (А может, боялся потерять свой флот?) В любом случае, в 1941—1943 гг. румынские корабли действовали у своего побережья и лишь иногда сопровождали конвои до Одессы и Николаева, хотя, впрочем, эти города румыны считали своей территорией.

В связи с наступлением советских войск 1-я флотилия торпедных катеров была переведена из Иван-баба (Двуякорной бухты) в Констанцу, однако часть ее продолжала действовать с временных баз в Балаклаве и Севастополе. Ее катера использовались прежде всего для дальнего охранения конвоев и прикрытия транспортных путей. При повторяющихся боевых столкновениях с советскими катерами успеха достигнуто не было, так как после открытия огня противник уклонялся от боя.

В свою очередь 19 апреля советские торпедные катера Г-6, № 313, 331, 332, 343, 344 и 353 перешли из Анапы в Ялту для действий на коммуникациях противника в районе Севастополя.

Боевые действия советских торпедных катеров на вражеских коммуникациях в целом были неудачными. Характерный пример — бой 16 апреля. Цитирую «Хронику...»: «В 4 ч. 00 м. торпедные катера № 85, 86, 115, 44, 105, 54, 106 (2-й Новороссийской бригады), вышедшие накануне из бухты Караджа в район Севастополя на поиск противника, направились в базу. Торпедные катера № 85 и 86 в квадрате 4 встретили две большие десантные баржи врага в охранении четырех сторожевых катеров. Торпедный катер № 85 в 4 ч. 25 м. и 4 ч. 30 м. с дистанции 1,5 каб. с двух залпов выпустил по баржам противника две торпеды, но промахнулся. Торпедный катер № 86 (с реактивным вооружением) обстрелял снарядами РС сторожевой катер и повредил его. Катер № 85 получил попадание 37-мм снаряда в рубку. Торпедные катера № 115, 44 и 54, находясь в квадрате 2, на отходе в 4 ч. 32 м. обнаружили вражескую большую десантную баржу в охранении трех сторожевых катеров. Торпедный катер № 115 с дистанции 3 каб. одной торпедой потопил большую десантную баржу. (Подтверждений этому нет. — *А. Ш.*) В 6 ч. 30 м. все группы торпедных катеров возвратились в бухту Караджа»[1].

Ни одно судно противника в этом бою потоплено не было. Что же касается применения реактивных снарядов для стрельбы по морским подвижным целям, то это можно объяснить лишь тем, что наши военморы не заглядывали в «Таблицы стрельбы» снарядов М-8 и М-13, а конкретно в раздел, где говорится об огромном рассеивании снарядов[2].

Более удачным могло быть применение реактивных снарядов по береговым целям. Но их наши катера по объектам у Севастополя использовали лишь два раза. Так, 23 апреля два катера выпустили реактивные снаряды по району Константиновской батареи. А 29 апреля торпедный катер № 126 выпустил 24 снаряда М-13 по аэродрому на Херсонесе.

Кроме этого наши корабли не оказывали никакого огневого воздействия на противника в районе Севастополя. Зато 3-я немецкая флотилия артилле-

---

[1] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 6. С 1 января по 9 сентября 1944 г. М.: Воениздат, 1951. 258—259.

[2] Подробнее см.: *Широкорад А.Б.* Отечественные минометы и реактивная артиллерия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

рийских барж применялась близ Севастополя для обстрела советских позиций на северном фронте обороны.

30-я флотилия германских подводных лодок (шесть лодок II серии) с 30 июня 1943 г. по 16 января 1944 г. потопила два танкера, «Эмба» и «Валян Куторы», и шхуну «Тонанс». А в конце апреля — начале мая германские подводные лодки ожидали у Поти, Батуми и Туапсе выхода в море советских кораблей, но, увы, никто из них идти к берегам Крыма не собирался. За неимением лучшего одна из лодок, U-9, атаковала конвой, шедший из Сухуми в Туапсе. Выпущенная ею акустическая самонаводящаяся торпеда поразила корму сторожевого корабля «Шторм». Корабль разломился надвое, кормовая часть утонула, а носовую удалось отбуксировать в порт Туапсе.

В полночь с 9 на 10 мая командующий 17-й армией генерал Альмендингер и его начальник штаба генерал-майор Ксилендер сели на торпедный катер S-51 и покинули Крым. Командование войсками на Херсонесском плацдарме принял командир 49-го армейского корпуса генерал Хартман.

В течение 10 мая советские войска продолжали атаки херсонесской позиции. Немцам с трудом удалось их отбить. Усилились огонь советской артиллерии и налеты авиации. Большая часть мест для погрузки была расположена в Казачьей и Камышовой бухтах. Поскольку эти пункты находились в центре позиции, они очень хорошо подходили для главных погрузочных пунктов. Большие транспорты, которые сами не могли подойти к пристаням, должны были становиться у входа в бухты, а погрузка на них должна была осуществляться с паромов 770-го саперно-десантного полка. Причалы защищали легкие и тяжелые зенитные батареи 9-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Можно представить, какая катастрофа произошла бы, появись в этот момент у Херсонеса хоть несколько советских эсминцев, я уж не говорю о крейсерах, ведь германской авиации в Крыму уже не существовало. А пока бомбардировщики долетят из Румынии, да плюс 466 истребителей советской 8-й воздушной армии, базировавшиеся на близлежащих аэродромах Крыма. Но, увы, увы... Адмирал Октябрьский по-прежнему «бережет флот».

10 мая около 2 часов ночи в район Херсонеса прибыли первые германские транспорты «Тотила» и «Тея». Они стали в 2 милях севернее мыса, где попали под сильный артиллерийский огонь и налеты авиации. Из-за обстрела паро-

ходы не могли подойти ближе к берегу, что очень замедлило погрузку. Она проводилась с 4 часов до 7 ч. 30 мин. с помощью катеров и шлюпок. «Тея» приняла на борт от 4800 до 5000 человек, «Тотила» — около 4000 человек. В 5 ч. 45 мин. «Тотила» была повреждена во время налета тремя бомбами, загорелась и около 8 часов затонула. Подошедший на помощь катерный тральщик R-209 в 11 ч. 30 мин. доложил о гибели корабля. Уходившая тем временем на юго-запад в сопровождении катерных тральщиков R-164 и R-35 «Тея» после попадания бомб и торпеды с торпедоносца была настолько сильно повреждена, что в 15 часов затонула в 23 милях юго-западнее Херсонеса. Тральщики смогли спасти около 400 человек и пришли в Констанцу в 11 часов 11 мая. Большая часть эвакуированных солдат (около 8 тысяч) утонула.

10 мая на Херсонес транспортами «Тебен», «Хельга» и «Данубиус» было доставлено большое количество боеприпасов. В тех обстоятельствах они уже не могли попасть на передний край. Из 40 т боеприпасов организованно были выгружены только 7 т.

В ночь с 10 на 11 мая эвакуация немцев могла осуществляться лишь в ограниченных объемах, поскольку ожидаемые корабли еще не прибыли. 11 мая на полуострове Херсонес находилось еще около 20 тысяч человек, а 10 числа докладывали о 35 тысячах. 10 мая из-за шторма удалось эвакуировать лишь небольшое количество людей, если принимать во внимание большие потери на суше и на море.

11 мая в 2 часа ночи конвой с транспортами «Овидия» и «Романия» (3150 брт) подошел к Херсонесу. Снова погрузка натолкнулась на большие трудности, так как саперных паромов и шлюпок не оказалось на месте. Они были разбиты за сутки до этого или ушли с конвоем «Патриа» на запад. Большая десантная баржа и лоцманский катер SW-12 занялись перевозкой. Тем временем «Романию» атаковали советские самолеты. В судно попало несколько бомб, оно горело почти сутки и затонуло 12 мая. Несколько сотен немецких солдат удалось принять лишь кораблям охранения.

В 5 часов утра танкер «Фредерик» («Фируз»), входивший в конвой «Флиге», торпедировала советская подводная лодка «Л-4», и он был вынужден на буксире кораблей охранения вернуться в Констанцу. Только из-за этой потери возможности конвоя снизились на 10 тысяч человек. Но это был единствен-

ный крупный успех семи советских подводных лодок, если не считать пуски торпед по кораблям, уже тонувшим от попаданий авиабомб.

К концу дня 12 мая большая часть германских войск на мысе Херсонес во главе с командиром 73-й пехотной дивизии генерал-майором Беме сдалась в плен.

В ночь с 12 на 13 мая с херсонесского побережья и с подручных плавсредств торпедными катерами были подобраны еще 83 человека. В последующие две ночи немецкие катера предприняли еще два поиска, оказавшихся безуспешными. Сражение 17-й армии за Крым было закончено.

13 мая в 17 ч. 10 мин. командование группы армий доложило Ставке первые численные результаты: 3 мая в районе Севастополя находились 64 700 человек. С 3 по 8 мая было вывезено 3200 человек, 10—13 мая в Констанцу прибыло 19 тыс. человек, 13 мая в 12 часов еще 2500 человек были в море. В тот же день в Сулину прибыли 700 человек. С 3 по 13 мая самолетами было эвакуировано 300 человек, в то же время на материк прибыло 150 человек, которые не были зарегистрированы. Из подчиненных морскому коменданту Крыма и других подразделений флота с 3 по 13 мая прибыли 850 человек. Всего — 26 700 человек, из них 10 000 раненых. Судьба еще 38 000 человек была неизвестна. Они либо утонули, были убиты или пропали без вести.

После окончательного подсчета количество убитых и пропавших без вести в Крыму в период с 8 по 13 мая составило всего 57 500 человек (31 700 немцев и 25 800 румын). С начала боев 5 мая на материк было доставлено 37 500 человек (из них 32 000 немцев и 5500 румын). За три последние ночи эвакуации с 9 на 10, с10 на 11, с 11на 12 мая были доставлены из Херсонеса в Констанцу 25 697 солдат и 6011 раненых. Кроме этого, были эвакуированы еще 8100 человек, которые погибли при переходе морем.

Всего с начала эвакуации 12 апреля из 230 тыс. человек 17-й армии на материк немецким и румынским флотом было вывезено 130 тыс. человек, за то же время самолетами люфтваффе было вывезено еще 21 457 солдат. Из указанного командующим 17-й армией числа 57 500 убитых и пропавших без вести судьба не менее чем 20 тыс. человек осталась невыясненной.

Я привел немецкие данные. По данным же «Сообщения Советского Информбюро об итогах Крымской наступательной операции Красной Ар-

мии» от 12 мая 1944 г.: «В ходе боев по разгрому севастопольского плацдарма противника и очищению мыса Херсонес нашими войсками за период с 7 по 12 мая уничтожено: танков и самоходных орудий — 49, самолетов — 87, орудий разных — 308, минометов — 331, пулеметов — 620, автомашин — 564, складов разных — 24.

Противник потерял только убитыми более 20 000 солдат и офицеров.

Захвачено нашими войсками: танков и самоходных орудий — 48, самолетов — 49, орудий разных — 1228, минометов — 721, пулеметов — 4859, винтовок и автоматов — 46 041, автомашин — 4173, лошадей — 710, складов разных — 123, паровозов — 25, эшелонов с военной техникой — 14 и отдельно вагонов с разным военным имуществом — 540.

Взято в плен 24 361 солдат и офицер, в том числе командир 5-го армейского корпуса генерал-лейтенант Бемэ, командир 111-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Грюнер и несколько полковников.

Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая нашими войсками... взято в плен 61 587 солдат и офицеров...

Нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая потоплено с войсками и военными грузами противника: транспортов — 69, больших десантных барж — 56, сторожевых кораблей — 2, канонерских лодок — 2, тральщиков — 3, сторожевых катеров — 27 и других судов — 32. Всего потоплено за это время 191 судно разного тоннажа»[1].

По германским же данным, были потеряны плавбаза «Румыния»; малые охотники за подводными лодками № 2313, 2314, 104; большая десантная баржа № 132; плавбатареи № 3106, 3111, 10, 01, 20, а также торговые суда.

В 2 ч. 30 мин. 12 мая последний крупный конвой покинул акваторию Херсонеса. Пароход «Тисса» на пути в Констанцу получил повреждения от попадания бомбы, и его взял на буксир тральщик R-196. Пароход «Дуростор» затонул в 16 часов после попаданий бомб и торпеды подводной лодки «А-5». «UJ-310», поврежденный артиллерийским огнем, затонул. Находившиеся на месте 10 больших десантных барж оставались у пристаней и после 2 ч. 30 мин. до полной загрузки. Они продолжали находиться в распоряжении морского коменданта. Им была дана команда взять на борт как можно больше человек

[1] Крым в период Великой Отечественной войны. С. 381—382.

(до 700 вместо 250 по инструкции, а некоторые даже до 1100 человек) и идти на запад.

По «послеперестроечному» изданию «Гриф секретности снят» в Крымской наступательной операции с 8 апреля по 12 мая 1944 г. участвовало 30 стрелковых дивизий, один танковый корпус, три танковые и две стрелковые бригады, и два укрепрайона, общей численностью 462 400 человек (данные на начало операции). В ходе операции безвозвратные потери составили 17 754 человека, а санитарные — 67 065 человек.

Как видим, наши и германские данные существенно разнятся. Тут следует заметить, что если в отношении вражеских кораблей и плавсредств наши адмиралы врали безбожно, то с потерями сухопутных войск явно проводились «хитрые манипуляции». Видимо, потери убитыми намного превышают 17 тысяч человек, особенно если к ним прибавить потери штрафников, полков НКВД, партизан, летчиков и т.д.

Глава 14
ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЫМА

Немцы за 3 года оккупации нанесли огромный ущерб экономике, транспортной инфраструктуре и жилому фонду Крыма.

Согласно докладу Крымской комиссии по расследованию злодеяний немецко-румынских захватчиков в Крыму и причиненного ими ущерба, составленному в сентябре 1945 г.:

«Общий размер ущерба в денежном выражении характеризуется следующими данными:

По союзной и республиканской промышленности 5 792 842,5 тыс. руб.

По предприятиям, учреждениям и организациям местного подчинения 1 563 221,8 тыс. руб.

В том числе:

а) по местной промышленности 1 034 787,3 тыс. руб.

б) по земельным органам 86 517 тыс. руб.

в) по культуре, здравоохранению, искусству и зданиям различного культа 370 610,2 тыс. руб.

г) по торговым организациям 71 313,3 тыс. руб.

По колхозам Крыма 8 074 541 тыс. руб.

<...>

Немецко-фашистские захватчики полностью и частично уничтожили в Крыму 17 750 зданий хозяйственного назначения объемом 13 858 563 куб. м, 22 917 жилых здания объемом 9 074 400 куб. м.

Они сожгли, разрушили и разграбили 15 музеев, 590 зданий театров и клубов, 315 зданий детских учреждений, 393 больницы и амбулатории и 15 зданий религиозного культа.

Захватчики увезли в Германию со всем оборудованием трамваи городов Севастополя, Симферополя, Керчи и Евпатории. Ими увезено и уничтожено 1649 разных двигателей, 77 паровых котлов, 1080 металлорежущих станков, 1748 автомобилей, 22 комбайна, 642 трактора, 697 станков и машин трикотажно-вязальной промышленности, 897 машин швейной промышленности, 36 305 сельскохозяйственных машин и орудий и 2 288 070 штук разного сельскохозяйственного инвентаря»[1].

Далее идет длиннейший список материальных потерь Крыма.

9 мая 1944 г. Севастополь был освобожден от фашистских оккупантов. Вместе с войсками Красной армии в освобожденный город вошла оперативная группа инженерного отдела Черноморского флота во главе с инженер-подполковником И.А. Лебедем.

По свидетельствам очевидцев, города фактически не существовало. На его месте освободители увидели дымящиеся каркасы и развалины жилых домов, школ, больниц, музеев и различных учреждений. Было разрушено 94 % жилого фонда, уничтожены все промышленные предприятия, водопровод, канализация, электростанция. Из 6402 жилых домов уцелело немногим более тысячи. Из них в центральной части города уцелело 4 (четыре!) дома. Из 140 тысяч жителей в освобожденном Севастополе осталось около 3 тысяч.

Степень разрушения города не позволяла определить даже направление улиц. Все лежало в развалинах. Разрушены железная дорога, тоннели, мосты и вокзал, все промышленные предприятия города и флота. Множество неразорвавшихся бомб, мин, снарядов и осколков покрывали город и его окраины

[1] Цит. по: *Иванов В.Б.* Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 418.

слоем металла. Ежедневно на центральных улицах города работали бригады пленных немцев и румын, расчищая завалы, приспосабливая трассы для проезда транспорта. Улицы были забиты немецкой и нашей разбитой техникой.

Уже 26 апреля 1944 г. Государственным Комитетом Обороны было принято Постановление № 5477 «О создании специальной строительной организации для восстановления Севастополя и объектов главной базы Черноморского флота — Особой строительно-монтажной части (ОСМЧ), названной "Севастопольстрой"».

Ее первым правительственным заданием стало восстановление поврежденных и разграбленных фашистами дворцов — Ливадийского, Воронцовского и Юсуповского.

В феврале 1945 г., после окончания Ялтинской конференции, главы стран антигитлеровской коалиции Черчилль и Рузвельт захотели посмотреть Севастополь. То, что предстало перед их глазами, назвать городом было трудно — сплошные руины. По воспоминаниям очевидцев, президент США Франклин Рузвельт был поражен масштабами разрушений и сказал примерно следующее: «Для восстановления вашего города понадобится 50 лет, и это возможно в том случае, если мы вам поможем; без нашей помощи вам не обойтись».

Осмотрев руины города, Черчилль выразил свое сомнение Сталину, удастся ли восстановить Севастополь, и не лучше и проще было бы вообще отстроить его на новом месте. Сталин четко ответил британскому премьеру: «Севастополь будет возрожден как русский город!»

Ряд советских архитекторов предложили создать новый город. Для этого потребовалось не только снести развалины, но и срезать ряд возвышенностей, чтобы на их месте построить большие ровные проспекты, улицы, кварталы домов, скверы и т.д. Однако Сталин воспрепятствовал подобным планам и решил восстанавливать город таким, каким он был до войны.

Конечно, Севастополь не должен был стать копией довоенного города с населением 112 тысяч человек.

Согласно генеральному плану, Севастополь восстанавливался и развивался как крупный промышленный и научный центр. Расчетная численность его населения до 1970 г. составляла 200 тыс. человек.

Следует отметить, что территориальное расширение города планировалось незначительное, в основном в юго-западном направлении вдоль моря и бухт. Учитывая наличие старых и создание новых промышленных предприятий, жилищно-гражданское строительство планировалось также в районе Куликова поля, на Корабельной стороне за Малаховым курганом, на Северной стороне, в районах Балаклавы и Инкермана (Белокаменска).

Городской центр сохранялся на исторически сложившемся месте: от Приморского бульвара до площади Ушакова и от Южной бухты до Одесского оврага. Только теперь его территория увеличивалась в три раза за счет продвижения на запад вдоль бухт Хрустальной, Александровской, Мартыновой и до улицы Шестой Бастионной (Загородная балка), на юг по улице Гоголя до бывшей Сенной площади, включая Исторический бульвар и площадь у железнодорожного вокзала.

Весь город был разделен на 13 жилых районов по принципу тяготения к промышленным предприятиям. Уже тогда было определено место будущих промышленных и складских зон, главной из которых стала зона, расположенная между Балаклавским шоссе и Карантинной балкой.

Сразу после освобождения основным заданием было решение энергетического вопроса. Срочно было необходимо восстановить разрушенные электростанции ГРЭС № 1 и ГРЭС № 2. Работы велись круглосуточно. Стройка стала главным ударным объектом города, и в конце января 1945 г. ГРЭС № 2 вошла в строй. Но мощностей все равно не хватало, для этого требовался запуск ГРЭС № 1. И эта задача была выполнена, и в конце марта 1946 г. ГРЭС № 1 вошла в строй и «запитала» не только Севастополь и Балаклаву, а и Бахчисарай и Симферополь.

26 ноября 1947 г. с учетом генерального плана города министр Вооруженных Сил СССР Булганин приказом № 090 утвердил задание на восстановление в целом главной базы Черноморского флота — Севастополя. Масштабы восстановительных работ потребовали рассмотрения вопроса высших органов власти СССР. Постановление требовало ускорить восстановление Севастополя как первоклассной военно-морской крепости.

В связи с особым статусом Севастополя постановление предписывало выделить город Севастополь в число городов республиканского подчине-

ния. Это уже решение от 27 ноября 1948 г., объявленное приказом Главкома ВМС СССР № 00158. На практике с этого времени решения Крымского облисполкома не распространялись на территорию Севастополя — главной базы Черноморского флота.

В августе 1948 г. Севастополь посетили И.В. Сталин, А.Н. Косыгин, Н.А. Вознесенский и другие руководители партии и правительства Советского Союза. В том же году было решено завершить возрождение города к 1954 г. Однако фактически восстановление города удалось завершить лишь в 1957 г.

Благодаря усилиям строителей Севастополь был фактически отстроен заново. 19 февраля 1957 г. Севастопольский Горком Компартии Украины доложил о завершении восстановления Севастополя. Восстановление Севастополя было полностью завершено к 1957 г., то есть за 13 лет, а не за полвека, как предрекал американский президент.

Не менее быстро восстанавливались и другие города полуострова.

К началу 1947 г. количество жителей Керчи достигло уже половины довоенного уровня и составляло 51,5 тыс. человек. Шло активное восстановление основных предприятий города — железорудного комбината, коксохимического и металлургического заводов, судостроительной верфи, рыбозаводов, холодильников, бондарного завода, моторно-рыболовной станции и др.

За годы оккупации сельскому хозяйству Крыма был нанесен страшный урон. Больше всего пострадали предприятия водного хозяйства и машинно-тракторные станции (МТС). Из 1778 сооружений водоснабжения было приведено в негодность 1211. Площадь орошаемых земель сократилась с 9676 до 5062 гектаров. В МТС из 3293 тракторов осталось 1386, в большинстве своем неисправных. Сильно пострадала одна из ведущих отраслей сельского хозяйства Крыма — виноградарство, площадь виноградников сократилась почти на 700 гектаров.

Еще до окончания войны в Крым для нужд сельского хозяйства было доставлено 200 новых тракторов (это при том, что у нас еще не вся артиллерия была переведена на мехтягу). Колхозам Крыма из соседних областей передано 18,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 34 тыс. овец и коз, 2900 лошадей.

В связи с тем, что русское население Крыма было в значительной степени уничтожено немцами и татарами, а позже татары были выселены из Крыма,

из Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской, Курской и Тамбовской областей к 1 декабря 1944 г. было переселено 17 040 семей, в том числе в горные и предгорные районы 14 940 семей. Всего около 65 тыс. человек. Для скорейшего возрождения народного хозяйства полуострова рекомендовалось переселять семьи, имевшие не менее двух трудоспособных членов, знакомых с сельскохозяйственным трудом.

Переселенцы получали ссуду на обзаведение хозяйством. Им выделяли пустовавшие жилые и хозяйственные постройки, а также приусадебные участки. Новоселы Крыма могли по государственным ценам приобрести нужное им количество голов скота.

Однако не все переселенцы приживались на новом месте. Многие предпочитали вернуться в пусть разрушенные войной, но родные места и заняться привычными для себя сельхозработами — хлебопашеством, картофелеводством. И поэтому к началу 1946 г. из Крыма уехали 1615 семей, а к концу 1947 г. на новых землях прижились только 56 процентов от переселившихся семей, то есть 8917 семей.

В первые же месяцы в Севастополь вернулась знаменитая Панорама обороны Севастополя художника Ф.А. Рубо. В Феодосию была возвращена эвакуированная осенью 1941 г. в Ереван галерея Айвазовского.

К 25 марта 1945 г. уже нормально функционировали санаторий «Пролетарский» на 300 коек, клинический стационар института им. Сеченова на 45 коек, санаторий «Пионер» в Евпатории на 130 коек, Всесоюзная детская здравница «Артек» на 500 коек.

Восстановлением и капитальным строительством здравниц в Крыму занимался «Крымстрой», который восстанавливал Симферополь, Керчь, Феодосию, Ялту. Восстановление крупных городов и курортов шло фактически по единому плану. В 1946 г. на строительство выделялось: Керчи — 24,59 млн руб., Феодосии — 5,81 млн руб., Симферополю — 4,99 млн руб. и Евпатории — 2,98 млн руб.

В 1950 г. санатории и дома отдыха Крыма насчитывали 18 419 мест, что было на 11 тысяч меньше довоенного уровня (29 560 мест).

К началу 1944 г. на Черном море в эксплуатации находилось всего двадцать транспортных судов общей грузоподъемностью 60 тыс. тонн. Летом-осенью

1944 г. Черноморский флот возвратил гражданским пароходствам 23 мобилизованных судна общей грузоподъемностью 20 тыс. тонн. Одновременно судоремонтные заводы и мастерские ремонтировали и вводили в строй все суда, способные перевозить грузы, восстановление которых считалось целесообразным. Также поднимались и вводились в строй затопленные во время войны суда. И на 1 января 1945 г. на Черном море было уже 55 судов грузоподъемностью 114 тыс. тонн, что способствовало увеличению грузоперевозок и возрождению Крыма.

В первые 15 послевоенных лет отечественные верфи были до предела загружены строительством военных и транспортных судов, до пассажирских лайнеров руки не доходили. Поэтому правительство отправило на Черное море ряд пассажирских судов, полученных по репарациям. Среди них были германские пассажирские суда «Иван Сусанин» («Рюген»), «Орион» («Фригга»), «Адмирал Нахимов» («Берлин»), «Победа» («Иберия»), «Россия» («Патриа»), «Петр Великий» («Дуалс») и «Абхазия».

В ГДР к 1955 г. было достроен лайнер «Мариенбург», названный «Ленсоветом», а с 1962 г. переименованный в «Абхазию».

По репарации от румын был получен лайнер «Бессарабия», переименованный в «Украину», а у поляков в 1950 г. был куплен лайнер «Ян Собесский», переименованный в «Грузию».

В 1959—1961 гг. в Николаеве была построена серия пассажирских теплоходов вместимостью 250 человек. Головной из них — «Киргизстан» — ушел на Каспий, а большинство теплоходов этой серии служили на Черном море. В 1963—1965 гг. на Черноморский флот пришли лайнеры «Аджария» и «Армения», построенные в ГДР.

Эти суда совершали пассажирские и туристические рейсы по Средиземному морю, а с 1962 г. — и на Кубу, однако большей частью они плавали в Черном море. Наиболее популярной линией была Одесса — Батуми. В советское время поехать в круиз по Средиземному морю могли немногие, в основном партаппаратчики, деятели искусств, спортсмены и т.д. Но проехать на рейсовом или туристическом теплоходе по Черному морю мог позволить себе любой человек среднего достатка. Говорю не понаслышке. В 1950—1970-х годах моя мама (простой инженер) регулярно плавала на «России», «Победе»

и «Грузии». Я сам ездил на рейсовых теплоходах «Молдавия» и «Колхида» (типа «Киргизстан»), а в 1990 г. мы с женой поехали в круиз Одесса — Батуми на теплоходе «Армения». Увы, с 1991 г. таких рейсов более нет и пока не предвидится.

Глава 15
КАК ХРУЩЕВ ПОДАРИЛ КРЫМ УКРАИНЕ

25 января 1954 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

5 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР постановил передать Крымскую область Украинской ССР.

Процитирую протокол № 41 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР 5 февраля 1954 г.:

«Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР.

Настоящее постановление внести на утверждение Президиума Верховного Совета СССР».

19 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». 26 апреля того же года Верховный Совет СССР законом «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» утвердил указ своего Президиума и внес соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР.

Первый секретарь Крымского обкома КПСС Павел Иванович Титов был вызван в Москву, где он высказался против передачи Крыма, за что был немедленно снят с руководства обкомом и одновременно потерял депутатский мандат Верховного Совета СССР. А руководить Крымским обкомом поставили сторонника Хрущева — щирова украинца Дмитрия Полянского.

Любопытно, что в Верховном Совете СССР не проводилось голосование по поводу передачи Крыма. Формально голосование состоялось лишь в Президиуме Верховного Совета. А почему «формально»? Да не было кворума — из

27 членов присутствовали только 13. А обсуждение заняло лишь 15 минут. Таким образом, акция Хрущева представляла собой грубейший фарс.

А теперь перейдем к весьма скучному вопросу — законности передачи полуострова.

Согласно статье 18 действовавшей на 1954 г. Конституции СССР, территория республик не могла быть изменена без их согласия. Таковые согласия были оформлены со стороны обеих республик в виде постановлений Президиумов их Верховных Советов. Однако в статье 33 Конституции РСФСР, содержавшей перечень полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР, отсутствовали полномочия по изменению границ РСФСР.

Кроме того, изменение территории республик не входило в полномочия Президиума Верховного Совета СССР, определявшиеся статьей 49 Конституции СССР. Согласно статьям 14, 31 этот вопрос находился в ведении Верховного Совета.

26 апреля 1954 г. Верховный Совет СССР законом «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» утвердил указ своего Президиума и внес соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР.

21 мая 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации принял постановление №2809—1, которое признавало Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» «не имеющим юридической силы с момента принятия» ввиду того, что оно было принято «с нарушением Конституции (Основного Закона) РСФСР и законодательной процедуры». Однако Верховный Совет России уточнил, что, из-за конституирования последующим законодательством РСФСР факта передачи Крымской области и заключения между Украиной и Россией двустороннего договора от 19 ноября 1990 г., в котором стороны отказываются от территориальных притязаний, и закрепления данного принципа в договорах и соглашениях между государствами СНГ, считает необходимым урегулирование вопроса о Крыме путем межгосударственных переговоров России и Украины с участием Крыма и на основе волеизъявления его населения.

Почему Хрущев принял такое решение? Уже много лет проукраинские СМИ приводят десятки доводов экономического характера в пользу присо-

единения Крыма к УССР. Мол, так государству было удобнее осуществлять строительство грандиозного Северо-Крымского канала.

И действительно, в 1961—1971 гг. от Каховского водохранилища до Керчи был проложен оросительно-обводнительный канал длиной 402,6 км. К 1986 г. площадь орошения составляла 380 тыс. га и обводнения — свыше 600 тыс. га. Канал частично снабжал водой Феодосию, Керчь, Судак.

Спору нет, стройка грандиозная. Но строительство канала шло не за счет бюджета одной УССР, а за счет общесоюзного бюджета, и доля УССР была меньше, чем доля РСФСР.

Можно привести как спорные, так и бесспорные экономические и технические преимущества передачи Крыма УССР. Например, теперь железная дорога от Харькова до Севастополя шла только по территории Украины.

Но, увы, в условиях сверхцентрализованной экономики СССР эти факторы не являлись решающими. Главным же было желание Хрущева привлечь на свою сторону многочисленные партийные организации Украины, чтобы использовать их в борьбе за власть. И тут Никита Сергеевич оказался прав — действительно, эти организации поддержали его в борьбе с антипартийной группировкой Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним Шепилова».

По сути дела, Хрущев отстранил от власти все руководство партии и страны. Ну а потом Хрущев устранил своего главного соперника — министра обороны маршала Жукова.

Сейчас вошло в моду утверждать, что Хрущев подарил Украине Крым «как мешок картошки». По сути это верно, но в феврале 1954 г. в Крыму никто не радовался и не протестовал.

Передачу полуострова... никто не заметил! Решение о передаче Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР, как и положено, должны были опубликовать на следующий день. Однако граждане страны об этом оповещены не были ни 20 февраля, ни в последующие дни. Так, печатный орган Верховного Совета СССР газета «Известия» в субботу 20 февраля большую часть передовицы посвятила отчету о результатах берлинского совещания СССР, США, Великобритании и Франции по поводу «регулирования международной обстановки». Еще были опубликованы материалы о ходе выборов

в Верховный Совет СССР, о нарастании экономического кризиса в США и об отъезде нескольких групп москвичей на целину.

Из указов Верховного Совета, принятых накануне, напечатан только один — о присвоение звания Герой Социалистического Труда передовикам колхоза «Правда» Верхне-Чирчикского района Узбекской ССР за рекордные урожаи стеблей джута (из этого растения делали тару для сахара, муки и бельевую ткань).

«Крымская пресса также не уделила вхождению полуострова в состав УССР совершенно никакого внимания. Жители Крыма, только что присоединенного к Украине, жили обычной жизнью, не ведая о переменах. На первых полосах газет — чествование передовиков Джанкойского консервного завода и рассказ о лучшей на полуострове избе-читальне, открытой в селе Любимовка Севастопольского района.

В Симферополе 20 февраля 1954 года погода, по сообщениям синоптиков, была холодная: минус 10—11 градусов, пасмурно. В кинотеатрах шли художественные фильмы: “Мастера русского балета”, “Большая жизнь”, “Калиновая роща”, в областном драмтеатре имени Горького состоялась премьера пьесы “Не называя фамилий”, а в тире “Спартак” прошли стрельбы трудовых коллективов, на которых первое место заняла команда Центрального телеграфа.

Интересны и рекламные газетные сообщения 60-летней давности. К примеру, об открытии Симферопольским животноводческим товариществом “Крымский пчеловод” городского случного пункта коров по адресу — улица Павленко, 2а. Или о распродаже мясокомбинатом крупных партий костяных пуговиц в ассортименте и курительных мундштуков. Также в день присоединения Крыма к Украине симферопольские власти “приструнили” местных торговцев молоком. Их обязали сдавать свою продукцию на проверку в специальные пункты на городских рынках. За нарушение, гласит объявление — штраф 5 рублей.

А еще в этот день в Севастополе военные моряки нашли клад. Во время проведения земляных работ в районе улицы Кошевого матросы нашли

35 античных монет, сделанных из бронзы в третьем веке до нашей эры. Клад передали в Херсонесский музей»[1].

В чем причина безразличия крымчан к акции Хрущева? Может быть, и так Крым был украинским? Нет! Крым всегда был русским! Вот некоторые статистические данные по составу и численности населения Крымской области:

1939 год — 1 123 800 человек (49,6 % русских, 19,4 % крымских татар, 13,7 % украинцев, 5,8 % евреев, 4,5 % немцев, 1,8 % греков, 1,4 % болгар, 1,1 % армян, 0,5 % поляков);

1959 год — 1 201 500 человек (71,4 % русских, 22,3 % украинцев, 2,2 % евреев, 0,1 % поляков);

1979 год — 2 135 900 человек (68,4 % русских, 25,6 % украинцев, 1,1 % евреев, 0,7 % крымских татар, 0,3 % поляков, 0,2 % армян, 0,2 % греков) [2].

Да дело в том, что УССР была такой же частью Советского Союза, как и РСФСР. Сошлюсь на свой личный опыт. Когда мама первый раз повезла меня в Крым в 1962 г., я достал всех проводников нашего и соседних вагонов вопросом, где проходит граница РСФСР и УССР. Никто не знал!

В конце 1970-х — начале 1980-х годов я часто бывал в служебных командировках на Украине, в том числе четыре раза в Северодонецке. Но только в 1992 г. я узнал, что Северодонецк находится на Украине! Я не менее десяти раз бывал в командировках в Харькове в одном из НИИ. Там я ни разу не слышал украинской «мовы» ни в рабочей обстановке, ни когда меня сотрудники пригласили на день рождения. Мову я слышал лишь на Харьковском вокзале.

Подчинение крымских гражданских организаций Украине шло медленно и так и не прошло до конца. Вот несколько примеров:

«В 1954 г. передача полуострова другой республике стала возможной. Крым переходил в подчинение Киеву так же относительно, как подчинялась киевскому субцентру власти вся Украина. Это можно проиллюстрировать на примере крымских научных учреждений. Когда АН УССР в 1954 г. поинтересовалась в президиуме АН СССР, какие учреждения переходят в ее

[1] Материалы сайта: http://www.sevastopol.su/author_page.php?id=57488

[2] Материалы сайта: http://ru.wikipedia.org/wiki/

распоряжение, то оказалось, что почти вся материальная база науки оставалась в ведении Москвы. Лишь в 1961 г. АН УССР получила Севастопольскую биологическую станцию, впоследствии преобразованную в Институт южных морей им. В. Ковалевского, а также Морской гидрофизический институт. Научные объекты мирового значения, в частности, Никитский ботанический сад и Крымская астрономическая обсерватория, оставались в распоряжении Москвы до 1991 г.»[1]

Опять сошлюсь на мой опыт. С 1962 по 1972 год я почти каждый год отдыхал на турбазе «Кулон» в поселке Рыбачий между Алуштой и Судаком. Турбаза была построена на средства четырех московских предприятий. Какое отношение имели украинские власти к «Кулону»? Не представляю!

Весь персонал турбазы был из Москвы. Причем поварихи, официантки, шоферы, разнорабочие и т.д. числились сотрудниками московских НИИ — инженерами, техниками, рабочими и т.д. В мае они уезжали в командировку в Крым, а в октябре возвращались в Москву. Даже весь автотранспорт турбазы — десяток грузовиков, легковушек и автобусов — был с московскими номерами.

Аналогичная ситуация наблюдалась в нескольких десятках санаториев и домов отдыха Крыма. Они юридически принадлежали различным учреждениям СССР и РСФСР и не имели никакого отношения к местным украинским властям.

И в Москве, и особенно на отдыхе в других городах у меня слабость — люблю ходить по книжным магазинам. А, между прочим, книжный рынок лучше любых опросов и референдумов безошибочно показывает, какой народ обитает в данной местности.

В 1960—1980-х годах советская власть пусть вяло, но непрерывно вела украинизацию Крыма. Так, на государственную дотацию издавались книги на украинском языке. Ситуация была трагикомической. Книги Сименона, Дюма и т.д. на русском языке в книжных магазинах нельзя было найти днем с огнем, а на «черном рынке» за них платили четырех-пятикратную стоимость. Зато те же издания на украинском или, скажем, на молдавском языках пылились на книжных полках магазинов по сильно сниженным ценам. Я сам видел, как бабуля с рынка покупала их, чтобы заворачивать кулечки с семечками.

[1] Материалы сайта: http://www.ukrrudprom.ua/digest/Ukrainskiy_Krim.html

Но вот появился капитализм, и всю украинскую литературу сдуло с полок магазинов и уличных ларьков Ялты, Алушты, Алупки, Севастополя и других крымских городов. Только в больших книжных магазинах оставались маленькие отделы с учебной, краеведческой и политической литературой на украинском языке.

Да что Ялта! Я в 2005—2013 гг. ежегодно бывал в магазине «Академкнига» в Киеве, и там число посетителей уменьшалось пропорционально увеличению числа книг на украинском языке.

Ах, москали притесняют «мову»! Да пойдите на Старый Арбат — самую престижную московскую улицу. Там в доме № 9 находится шикарно оформленный большой магазин «Украинская книга», да только посетителей там... нэма! За 5 лет моих регулярных посещений я лишь дважды столкнулся там с другим покупателем.

После 1954 г. в Крыму вне компетенции Киева по-прежнему оставались десятки предприятий союзного подчинения, как, например, основанный еще в 1938 г. Керченский судостроительный завод (сейчас завод «Залив»). Точное число предприятий союзного подчинения в Крыму неизвестно. Скажу лишь, что в 1945—1948 гг. на их восстановление было израсходовано 82 млн рублей.

Как видим, и после хрущевского «дарения» значительная часть промышленных предприятий и курортов не поменяла подчиненности.

Мало того, в актах о передаче Крыма Украине ничего не говорилось о Севастополе. Между тем в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 Севастополь де-юре был выведен из состава Крымской области, став городом республиканского подчинения РСФСР (самостоятельным административно-хозяйственным центром со своим особым бюджетом).

С другой стороны, отнесение Севастополя к категории городов республиканского подчинения не было зафиксировано в действовавшей тогда Конституции РСФСР 1937 года, поскольку она не содержала перечня городов республиканского подчинения, и вообще статус города республиканского подчинения в то время не был четко определен.

Замечу, что Севастополь был не единственным в СССР городом союзного подчинения. Вот, к примеру, город Саров, основанный еще в 1691 г., в 1946 г.

исчез с географических карт Советского Союза. Там был создан ядерный центр КБ-11, а город получил статус закрытого административно-территориального образования. Нельзя было даже поминать само название «Саров», а в документах город именовали «Горький-130», «Арзамас-75», «Кремлев», «Арзамас-16».

Слава Богу, Севастополь не исчез с географических карт, как, например, Саров и Балаклава. Но он стал закрытым городом.

Попасть в Большой Севастополь, состоявший из собственно Севастополя, Балаклавы, Инкермана и Качи, можно было через три КПП. Два из них находились на шоссе: на Симферопольском у поселка Верхнесадовое и на Ялтинском у села Гончарное. На железной дороге Симферополь — Севастополь сразу после Бахчисарая появлялись милиционеры, тщательно проверявшие документы. Местные жители предъявляли пропуска со штампом «Погранзона», а приезжие — специальные разрешения.

Мало того, жителю самого Севастополя нельзя было попасть в Балаклаву без специального пропуска.

В 1960—1980-х годах даже министру правительства УССР было проще отправиться на отдых во Францию на Лазурный Берег, чем в отсутствовавший на картах УССР город Балаклаву.

Хрущев, передавая Крым Украине, из соображений секретности не имел права распространяться о Севастополе. Так, например, если бы у Никиты хватило ума передать Горьковскую область Татарской АССР, то город союзного подчинения Саров тоже не был бы упомянут в Указе.

Только 12 апреля 1978 г. Верховный Совет РСФСР принял новую Конституцию, где в статье 71 были указаны только два города республиканского подчинения РСФСР: Москва и Ленинград.

20 апреля 1978 г. Верховный Совет УССР принял Конституцию, в которой был указан Севастополь в составе Украинской ССР в качестве города республиканского подчинения УССР (ст. 77 Конституции УССР). Таким образом, на конституционном уровне была зафиксирована принадлежность Севастополя Украинской ССР. Однако Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 не был отменен, и на основании этого многие российские и крымские историки считают, что положение статьи 77

Конституции Украинской ССР 1978 г. в части объявления Севастополя городом республиканского подчинения Украинской ССР не могло иметь юридической силы.

Подведем итог. Передача Крыма Украине мало что изменила на полуострове, особенно в том, что касалось личной жизни населения. Ну, заставили детей в школах пару уроков в неделю учить «мову». Ну и мало ли что нас учить заставляли — и историю КПСС, и «Обществоведение», «Основы научного коммунизма» и т.д.

Попробую объяснить ситуацию, опять же, на личном примере. Моя мама полвека назад вступила в ДСК на границе Московской и Владимирской областей. Железная дорога к ближайшей станции идет по куску Владимирской области, а шоссе — неизвестно как. Сие ни одного члена ДСК не напрягает. Ну а передадут 2 километра шоссе Владимирской области, и что? Но вот если оная область отделится от РФ, а на границе появятся автомобильные пробки часов эдак на 5—6, как на многих участках границы Украины и России, это станет подлинной катастрофой для членов нашего ДСК.

Ну а в Крыму катастрофа приняла еще большие размеры с учетом экономических, политических и языковых факторов.

Глава 16
КРЫМ КУРОРТНЫЙ

У большинства советских, да и российских граждан Крым ассоциируется прежде всего с курортным отдыхом. Курортным местом Крым сделали два фактора: длительное пребывание царской фамилии в Ливадии и создание русскими властями транспортной инфраструктуры.

До прихода русских в Крыму вообще не было нормальных дорог, если не считать нескольких полуразвалившихся стратегических римских дорог I—III веков н.э.

Но вот в 1824—1826 гг. солдаты Козловского и Нашембургского (Ленкоранского) полков под руководством подполковника Шипилова построили дорогу через Ангарский перевал. На самом высоком месте перевала был сооружен памятный знак «От Симферополя 32 версты, от Алушты 13 верст». Обратим внимание, Россию называют колониальной державой. А вот в

Африке и Азии дороги для англичан и французов строили туземцы, а у нас — русские солдаты.

В 1856 г. было учреждено акционерное Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ). Его деятельность началась с пяти пароходов, и постепенно, благодаря правительственным льготам, оно стало крупнейшей судоходной компанией не только в России, но и в Европе. Основной деятельностью РОПиТа стала организация регулярных рейсов по нескольким направлениям как по российскому побережью, так и за рубеж. Одной из первых линий стала линия «от Одессы до Керчи, заходя в Евпаторию, Севастополь, Ялту и Феодосию», по которой пароходы ходили три раза в месяц. В 1859 г. «для опыта» была открыта «Крымская линия ускоренного обслуживания». В 1860 г. вступило в действие новое расписание, по которому пароходы стали курсировать между крымскими портами и Одессой шесть раз в месяц — четыре пассажирских и два грузовых рейса.

В 1875 г. была закончена железная дорога Лозовая — Севастополь длиной 613 верст. В 1892 г. он нее провели ветку Джанкой — Феодосия в 118 верст, и лишь в 1900 г. построили 90 верст железной дороги Владиславовка — Керчь.

Важную роль для поездок в Крым «среднего» класса империи сыграло введение 1 декабря 1894 г. единого тарифа, принцип которого заключался в постепенном уменьшении поверстной платы в зависимости от увеличения расстояния.

В 1902—1903 гг. под руководством знаменитого писателя и не менее знаменитого инженера-путейца Николая Гарина-Михайловского были проведены изыскания для строительства железной дороги из Севастополя по ЮБК до Алушты и далее до Симферополя. В 1904 г. должно было начаться ее строительство, но финансирование его было прекращено из-за Русско-японской войны.

В 1906 г. умер Гарин-Михайловский.

В 1913 г. правительство одобрило модернизированный план строительства дороги. Но опять помешала война.

Весной 1927 г. был закончен новый проект Южнобережной железной дороги. Но теперь согласно ему по нормальной колее должны были ходить поезда на электрической тяге.

Однако землетрясение 1927 года сорвало планы строительства электрической железной дороги.

Только в 1960-х годах по маршруту, большей частью проложенному Гариным-Михайловским для железной дороги, было построено автомобильное шоссе Севастополь — Ялта, открытое для движения в августе 1972 г. На 33-м километре трассы, на скальном выступе горы Ласпи, была установлена мемориальная плита с барельефом Гарина-Михайловского. Надпись на плите гласит: «При строительстве автомобильной дороги через Ласпинский перевал использовались изыскания, которые в 1903—1904 гг. осуществил Н.Г. Гарин-Михайловский, инженер-строитель, известный русский писатель».

Поскольку южнобережная железная дорога так и не была построена, проезд отдыхающих от Симферопольского вокзала и аэропорта на ЮБК вызывал много трудностей.

В октябре 1958 г. было принято решение о строительстве первой в СССР и Европе горной междугородной троллейбусной линии Симферополь — Алушта — Ялта. Первая очередь этой линии Симферополь — Алушта протяженностью 52 км была построена и сдана в эксплуатацию в рекордно-короткий срок, за 11 месяцев. Строили эту линию специалисты более 80 предприятий из 10 городов УССР и РФСР. В первой очереди было построено два троллейбусных парка в Симферополе и в Алуште, 16 тяговых подстанций, установлено более 3000 опор и подвешено свыше 200 км контактного провода. Трасса частично прошла по маршруту, разработанному Гариным-Михайловским.

6 ноября 1959 г. в торжественный обстановке было открыто движение троллейбусов на линии Симферополь — Алушта. Первые троллейбусы на этой линии работали с кондукторами, так как на вокзале еще не было построено троллейбусных касс. Стоимость проезда составляла 6 руб. 50 коп. Кондуктор первые 8 месяцев по совместительству выполнял обязанности экскурсовода, троллейбус останавливался на Ангарском перевале и Кутузовском фонтане, где кондуктор рассказывал о достопримечательностях Крыма.

28 апреля 1961 г. было открыто троллейбусное движение в Ялте по городскому кольцу протяженностью 4,5 км. На этом маршруте троллейбусы работали с интервалом 1—2 минуты. Проезд по Симферополю стоил 40 копеек

(4 копейки после денежной реформы 1961 г.). До Алушты — 65 копеек, до Ялты — 1 руб. 20 коп.

В июле 1961 г. была построена вторая очередь междугородной троллейбусной линии Алушта — Ялта протяженностью 33 км. Продолжительность поездки до Алушты составляла 1 ч. 50 мин., до Ялты — 2 ч. 50 мин.

В 1970—1980-х годах в разгар летнего сезона интервалы движения троллейбусов на трассе Симферополь — Алушта составляли в среднем 2 минуты. В эти годы для удобства пассажиров билеты на троллейбусы в Алушту и Ялту продавались вместе с железнодорожными билетами до Симферополя в кассах Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Харькова, Риги и Вильнюса. Также билеты продавали в поездах проводники, бригадиры или начальники поездов.

Пуск троллейбусной линии привел к резкому увеличению числа отдыхающих в Ялте. Если в 1955 г. в Ялте побывало за сезон 300 тыс. человек, то в 1963 г. — свыше миллиона. Ну а в целом на полуострове в 1970—1980-х годах отдыхало за сезон свыше 7 млн человек, разумеется включая и «дикарей».

Говоря о транспортной инфраструктуре, мы ушли далеко вперед, а теперь возвратимся в XIX век. В 1880-х годах в Ялту хлынул поток отдыхающих, составляющий несколько тысяч за сезон. Однако на ЮБК могли попасть только очень богатые люди. Но местные власти и предприниматели драли с них буквально три шкуры.

Так, в Ялте до 1892 г. ежегодный налог на недвижимость (дома) составлял 7 % их стоимости, а позже — 5 %. Для сравнения: в Балаклаве он никогда не превышал 2 %.

Стоимость номера в день, которому в Центральной России красная цена 50 копеек, в ялтинской гостинице «Центральная» стоил 6 руб. 50 коп.!

17 мая 1882 г. Александр III высочайше утвердил Положение о взимании сезонного сбора с приезжающих в Ялту с 1 апреля по 1 ноября. Сбор был установлен в размере 5 рублей с человека и 3 рублей с каждого члена его семьи.

Ситуация кардинально изменилась после окончательного занятия Крыма красными в ноябре 1920 г.

В декрете Совнаркома «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», подписанном Лениным 21 декабря 1920 г., Крым был объявлен Все-

российской здравницей для трудящихся. По приказу Крымревкома статус общегосударственных курортных местностей получили Сакско-Евпаторийский, Севастопольский, Ялтинский и Феодосийский районы. Дворцы, дачи, особняки отдавались под санатории для рабочих и крестьян, была поставлена цель в кратчайшие сроки открыть до 25 тыс. коек, снабдить санатории продовольствием и топливом на зимнее время, передать им виноградники и огороды, открыть молочные фермы.

Любопытно, что особоуполномоченным был назначен член Крымского обкома РКП(б) и член Ревкома Дмитрий Ильич Ульянов. Он, врач по профессии, много лет провел в Крыму и даже короткое время — май—июнь 1919 г. — был Председателем Совнаркома Крымской Советской Социалистической республики.

В течение суток после получения телеграммы из Москвы Дмитрий Ильич подготовил доклад «Об организации Всесоюзной здравницы». Доклад был представлен и одобрен советским правительством.

В 1921 г. начало функционировать Центральное управление курортами Крыма. В бывших дворцах, особняках и дачах стали обустраивать санатории для рабочих и крестьян. К лету 1921 г. в Крыму открылось 18 здравниц на 2400 мест.

Так, царский дворец в Ливадии был обращен в Крестьянский санаторий. Официально он был открыт 28 июня 1925 г. Но уже к 20 мая там отдыхало 262 крестьянина из Костромской, Ивановской, Московской, Архангельской и других областей. Надо ли говорить, что для крестьян это была настоящая сказка. Четырехразовое питание, не считая утренней и вечерней кружки молока — они-то приехали со своими сухарями!

24 января 1922 г. вышло Постановление Совнаркома о бесплатном лечении некоторых категорий трудящихся и детей на курортах общесоюзного значения. В 1928 г. в Евпатории открывается первый туберкулезный детский санаторий им. 10-летия Октября.

В 1923—1925 гг. активизируется туристская работа профсоюзов, создается Бюро рабочих экскурсий в Симферополе и Бюро экскурсий при Политсовете в Севастополе. В это время в Крыму организуется АО «Крым-курсо» с 57 автобусами и 31 легковым автомобилем.

В 1928 г. при Наркомпросе РСФСР было создано АО «Советский турист», которое окончательно вытеснило частные туристские конторы. «Совтур» использовал в Крыму 5 комбинированных авто-пешеходно-морских маршрутов. Общество имело свои «дома туристов» в Краснолесье, Соколином, на Ай-Петри, арендовало гостиницы во всех городах Крыма. Но в этот же год появилось Общество пролетарского туризма (ОПТ) как противовес коммерческой структуре «Совтура», которое игнорировало работу с местным населением и не признавало самодеятельный туризм. Общество стало учреждать секции туризма на заводах и фабриках, в учебных заведениях и частях Красной Армии. В марте 1930 г. произошло слияние этих двух организаций в Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), которое имело накануне войны 12 домов туриста, использовало 10 всесоюзных маршрутов продолжительностью от 10 до 21 дня и 22 местных маршрута рассчитанных на 1—5 дней. Туристский сезон длился с мая по ноябрь.

К 1935 г. курорты Крыма управлялись 128 разными ведомствами. Всесоюзному объединению по курортам принадлежало 35 предприятий, профсоюзам — 16. Общая наполняемость курортов составляла не менее 15—20 тыс. человек, а пропускная способность — 100—125 тыс. человек в год.

За два десятилетия было построено свыше ста здравниц на 27,5 тыс. мест, а общая вместимость курортно-оздоровительных учреждений к 1940 г. составила 33 тыс. мест, число отдыхающих превысило 3,5 млн человек. На Южном берегу выросли великолепные здравницы — «Долоссы», «Курпаты», «Золотой пляж», «Сосняк» и др.

Война нанесла огромный ущерб курортам Крыма. 27 марта 1945 г. в статье А. Андреева, заместителя начальника Главного курортно-санаторного управления Наркомата Здравоохранения СССР, в газете «Красный Крым» говорилось: «В развалинах лежат здания ялтинских санаториев “Джалита”, “Ореанда”, гостиницы “Интурист”, нет “Дюльбера” в Евпатории. Разрушены здания института медицинской климатологии и климатотерапии (ГИМКК), прекрасной грязелечебницы в Саках. В Феодосии и Коктебеле уничтожены все санатории и дома отдыха.

Медицинские работники и жители курортных районов в короткий срок восстановили многие поврежденные здания. В настоящее время в Крыму

действуют несколько санаториев для раненых бойцов и офицеров Красной Армии, стахановцев и детей, работают санаторий "Пролетарский" на 300 коек, клинический стационар института им. Сеченова на 45 коек, санаторий "Пионер" на 130 коек. Всесоюзная детская здравница "Артек" на 500 коек...

В весенне-летнем сезоне 1945 года на Южном берегу количество санаторных коек будет доведено до 1500. До 1000 коек возрастет число мест в "Артеке" и около 1000 коек будет на Евпаторийском детском курорте.

Готовятся к открытию стационары ГИМКК на 250 коек, института им. Сеченова на 125 коек, санатории "Красное Знамя", "Гаспра", им. Чехова, "Эриклик" и детский санаторий им. Боброва. Подготавливаются к открытию санатории "Сосновая роща" и "Форос".

В Евпатории в этом году будут функционировать санатории "Красный партизан", "XIII лет РККА", им. Розы Люксембург, "Ударник" и "Пионер"».

В течение всего советского периода наблюдался постоянный рост вместимости сети учреждений лечения и отдыха и числа людей, лечившихся и отдыхавших в Крыму. В 1929 г. эта цифра составила 110 тыс. человек, в 1953 г. — 700 тысяч, в 1968 г. — 4 миллиона, в 1974 г. — 6,5 млн, в 1980-х годах — 7—8 млн человек. Рекреационное хозяйство Крыма к началу 1990-х годов включало около 700 учреждений лечения и отдыха с 177 тыс. мест, в том числе 75 тыс. круглогодичного функционирования.

Несколько слов стоит сказать и о водном транспорте, обслуживавшем туристов и курортников. В 1933 г. вступили в строй два больших катера, ходившие на линии Алушта — Гурзуф. Они перевезли за курортный сезон 1933 г. 28 тыс. человек. Перед войной эту линию обслуживали уже 14 судов.

В 1945 г. через порт Ялты прошло только 1800 т грузов и 6700 пассажиров. Но в последующие годы их число резко возросло. Так, к 1965 г. от Фороса до Судака было построено 17 портопунктов. Именно в том году я впервые на большом катере прошел от Алушты до Алупки.

В 1980-е годы через Ялтинский порт в сезон проходило более 6 миллионов (!) пассажиров.

В конце 1960-х годов в портах Крыма появились суда на подводных крыльях. Так, в 1959—1976 гг. на Феодосийском заводе было построено 389 таких судов.

В 1970-х гг. я неоднократно ходил на них от Ялты до Судака. Очень хотелось сгонять на «Метеоре» из Ялты в Сочи, где-то около 5 часов ходу, но, увы, не довелось.

Суда на подводных крыльях ходили из Ялты в Севастополь, Евпаторию и даже в Одессу.

Увы, после 1991 г. все суда на подводных крыльях были проданы за рубеж или пошли на лом.

Говоря о курортном Крыме, нельзя не сказать и об «Артеке».

В Крыму в 1925 г. возникла целая пионерская республика, получившая название «Артек». Создать лагерь-санаторий для детей предложил председатель Российского общества Красного Креста Зиновий Петрович Соловьев.

Соловьев объездил ряд мест крымского побережья, побывал в Коктебеле, под Феодосией, в Судаке, но так и не смог ничего выбрать. И вот, проводя свой отпуск в Гурзуфском отделении Крымской военно-курортной станции (ныне санаторий «Гурзуфский»), Зиновий Петрович обратил внимание на урочище Артек.

Происхождение самого слова Артек, как и многих других крымских топонимов, не имеет однозначного толкования. Наиболее обоснованные версии связывают его с греческими словами «ἄρκτος» (медведь) — по расположению у Медведь-горы, «ορτύκια» (перепёлка), «ἄρτος» (хлеб) или татарским «арты к» (лишний, особенный). В арабских источниках упоминается населяемая русами «Артания», располагавшаяся, по мнению Б.Д. Грекова, в Причерноморской Руси.

В самом лагере наиболее популярной была версия, связанная с перепёлками. Существует устойчивое выражение «Артек — перепелиный островок» и песня с таким названием.

Открыть к началу 1925 г. санаторный лагерь было поручено доктору Федору Федоровичу Шишмареву, бывшему тогда заведующим детским санаторием в Ай-Даниле. Ф.Ф. Шишмарев сыграл значительную роль в жизни «Артека». Ему он отдал восемь лет своей жизни, бессменно работая главным врачом.

Лагерь был открыт 16 июня 1925 г. На первую смену приехало 80 пионеров из Москвы, Иваново-Вознесенска и Крыма. Они жили у самого моря в

брезентовых палатках. В первый год «Артек» за четыре летних смены принял 320 детей.

Детей поселили в палатках — высоких, светлых, с деревянными полами. Обставлены палатки были весьма просто — деревянные, обтянутые парусиной кровати, деревянные табуреты и грубые прикроватные столики. Но все это содержалось в образцовом порядке. Самая лучшая палатка была отведена под изолятор, который стоял от лагеря на значительном расстоянии.

Столовая представляла собой площадку под тентом, где было расставлено шесть обеденных столов и скамейки. И хоть столы были грубо сколочены из теса, их покрывали белоснежными скатертями, а у каждого пионера была салфетка и кольцо для салфетки.

Был организован также клуб-библиотека, под который отвели лучшую комнату потемкинского домика. Там же хранились собранные детьми коллекции, инструменты и материалы для ручного труда.

Около самого моря, где теперь разбита «костровая» площадь с амфитеатром для гостей, находилась физкультурная площадка. Здесь же в первые годы зажигались артековские костры.

Летом 1925 г. «Артек» посетила Клара Цеткин, которая позже писала: «Хотите ли вы видеть свободных счастливых детей? Посетите летний лагерь, устроенный Красным Крестом в “Артеке”».

Первоначально палаточный городок на берегу моря именовался просто «Детский лагерь в Артеке». Название урочища Артек закрепилось в качестве собственного имени лагеря только к 1930 г., когда в верхнем парке был построен первый корпус для круглогодичного приема детей. Он получил наименование «Верхний лагерь», а палаточный у моря — «Нижний».

Третьим артековским лагерем стал в 1937 г. «Суук-Су», созданный на базе переданного «Артеку» одноименного дома отдыха.

В 1930 г. «Артек» отметил свое пятилетие открытием второго лагеря. Количество детей в смену увеличилось с 80 до 200, а в год — до 2 040 детей.

В 1934 г. «Артек» впервые посетил глава советского правительства Вячеслав Михайлович Молотов.

В 1937 г. в «Артек» прибыли сотни детей из Испании, где бушевала гражданская война.

В 1930-е годы «Артек» в течение некоторого времени носил имя своего основателя — З.П. Соловьёва. Затем, в 1938 г., Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВЛКСМ по просьбе пионеров присвоили лагерю имя В.М. Молотова.

В советские времена путевка в «Артек» считалась престижной наградой как для советских детей, так и за рубежом. В пределах одной школы путевки удостаивались самые лучшие из пионеров по многочисленным показателям (участие в делах пионерской дружины, поведение, успеваемость и т.п.). В дни расцвета ежегодное количество путевок в «Артек» составляло 27 тысяч. В период между 1925—1969 гг. «Артек» принял 300 тысяч детей, включая более 13 тысяч детей из семнадцати зарубежных стран.

Почетными гостями «Артека» в разные годы были Жан-Бедель Бокасса, Леонид Брежнев, Юрий Гагарин, Индира Ганди, Урхо Кекконен, Никита Хрущев, Джавахарлал Неру, Отто Шмидт, Лидия Скобликова, Пальмиро Тольятти, Хо Ши Мин, Бенджамин Спок, Михаил Таль, Валентина Терешкова, Лев Яшин[1].

23 июня 1941 г. пионеры Артека отправили в Москву телеграмму: «Отдыхая в солнечном “Артеке”, всегда готовы к защите Родины».

Вскоре большая часть детей разъехалась по домам, но более чем двумстам из них оказалось ехать некуда — их родные города и села были захвачены фашистами. Поэтому пионеров вместе с вожатыми и медперсоналом эвакуировали в Сталинград, а оттуда — в алтайский курортный поселок Белокуриху. Там дети жили по артековским законам, помогали семьям фронтовиков, раненым в госпиталях, собирали металлолом на строительство танков и самолетов.

15 апреля 1944 г. войска Приморской армии освободили «Артек». Лагерь лежал в развалинах.

«Восстановить в Крыму всесоюзный санаторный пионерский лагерь “Артек” с 15 августа 1944 г. на 500 коек и с 1 января 1945 г. — на 1 тыс. коек. 2. Пионерский лагерь “Артек” на курорте Белокуриха — закрыть. Директору пионерского лагеря “Артек” в Белокурихе тов. Ястребову Г.Г. направить в Крым имущество “Артека” из Белокурихи и сдать на месте по акту. Курорт

[1] Материалы сайта: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%F0%F2%E5%EA

Белокуриха из ведения Главкурсануправа НКЗ СССР передать в ведение Алтайского крайздравотдела»[1].

При участии сотрудников лагеря два строительных батальона Приморской армии закончили работы в установленный срок.

В юбилейную смену 1945 года в «Артеке» отдыхало уже 1200 детей. 13 сентября газеты и радио сообщили радостную весть: в связи с двадцатилетним юбилеем за выдающиеся заслуги в деле воспитания пионеров и школьников Всесоюзный санаторно-пионерский лагерь «Артек» им. В.М. Молотова награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1944 г. в состав «Артека» вошел лагерь «Кипарисный» на базе переданного «Артеку» дома отдыха «Колхозная молодежь».

Летом 1947 г. впервые после окончания войны на отдых в «Артек» были приглашены дети из Чехословакии и Польши. Они писали: «Нам навсегда запомнится... приезд в Крым. Всюду мы встречали простых, ласковых, хороших людей. А красота лагеря нас просто поразила. Нам даже не верилось, что всё это может принадлежать детям. Мы так благодарны... детям за заботу о нас, за море, за солнце, за дружбу, за песни, которым мы здесь научились».

В 1977 г., в ходе Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!», в «Артек» съехались 1500 ребят и 500 почетных гостей из 158 международных, региональных и национальных детских и юношеских организаций 103 стран мира.

На момент распада СССР «Артек» состоял из 5 лагерей, объединявших 10 дружин: «Морской» (дружина «Морская»), «Горный» (дружины «Алмазная», «Хрустальная», «Янтарная»), «Прибрежный» (дружины «Лесная», «Озёрная», «Полевая», «Речная»), «Лазурный» (дружина «Лазурная») и «Кипарисный» (дружина «Кипарисная»).

Кроме вышеназванных лагерей, в структуру «Артека» входили две горные турбазы «Дубрава», «Криничка», в которые совершаются поездки некоторых артековских отрядов.

Правительство «незалежной» Украины переименовало лагерь в «Международный детский центр Артек».

Летом 2008 г. было объявлено о создании на основе «Артека» центра украинского национального воспитания. 29 июля состоялась презентация про-

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 478. Л. 69, 70.

граммы «Украина во мне. Я для Украины», которая, по заявлению пресслужбы «Артека», должна стать «основой содержательных проектов “Артека”».

В январе 2009 г. «Артек» впервые за свою историю временно прекратил работу из-за проблем с финансированием. Генеральный директор «Артека» Борис Новожилов на пресс-конференции в Киеве заявил, что при таком отношении властей 2009 год может «стать последним годом существования “Артека”».

В октябре 2009 г. разразился крупный скандал, связанный со случаями педофилии в «Артеке». Согласно заявлению народного депутата Григория Омельченко, в истории замешаны в том числе и три депутата Верховной рады. Якобы детей насиловали и снимали на видео[1].

В марте 2014 г. крымские власти заявили о том, что они возьмут «Артек» в собственность Республики Крым и восстановят его.

Глава 17
КОКТЕБЕЛЬ — ОСТРОВ СЕКСА И ДИССИДЕНТОВ

Если верить Энциклопедии Кругосвет: «В брежневскую эпоху Коктебель стал символом вольной мысли и местом паломничества диссидентствующей советской интеллигенции».

Одна ответственная дама в пылу полемики заявила: «В СССР секса нет». Ну, мало ли что в перестроечные годы говорилось? Один Ельцин с его «лягу на рельсы» чего стоил! Однако фраза об отсутствии секса прижилась, и значительная часть нашей молодежи считает это аксиомой. Вот семнадцатилетний недоросль на полном серьезе вещает перед телекамерой, что, мол, в СССР жить было скучно и секса не было.

Откуда же пошла такая бредятина? Видимо, дама имела в виду не отсутствие секса как такового, а отсутствие индустрии секса. А мы, грешные,

[1] Михаил Мельников. Скандал в «Артеке»: педофилия по-украински. Аргументы и факты (14 октября 2009 года). Секс-скандал в «Артеке»: в деле фигурируют три депутата. Детей насиловали и снимали порно // http://rus.newsru.ua/ukraine/14oct2009/leto.html. Александр Дундич. Рай для педофилов Юлии Тимошенко // http://nadoje.info/articles/segodnia1.html

кустарно занимались этим промыслом когда вдвоем, когда втроем и даже более, и если бы узнали, что в XXI веке в России будет целая индустрия секса, то однозначно возликовали. Но если бы нам, поколению 1945—1970 гг., кто-нибудь сказал, что оная индустрия будет навязывать молодежи геронтофилию, раздался бы гомерический хохот.

Сорок лет назад мы мечтали, чтобы у нас, как в Америке, было бы 30 каналов ТВ. Но чтобы эти 30 каналов 24 часа в сутки демонстрировали бы нам секс-символы России в виде 50—80-летних бабушек и прабабушек, такого и в страшном сне присниться не могло. Старушки в париках, со вставными челюстями, с многократно перетянутыми и наколотыми ботаксом лицами, силиконовыми бюстами, подпиленными ребрами и тому подобное поют, пляшут и демонстрируют свои «прелести». Их дочки давно уже вышли в тираж, и у нормальных мужиков вызывают интерес разве что их внучки. А, поди же, старушки пожизненно зачислены в секс-символы «демократической России».

А, может, та самая ответственная дама имела в виду, что в СССР нет публичного секса? Да, мы действительно были «заткнутыми» и занимались сексом как-то в укромных местечках. А вот сейчас «продвинутая» молодежь занимается сексом открыто, в городских скверах. Старшеклассники сосутся и лапаются (сейчас это называется «пейтингом») прямо на переменках в школьных коридорах. Плывет теплоход по Волге, 16-летний парень, встав посреди солнечной палубы перед отдыхающими пассажирами, по часу лапает плоскую девицу за то место, где раньше у девочек была грудь. Говорят, это очень круто!

А что, старый, завидуешь? Нет, смеюсь и вспоминаю, как 40 лет назад на теплоходе в белую ночь на Онежском озере мы с прелестной незнакомкой не могли найти убежища — меня в каюте ждала подруга, а в ее каюте — мама. И мы залезли в теплоходную трубу, точнее, в кожух трубы. Было очень жарко, но зато весело. И кому я должен завидовать?

Но был в Стране советов и островок откровенного секса — Коктебель. До начала 1960-х годов об этом поселке знало лишь несколько сотен человек. Прославил же Коктебель советский писатель Аркадий Первенцев, напечатав-

ший в «Советской культуре» фельетон «Куриный бог», где обличал вольные нравы отдыхающих Коктебеля. Сатирик Владлен Бахнов ответил пародией:

Ах, что за славная земля
Вокруг залива Коктебля:
Колхозы, совхозы, природа!
Но портят эту красоту
Сюда приехавшие ту —
неядцы, моральные уроды!

Спят тунеядцы под кустом,
Не занимаются трудом
И спортом, и спортом, и спортом
Не видно даже брюк на них,
Одна чувиха на троих
И шорты, и шорты, и шорты.

Пародия быстро разошлась в самиздате и обратила на Коктебель внимание уже тысяч студентов обеих столиц.

Власти осознали, что, пропустив фельетон Первенцева, допустили серьезный промах, и обитателей советского оазиса секса оставили в покое. Это потом некоторые персонажи, в 1970-х годах державшие кукиш в кармане, сейчас публикуют байки о сотнях «кагэбэшников», располагавшихся вокруг диссидентов на коктебельских пляжах. Они-де пили не из бутылок, как диссидентствующие интеллигенты, а «у них стояло ведро с белым вином местного разлива, и они пили из него, черпая кружками».

Я сам регулярно бывал в Коктебеле в конце 1960-х — в 1970-х годах и никаких кагэбэшников не видел и не слышал. По ночам по пляжу ходили пограничники, но к сексу относились нормально: лежу на гальке — посветят фонариком и пошли дальше. Правда, что ночью, что днем попытки спуска на воду плавсредств, даже маленьких детских надувных лодок, жестко пресекались.

Основателем острова богемного секса в Коктебеле справедливо считают философа, поэта, художника Максимилиана Волошина (1877—1932). Его мать Елена Оттобальдовна летом 1893 г. купила в Коктебеле участок земли и построила сравнительно большой дом. Она сдавала дом и другие строения

внаем, но после смерти матери Максимилиан превратил их в место отдыха своих богемных друзей. Поэт писал, что в 1911 г. было «первое обормотное лето».

Многие считают Волошина основателем «русского» натуризма. Действительно, в 1910—1911 годах вышли его опусы «Блики Наготы» и «Блики. Маски. Нагота».

Но, конечно, русский народ еще и до Волошина повсеместно купался голышом. Представим себе Пушкина в плавках на пляже в Гурзуфе?! Вспомним, что еще Елизавета Петровна и Екатерина Великая регулярно издавали указы о запрете совместного мытья баб и мужиков в русских банях.

Естественно, что Максимилиан Волошин и его гости в подавляющем большинстве купались и ходили по пляжу нагишом. Да что Волошин, сам государь император Николай II купался в Черном море и Финском заливе в чем мать родила — сохранились даже кадры кинохроники.

Иного мнения придерживались царские сатрапы. Так, в начале XX века в Ялте свирепствовал градоначальник Думбадзе. Он начал высылать по этапу дам, которые плескались в море без купальников. Да и женщина, облаченная в купальник, который в те времена больше напоминал укороченное платье, выйдя из воды, должна была быстрым шагом направляться в купальню (переодевалку). А если она, скажем, решила съесть мороженое или загляделась на пароход на Ялтинском рейде, то и ей на следующий день светила дальняя дорога. Вообще-то говоря, в начале века один купальник в России приходился на несколько тысяч женщин. Чтобы не прослыть женоненавистником, Думбадзе ссылал и мужчин, которые хоть и были одеты, но преступно наблюдали за обнаженными купальщицами. Нет, я вовсе не шучу, а лишь популярно пересказываю текст циркуляра «О соблюдении благочиния в купальных местах».

Пришедшие к власти в 1917 г. большевики поначалу нормально относились и к сексу, и к нудизму. Так, в 1912 г., находясь в Австро-Венгрии, Ленин побывал на нудистском пляже, который произвел на него весьма благоприятное впечатление. Он высказался в пользу «здорового образа жизни», который проповедовали нудисты. Разделяла эти идеи и супруга Ленина — Надежда Константиновна Крупская. К числу сторонников нудизма принадлежали и

другие видные большевики — например, Анатолий Луначарский, Николай Бухарин, Александр Богданов.

В 1918 г. Ленин заметил Бонч-Бруевичу: «Вот за границей это уже превзойдено. — Там нигде нет такого простора и, например, в Германии, на озерах такая колоссальная потребность в купании у рабочих, у гуляющей по праздникам публики, а в жаркое лето ежедневно, что там все купаются открыто, прямо с берега, друг около друга, и мужчины и женщины. Разве нельзя раздеться аккуратно и пойти купаться без хулиганства, а уважая друг друга?.. Помилуйте, за границей же купаются вместе сотни и тысячи людей, не только в костюмах, но и без костюмов и, однако, никогда не приходится слышать о каких-либо скандалах на этой почве. С этим надо решительно бороться... Нам предстоит большая работа за новые формы жизни, упрощенные и свободные; без поповской елейности и ханжества скрытых развратников».

Так что купальщикам в Коктебеле нечего было опасаться новой власти. Но зато большевики повсеместно национализировали буржуйские особняки. В связи с этим находчивый Волошин с одобрения Наркомпроса объявил свой дом в Коктебеле бесплатным домом творчества. Туда потянулись сотни поэтов, писателей, художников, а также всяческая околобогемная публика, среди которой было много дам полусвета.

После смерти Волошина в 1932 г. его вдове было выделено небольшое помещение в главном доме, а остальные строения занял Дом творчества Литфонда, позже переименованный в «Дом творчества радянских писменников». Ну а литфондовцы продолжали купаться голышом под самыми окнами волошинского дома. Я видел целую серию фотографий богемных дам, купавшихся и загоравших обнаженными в конце 1940-х или в 1950-х годах на пляже, который в 1960-х годах отошел к новому пансионату «Голубой залив».

Первый раз я приехал в Коктебель в июле 1968 г. и дальше стал ездить ежегодно по два раза: в конце апреля — мае, за что получал выговор по деканату, и, разумеется, в летние каникулы. Кстати, это было совсем не дорого для студента. Скажем, студент и студентка, получавшие в МИФИ стипендию по 45 рублей, могли на нее съездить в Коктебель и обратно (плацкарт Москва — Симферополь — 15 руб.) и снять комнату на две койки по 15 рублей (койка — 1 руб. в день). Попробуйте объяснить нынешнему студенту, что в 1970-х годах

бутылка белого крепленого вина (18°) в Крыму стоила 77 копеек, а разливного ординарного сухого вина — 90 копеек литр. То есть студент на стипендию в 45 рублей мог купить 50 литров (!) сухого вина или 29,2 литра крепленого!

Никаких диссидентских выходок окололитературной богемы в Коктебеле я в 1968-м и последующих годах не видел. Зато их сейчас в красках описывают «очевидцы». Я же видел иные эпизоды. Вот один старец описал в стихах груди своей любовницы и громко читал в Литфонде, а другой сочинил пародию на него, где «груди» рифмовались с «муди»... Ну а мне показали опубликованные официальные стихи «любителя грудей». Там он предлагал мадонну свести с иконы под локоток и показать, как трудятся замечательные советские женщины.

К «радянским писменникам» мы, студенты, относились без всякого пиетета. Уж слишком резок был контраст между их официальным творчеством и выступлениями перед телекамерами с тем, как они пьянствовали с голыми девицами и поносили советскую власть на коктебельских пляжах. Помню, я опоздал и заставил 15 минут ждать подругу у входа в Литфонд. Подхожу, она смеется. К ней клеился важный павлин-«писменник» и предлагал сходить к нему в номер в Литфонд отведать коллекционного вина. Она отнекивалась, а он: «Вы же не девочка». «Верно, я сплю с мужиками через одного, но именно ты “через”».

В целом студенты в Коктебеле были настроены весьма оппозиционно по отношению к советской партноменклатуре. Прямо на набережной молодежь громко включала транзисторы и слушала передачи «Голос Америки» и Би-би-си, пели недозволенные песни Окуджавы и Галича. Ах, как нам нравилось: «Мы поехали за город, а за городом дожди, а за городом заборы, за заборами вожди». Наивные, мы думали, что после исчезновения партаппаратчиков исчезнут редкие заборы в Подмосковье. Нам и в голову не приходило, что этих «заборов» при демократах станет на два порядка больше, а высота их возрастет до 5 и более метров.

На мой взгляд, диссидентство коктебельского студенчества было не от плохой жизни, а именно от хорошей. Да, да! Я совсем не преувеличиваю. Цены на жилье, вино и еду были просто смешными. Каждому студенту было гарантировано, что он станет инженером, бухгалтером, конструктором и т.д.

В Коктебеле мы не думали о карьере, а лишь о солнце, море и загорелых телах наших подруг. Если не ошибаюсь, тогда в Коктебеле было всего лишь два ресторана — в поселке и в Литфонде. В деньгах я не особенно нуждался — помогали обеспеченные родители и сам занимался репетиторством. Но в ресторан я ни разу не ходил. Куда приятнее было взять пару бутылок «Кокура сурожского», «Муската белого» или «Хереса крепкого» и отправиться с подругой ночевать на пляж. Естественно, купались нагишом, изредка, правда, включался мощный пограничный прожектор и раздавался хохот, поскольку рядом в таком же виде плескались отдельные парочки и даже большие компании.

Днем же голышом купаться у Литфонда было нельзя. Рядом было построено несколько пансионатов, и приходилось уходить к бухтам Карадага или, наоборот, в сторону поселка Орджоникидзе. Там, начиная с подступов к мысу Хамелеон, на много километров простирался неофициальный нудистский пляж. Публика была в основном 16—30-летняя. Пожилых нудистов в те годы встречалось очень мало. Власти нудистов в конце 1960-х — 1970-х годах игнорировали. По крайней мере, я ни разу не слышал о каких-то инцидентах. Зато совковые личности обоего пола систематически появлялись на этих пляжах и вполголоса обличали нудистов.

В бухтах Карадага и у Хамелеона непрерывно щелкали фотоаппараты. Советская цензура запрещала фотографировать даже обнаженную женскую грудь, не говоря уж об остальных деталях. Правда, речь шла только о белых женщинах. У меня где-то валяется подшивка журнала «Пионер» за 1930—1940-е годы, где есть много фотографий голых негритянок. Но это тогда не считалось порнографией, несмотря на официальный интернационализм большевиков.

Зато в Коктебеле народ снимал обнаженную натуру во всех мыслимых и немыслимых позах совершенно открыто, не стесняясь прохожих и соседей по пляжу. Иной раз один фотограф находился от другого на расстоянии нескольких метров. Любопытно, что практически никто из наших подруг не требовал потом фотокарточек. Они снимались ради любви к искусству и, возможно, любви к нам.

Сдавать фотопленки на проявку и печать в официальные фотомастерские было рискованно, поскольку там мастера были обязаны передавать «органам» все снимки с «порнографией». Зато фото было плохим или хорошим, но нашим искусством. Автоматов тогда не было, и мы сами выбирали и диафрагму, и выдержку, сами проявляли пленки, включая слайды, и сами печатали фотографии.

Вопреки современным обличительным статьям бывших диссидентов, массовых репрессивных мер в области морали с середины 1960-х по1980-е годы коммунистические власти не предпринимали. Поведение властей я бы сравнил с поведением командования американской армии в начале XXI века в отношении военнослужащих-гомосексуалистов — «не говори, не спрашивай». То есть не высовывайся со своим сексом, и тебя никто не тронет.

Мне неизвестно ни одной попытки советских или партийных властей женить кого-либо «на пузе», хотя в 1940—1950-х годах таковое еще имело место. Если и было давление на нежелавших жениться студентов, то оно в основном носило экономический характер. Например, студент «обрюхатил» однокурсницу, а ее дядя-декан пригрозил «злодею» лишить его места в общежитии под каким-то надуманным предлогом. И бедолага, плача, пошел в ЗАГС.

Тем не менее «продвинутое» студенчество 1960—1970-х годов считало, что советская власть притесняет у нас секс. Предметом нашей зависти была жизнь студентов Латинского квартала в Париже. Русские эмигранты еще в начале XX века с восхищением писали о том, что студенты там устраивают выпускной бал, куда они сами являются в черных смокингах, а их девицы — в одних туфельках. Ну а что творилось в студенческих коммунах Парижа в 1968 г. — я и писать не рискну.

Самое забавное, что советская пропаганда активно поддерживала наши иллюзии о свободе секса в Западной Европе и США. Ни один советский фильм о жизни на Западе не обходился без ресторанов, баров, канкана, стриптиза, проституции, «беспорядочных половых связей» и т.д. И невдомек было нам, что жизнь московских и ленинградских студентов в 1960—1970-х годах была несоизмеримо более свободной в области секса, нежели жизнь американских обывателей в их провинциальных городах как тогда, так и сейчас, в 2014 г.

Пусть у нас не было индустрии секса, зато у нас был доморощенный советский секс, да еще какой!

Мне до сих пор непонятно, почему наша пропаганда не использовала секс (ладно, назовем его эротикой) для рекламы «советского образа жизни»? Неужели непонятно, что социализм с карнавалами и полуголыми загорелыми красотками куда популярнее, нежели официальный социализм с бесполыми комсомолками, спортсменками и ударницами, навязываемыми нам книгами и кино 1950—1970-х годов? Фидель Кастро это понимал, а наши вожди были скудоумны.

Ведь эротика — это не отказ от марксизма, а возвращение к его истокам. Вспомним Ленина, Инессу Арманд, Александру Коллонтай с ее «стаканом воды», Ларису Рейсман и прочая, и прочая.

Допускаю мысль, что в предвоенные и военные годы России был нужен казарменный социализм. Но в 1950—1960-е годы он представлял опасность для государства. Сексуальная революция была непобедима. А если какое-то движение нельзя остановить, его надо возглавить и направить в нужное русло.

Увы, с 1950-х годов эротика стала оружием диссидентов, разрушающим государство. Да и сейчас она активно используется для охаивания нашей истории. Вот, к примеру, за 15 лет существования телеканала «Культура» — якобы единственного неполитического канала РФ — не обходится и двух вечеров без поливания помоями в телеэфире недавней истории нашего Отечества. На мой взгляд, «Культура» — это наш самый политизированный канал, причем он отражает взгляды весьма узкой части либеральной интеллигенции. Объединись они в политическую партию, то никогда бы не прошли ни 7-процентный, ни даже 5-процентный барьер в Думу. Увы, канал финансируют налогоплательщики всей страны. Надо отдать должное мастерству руководства канала. Они ухитряются в любой передаче лягнуть наше старшее поколение — наших отцов, дедов и прадедов.

Помните анекдот перестроечных времен: «В Раде председательствующий урезонивает ультранационалиста: — Придерживайтесь, пожалуйста, регламента. У нас вопрос об экологии Украины. — Вот я и говорю об экологии: Всі дуби повырубали, на чому тепер москалів вішати будемо».

Разумеется, это анекдот. В Раде такого до 2014 г. не было. А вот на канале «Культура» это норма. Вот, к примеру, как можно устроить антисоветскую истерию в рассказе о женском белье? Но Ренате Литвиновой оказалось и это под силу. В первой передаче 26 декабря 2013 г. Рената повествовала нам о высокой моде — парижской и американской. Причем Литвинова на себе демонстрировала весьма откровенные предметы женского белья. Лично я не уверен, что всем мужчинам понравился стриптиз 46-летней дамы. Впрочем, я, видно, отстал от современной моды.

Забавнее другое. На следующий день, 27 декабря, Рената рассказывала нам о советском белье 1920—1980-х годов. Естественно, она его примерять на голое тело и не пыталась. Белье было ношенное, застиранное. А главное, эти вещи принадлежали самым малообеспеченным слоям нашего общества. С особым удовольствием Рената показывала нам солдатское белье. Кстати, когда она говорила о французской моде, о мужском белье она вообще не упоминала.

Понятно, что женское белье миллионерш и кинозвезд резко контрастировало с бельем советских работниц и колхозниц. Любопытно, смотрела ли когда-нибудь Литвинова итальянские или французские кинофильмы конца 1940-х — начала 1950-х годов, где показывалось белье крестьянок и бедных горожанок, весьма мало отличавшееся от советского белья того же периода?

Показ советского белья комментировался неподдельным возмущением «бесчеловечным советским режимом, который был направлен специально против женщин» и т.п.

Передачу Литвиновой я, к сожалению, не записал, а посему процитирую статью из Интернета, которую Рената пересказала почти слово в слово.

«А у равных сильных и смелых строителей коммунизма не должно быть времени на глупости, человек новый — независим от страстей. Фактически этот человек — бесполый. Начинается эпоха коммунистического унисекса, не игривого и бунтарского, а грубого и безликого, исключающего сексуальность и эротичность...

Женщину элиминировали, загнали в стандарты, прокрустово ложе соорудило само государство.

На государственном же уровне создавалось ощущение, что женскому белью просто объявлена война ...

Интересно при этом отметить, что такая жёсткая идеология создала в обществе занятное отношение к нижнему белью. Демонстрация белья считалась позорной — не дай боже, появится из-под платья бретелька от бюстгальтера. Кстати, совсем забыла о панталонах, если, не дай бог, задерется платье и мелькнут панталоны — настоящий позор».

Читаю и недоумеваю. Пишущие и говорящие это сами не знают историю и русскую литературу или рассчитывают на публику из дебилов? Неужто дамы на балах у Александра I или Николая II демонстрировали свои панталоны? Да не то что показывать панталоны, а просто даме снять перчатку в обществе считалось верхом неприличия.

Ну, это в высшем свете! А у простого народа? Черчилль говорил, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой. А я добавлю, что принятая им Россия была без трусов и без лифчиков. К 1917 г. свыше 95 % населения России не имели нижнего белья вообще. Кстати, и господа не имели трусов, а носили кальсоны — зимние и летние. А мужики носили летом одни портки, а зимой напяливали на них еще одни.

До 1917 г. в России не было ни одной фабрики по пошиву женского белья. Массовое изготовление женского и мужского белья началось именно в советское время. Естественно, сразу одеть всех по последней моде было нереально.

Выступая в 1931 г., Сталин сказал: «Если мы не догоним развитые капиталистические страны за 10 лет, то нас сомнут». Вопрос стоял — быть или не быть нашему Отечеству. Мы догнали, и в 1945-м наши танки вошли в Берлин, Вену, Будапешт, Харбин и Порт-Артур. А не догнали бы, появилась бы на свете Рената Муратовна? Признали бы немцы Ваших родителей арийцами или нет?

Так уж извиняйте... Не до кружавчиков было, и ходили наши бабушки и дедушки в сатиновых трусах. Кстати, я и сейчас хожу в «семейных» трусах — очень удобно. И уж ни под каким видом не одену стринги или «слоники». Еще при советской власти какой-то еврей, уехав в Израиль, открыл там фирму по производству «семейных» трусов и стал миллионером.

Итак, Сталин одел страну в немодные лифчики и трусы. А во что были одеты крестьяне Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины — бывшие подданные Российской империи? Как у них в 1917 году не было трусов и лифчиков, так к 1939 г. и осталось.

В СССР еще в 1920-х годах в школах девочкам на уроках труда и домоводства преподавали уроки кройки и шитья. Они должны были уметь шить себе лифчики и трусы. Мало того, в городских и сельских домах культуры, домах офицеров повсеместно действовали бесплатные курсы кройки и шитья.

И шили, и еще как! Так, многие мои подруги по Коктебелю занимались «самостроком». Одна из единого купальника югославского производства сделала супер мини-бикини. Купальник ее еле прикрывал места, которые не должен был видеть простой советский человек. И мы купались не только в Коктебеле, но и в Алуште, и Судаке. Другая подружка мою нейлоновую рубашку перешила тоже в супер-бикини. И загорала не только в Коктебеле, но и на теплоходах на Днепре и Волге. Дамочки — противницы секса — что-то возмущенно бормотали, но были посылаемы.

Возникает резонный вопрос, а почему советская легкая промышленность не могла организовать выпуск «мини-бикини»? Что, рухнул бы социализм? А, может, наоборот, не рухнул бы в 1991 г., и престарелой красавице Ренате не было бы оснований обличать советский строй.

Разумеется, дело не только в купальниках. Вот, к примеру, почему советское кино 1960—1980-х годов заполонили асексуальные героини? Классический пример — Кэт в «17 мгновениях весны». Ну, ладно, тут Кэт разведчик, и она не должна бросаться в глаза и чем-то запоминаться.

Но вот веселая комедия «Три плюс два», снятая в 1963 г. режиссером Генрихом Оганесяном по пьесе Сергея Михалкова «Дикари». Мне этот фильм очень близок. Я в 1963 г. и в последующие годы отдыхал в Восточном Крыму от Алушты до Коктебеля. Режиссер долго подбирал красивых мужчин на роль главных героев. Так, среди не прошедших кастинг были Вячеслав Тихонов и Никита Михалков. Кастинг выиграли Андрей Миронов, Евгений Жариков и Геннадий Нилов.

В реальной ситуации к ним на пляжах Коктебеля, Судака и Нового Света кинулись бы знакомиться толпы девушек от 14 лет и выше!

И вот они влюбляются в двух пожилых теток — Наталью Кустинскую и Наталью Фатееву. Но хотя оным дамам не более 25—30 лет, сравним их со Стефанией Сандрелли, Лаурой Антоннели, с 16-летней Оливией Хасси в фильме «Ромео и Джульетта» (1968 г.).

Почему бы не снять то же «Три плюс два» с двумя актрисами или студентками ГИТИСа 18—20 лет с приличными фигурками? Да еще что б пара кадров без купальников. Замечу, что обычно в 1960—1980-х годах в диких местах Крыма так народ только и купался. Да и сейчас ситуация ничуть не изменилась — поезжайте в Крым и убедитесь.

И вот такой вариант фильма надо было попытаться поставить в широкий прокат в Техасе, Неваде или еще в каком-либо заскорузлом штате. Там бы его, естественно, запретили, да еще и арестовали бы людей, организовавших прокат. Далее публикация в СМИ — «Вот она, демократия!» А далее миллионы советских людей стояли бы в очереди смотреть фильм, начинающийся титрами: «Этот фильм запрещен в “свободном мире”. За его показ американская фемида дает... лет и столько-то тысяч долларов штрафа».

Тем не менее, несмотря на все глупости и запреты советских вождей, секс в СССР был, да еще какой! Приятно вспомнить!

А вот у американских обывателей, которые мнят себя пупом земли, секса как не было, так нет и не будет! Попробуйте прокрутить у них советский патриотический фильм «А зори здесь тихие» или устроить выставку картин с девочками Пластова и Кустодиева. Сразу «загремите» на многие десятки лет. Вы пригласили незамужнюю женщину коллегу по работе в театр, это у них квалифицируеся как «сексуальное домогательство» — статья, тюрьма. Вы поругались с женой — тюрьма. Вы занимались анальным сексом с женой — тюрьма. И т.д. и т.п. Как не пожалеть американских мужчин-импотентов, которые пытаются навязать свой американский образ жизни всему миру? А впрочем, так им и надо, там им и надо, господа!

Ну а в завершение скажу пару слов о переименованиях Коктебеля. Название это явно тюркское, то ли «Край голубых холмов», то ли «Серый конь со звездочкой на лбу».

Указом от 21 августа 1945 г. Коктебель был переименован в Планерское. Дело в том, что в 1923 г. в Коктебеле впервые в стране прошли соревнования планеров 10 конструкций. Был установлен рекордный парящий полет — 1 час 2 минуты.

В 1924 г. в Коктебеле летало уже 48 планеров. Именно в Коктебеле проявили себя как конструкторы и пилоты О.К. Антонов, С.В. Ильюшин, А.С. Яковлев, А.Н Туполев, С.П. Королев, М.И. Гуревич и многие другие.

29 октября 1930 г. летчик В. Степанчонок на планере конструкции Королева «Красная звезда» впервые выполнил «мертвую петлю».

Но название Планерное особенно не прижилось, и никто не расстроился, что 21 августа 1993 г. поселку вернули прежнее название. Увы, господин Джемилев и другие члены Меджлиса не унялись и предлагают переименовать еще мыс Хамелеон в мыс Топрах-кал. Я много лет купался в Мертвой и Тихой бухтах, разделенных мысом Хамелеон. В обеих бухтах, да и на самом мысу Хамелеон купались и загорали нудисты. Мыс был назван Хамелеоном, поскольку напоминает ящерицу-хамелеона, уползающую в Черное море. В течение дня в зависимости от освещения цвет мыса меняется от серо-голубого до золотисто-охристого. Зачем менять название мыса? Чтобы испортить настроение русским и украинским нудистам. На мой взгляд, разговор о Топрах-кал можно поднимать лишь тогда, когда там будет хотя бы 20 % нудистов из крымскотатарского населения. А пока...

Глава 18
КРЫМ ВОЕННЫЙ

(продолжение, главы 18-26, во втором части книги)